С. Я. ШТРАЙХ

3082

МОРЯКИ ДЕКАБРИСТЫ

Воениздат
1946

ков. Практикуйте включение соревнований по отдельным упражнениям комплекса в число зачетных номеров праздников для всех участников его.

Часть испытаний может быть организована в форме развлечений—аттракционов на вечерах—гуляньях, экскурсиях (подтягивание, метание гранаты, поднимание ящика и др.).

6. При организации испытаний необходимо обратить главное внимание на максимальное приближение их к заводам, коллективам, вузам, ла-
ге ям, водным станциям, рабочим садам, пляжам
т. д.

абота испытательных комиссий должна но-
стоянный и длительный характер (дежур-
и проч.), чтобы дать возможность
те или иные испытания как в
и в учебное для сдающего

щее лето выд-

11561

947
Ш 93
П-81

С. Я. ШТРАЙХ

3

МОРЯКИ ДЕКАБРИСТЫ

ОЧЕРКИ

Центральная
БИБЛИОТЕКА
ВМС
30.12.48

Военно-Морское Издательство
НКВМФ Союза ССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1946

14 декабря первый в России опыт революции политической, опыт, почтенный в бытописаниях и в глазах других просвещенных народов. Тайное общество состояло из людей, коими Россия всегда будет гордиться. Никто из членов не имел своекорыстных видов.

Декабрист *Г. С. Батеньков*. Показание 18 марта 1826 г.

ОТ АВТОРА

В. И. Ленин и И. В. Сталин говорят о восстании декабристов, как о восстании революционном. В статье «О национальной гордости великороссов» (1914 г.) В. И. Ленин писал по поводу насилий царизма над народами нашей страны: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов...» [1]

Отпор насильникам декабристы дали, создав пеовую в нашем отечестве революционную организацию и подготовив восстание против угнетателей трудового народа. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин писал в 1914 году: «Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время» [2].

Самыми выдающимися деятелями первого периода освободительного движения в нашем отечестве В. И. Ленин называет де-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 81. И. В. Сталин. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М., Партиздат, 1934, стр. 157.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.

кабристов. Цель настоящих очерков — показать, что русский военно-морской флот — в лице многих сотен матросов и нескольких десятков офицеров — сыграл большую и видную роль в движении декабристов.

На Сенатскую площадь в Петербурге вышли 14 декабря 1825 года 3000 рядовых из разных частей столичного гарнизона. Среди них было больше 1000 матросов Гвардейского экипажа. Из стоявших на площади 2000 рядовых сухопутных частей пострадали 2% — 41 человек: 3 убитых, 13 пропавших без вести, 25 раненых. Потери рядового состава Гвардейского экипажа в день 14 декабря составляют 5%: убито и смертельно ранено 13 человек, пропало без вести 15 человек, тяжело ранены и остались инвалидами 3 человека, ранены 21 человек — всего 52 человека.

Среди 289 офицеров, привлеченных к следствию по делу декабристов, было 32 моряка (11%). Из 289 подвергнуты наказаниям (каторга, ссылка, разжалование в солдаты) 131 человек (45%). Среди этих 131 было 18 моряков (14%). Из 289 офицеров подвергнуты административным взысканиям (перевод в другие части, поднадзорное положение и т. п.) 124 человека (43%). Среди них — 14 моряков (11%; по отношению ко всем морякам — 43%). В сравнении с числом сухопутных войсковых частей петербургского гарнизона моряки дали большее число участников событий 14 декабря 1825 года. Среди офицеров, понесших за это суровую кару, также преобладают моряки. Сочувствовавших движению декабристов и разделявших их вольнолюбивые мечтания было среди моряков значительно больше, чем те, о которых говорится здесь. Некоторые из них упоминаются в тексте.

Предлагаемые очерки основаны на сведениях, извлеченных из официальных источников, из мемуарных и других произведений самих декабристов, из рассказов свидетелей событий 1825 года, из воспоминаний и писем лиц, встречавшихся с декабристами до восстания и при различных обстоятельствах после него, из научно-исследовательской литературы. Условия военного времени не дали возможности выявить дополнительные материалы, использовать неизданные документы по истории движения 20-х годов XIX в. Но в соответствии с целями и задачами настоящих очерков это не могло отразиться на полноте характеристики главных участников революционного движения во флоте в первой четверти прошлого века. Отсутствие некоторых биографических данных о

второстепенных участниках движения, признанных даже придирчивым судом Николая I виновными лишь в слушании «возмутительных речей», также не является помехой для выяснения роли моряков-офицеров в движении декабристов.

Хуже обстоит в этом отношении с вопросом о роли матросов в движении. До Великой Октябрьской социалистической революции о матросах почти совсем не упоминалось в исследовательской и популярной литературе предмета. Им отказывали в звании декабристов. В советскую эпоху опубликованы архивные материалы об участии матросов в заговоре и восстании декабристов. В них сообщены отрывочные сведения, извлеченные из делопроизводства следственной комиссии при Гвардейском экипаже, из переписки администрации больниц и госпиталей, куда были доставлены матросы, раненые 14 декабря на Сенатской площади, и т. п. учреждений.

Авторы публикаций заявляют, что они исчерпали сохранившийся в «делах» фактический материал. Можно полагать, что новое обследование архивов позволило бы уточнить опубликованные данные, а в иных случаях выявило бы дополнительные факты. В прежних списках имеются отрывочные и противоречивые сведения о 89 матросах. Критическая проверка и сводка всего материала дали возможность составить свыше ста биографических справок о матросах, причастных к движению декабристов.

Наряду с фактическими данными о служебной деятельности моряков-декабристов до восстания, об их судьбе после 14 декабря 1825 года, об их вкладе в развитие отечественной теоретической мысли и культуры сообщаются сведения об организациях и учреждениях, вокруг которых группировались участники общественного движения первой четверти XIX в. В дальнейшем изложении преимущественно рассказывается об идейных основах, о составе и деятельности политических объединений, из которых выросло Северное тайное общество, включавшее в себе морскую управу декабристов. О программах и деятельности других тайных обществ здесь говорится лишь в соответствии с планом очерков.

В первой главе дан общий обзор зарождения и развития идей декабристов, образования тайных обществ, связи последних с другими объединениями эпохи, организаций, вокруг которых группировались причастные к движению моряки. Во второй главе на основе биографических сведений об отдельных моряках-декабристах представлены выдающиеся моменты движения до восстания

14 декабря включительно. В третьей главе говорится о жизни и деятельности моряков-декабристов после 1825 года. Здесь охарактеризовано отношение к побежденным декабристам Николая I и тогдашнего русского общества.

Выписки из воспоминаний декабристов и других материалов приводятся с необходимыми по условиям места сокращениями, которые в тексте не отмечаются. В связи с этим в некоторых из них изменены окончания слов, согласования падежей и т. п. Существо текста при этом не нарушено. В показаниях декабристов на допросах, в их письмах и других документах не сохраняется их своеобразное правописание. Оно затруднило бы в данном изложении читателя, не давая ему возможности сосредоточиться на содержании документа. Литературные справки дают возможность ознакомиться с первоисточниками истории декабристов.

В составлении книги принимала непосредственное участие моя жена Надежда Владимировна.

С. Штрайх.

Постепенно зреющая мысль снова обратит внимание на дело Тайного общества.

Декабрист *М. С. Лунин*

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА ДЕКАБРИСТОВ

Русские моряки всегда стояли в первых рядах деятелей культуры и науки. В открытии и описании новых земель, в технике судостроения, в приемах кораблевождения, в искусстве ведения морского боя, в других областях знания и мастерства история русского флота насчитывает много моряков, распространивших славу родины далеко за ее пределами. Много славных страниц вписали русские моряки и в историю освободительного движения народов нашей страны на протяжении всего XIX и первых десятилетий XX в.

Революционное выступление в конце 1825 года было вызвано живым действенным патриотизмом, горячей любовью его участников к своему народу. Эти стремления и чувства были усилены и углублены идеями французской буржуазной революции конца XVIII в., участием членов тайных обществ в освободительных войнах, которые вела русская армия с поработителем Западной Европы в начале XIX в. В рядах русской армии сражались за освобождение народов, угнетенных Наполеоном, многие будущие декабристы: П. И. Пестель, С. Г. Волконский, И. Д. Якушкин, М. Ф. Орлов,

С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, К. Ф. Рылеев, А. Н. и Н. М. Муравьевы, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, И. Г. Бурцов, Г. С. Батеньков, В. С. Норов, Н. И. Лорер, В. Л. Давыдов, В. Ф. Раевский, М. А. Фонвизин, Ф. Н. Глинка, А. Ф. Бригген, А. М. Булатов, Ф. П. Шаховской и другие.

На допросах по делу о восстании 1825 года декабристы заявляли, что война 1812 года вызвала у них решимость принести в жертву все, даже самую жизнь, ради пламенной любви к отечеству.

Превосходно изобразил патриотический подъем всего русского народа в 1812 году декабрист И. Д. Якушкин. «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двунадесять языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!». В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле» [1].

Видный участник движения Н. И. Тургенев, занимавший крупные должности в государственном совете, так описывает развитие освободительных идей в России после отечественной войны: «Я возвратился в Россию из Западной Европы, куда был командирован по служебным делам в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что совершившимися событиями, или скорее волнение, произведенное ими, были очевидны. Со времени возвращения русских войск либеральные идеи усиленно распространялись в России. Кроме регулярных войск, за гра-

---

[1] И. Д. Якушкин. Записки, изд. 7-е, ред. Е. Е. Якушкина. М., 1926, стр. 11.

ницей была и масса ратников из различных слоев общества; по переходе границы они распускались по домам и там рассказывали виденное в Европе; но сами события действовали сильнее рассказов и были лучшей пропагандой. Это новое настроение умов проявилось главным образом в местах сосредоточения военных сил, и прежде всего в Петербурге, — центре событий, имевшем громадный гарнизон отборных войск» [1].

Декабрист — офицер генерального штаба, историк А. О. Корнилович с гордостью привел на допросе свой разговор с иностранным дипломатом в Петербурге. «Он с восторгом относился о нашем народе. Он говаривал, что объехал Европу и нигде не встречал такой силы характера, такой твердости, такого терпения и способности все переносить, как у русских.

— Вы теперь, — прибавлял дипломат, — почти первенствуете в Европе. Но дайте этот народ в руки человека с умом гениальным, который позволил бы ему развернуть свои силы, и вы будете первою державою в мире» [2].

Классически метко и сжато объясняет источник движения декабристов А. И. Герцен в «Былом и думах». Говоря о патриотизме русского народа во время отечественной войны 1812 года, он писал: «Война вызвала к сознанию, сознание — к 14 декабря. Патриотизм 1812 года практически был выражением того инстинкта силы, который чувствуют все могучие народы, когда чужие их задевают» [3].

В отечественной войне и предшествовавших ей сражениях участвовало много матросов, выступивших 14 декабря 1825 года с протестом против аракчеевско-крепостнического самодержавия. В кампаниях 1812—1814 гг. участвовали офицеры русского флота, будущие декабристы Торсон, Н. Бестужев, Штейнгель и другие.

---

[1] Н. И. Тургенев. Россия и русские, ч. I, М., 1907, стр. 49 и сл.; имеются другие издания: Записки изгнанника. Спб., 1907; Воспоминания изгнанника. Спб., 1915.

[2] П. Е. Щеголев. Декабристы. М.-Л., 1926, стр. 309.

[3] А. И. Герцен. Былое и думы, т. II, М.-Л., 1937, стр. 275 и 378.

С военно-морским флотом связаны также те участники движения двадцатых годов XIX в., которые в решающие дни выступали в рядах других частей, но получили воспитание и нравственную закалку в морском корпусе, начали службу во флоте.

Прежде чем говорить об отдельных моряках, участвовавших в движении, надо остановиться на зарождении, идейных основах и практической деятельности тайных обществ, из которых развилось и выросло восстание декабристов. Необходимо выяснить условия и обстановку, при которых моряки приняли участие в политическом движении двадцатых годов XIX в.

В. И. Ленин много раз касался в своих статьях восстания декабристов. Он ясно и определенно указал место декабристов в истории революционного движения. Как уже отмечалось выше, в статье «Из прошлого рабочей печати в России» (1914 г.) В. И. Ленин делит русское революционное движение на три периода. В начале первого из этих периодов — дворянского — он ставит выступление декабристов, которых называет «самыми выдающимися деятелями дворянского периода» [1].

Несколько позднее, в «Докладе о революции 1905 года», сделанном в Швейцарии в 1917 году, В. И. Ленин снова говорил, что в 1825 году «Россия впервые видела революционное движение против царизма... Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам...» [2]

Там же отмечено, под каким внешним влиянием произошло оформление революционной мысли декабристов: «Они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн» [3].

Подробнее В. И. Ленин высказался о декабристах в статье «Памяти Герцена» (1912 г.). Здесь он напоминает слова Герцена о том, что дворяне дали русскому народу свирепых палачей вроде Аракчеева, пьяных офицеров и диких крепостников, но дали также декабри-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.
[2] Там же, т. XIX, стр. 348 и 351.
[3] Там же, т. XIX, стр. 351.

стов — воинов-сподвижников, вышедших сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение.

Как одну из заслуг этих дворян перед своим народом В. И. Ленин отмечает, что «восстание декабристов разбудило» Герцена. Разбуженный декабристами Герцен сумел в крепостной России «подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» [1].

Герцен создал за границей вольную русскую прессу, которая «подняла традицию декабристов» [2].

Так В. И. Ленин устанавливает зарождение, рост и преемственное развитие революционного движения в России, отводя основоположникам его — декабристам — видное место в истории этого движения и отмечая их заслуги перед народом.

Воспринимая отечественную войну 1812 года как войну народную, видя героизм и доблесть, проявленные народом в борьбе с нашествием врага, будущие декабристы возмущались тяжелым положением закрепощенных крестьян. Последовавший затем победоносный поход русских войск в Западную Европу и освобождение последней от ига Наполеона обусловили дальнейшее развитие революционной мысли офицеров и солдат, углубили и расширили свободолюбивые идеи в их среде, воспринятые большинством из них от своих воспитателей — участников французской буржуазной революции конца XVIII в. У солдат под влиянием походов и долговременного пребывания в Западной Европе тоже развивалось критическое отношение к феодально-крепостническому государственному строю.

Так создавалась обстановка для пропаганды освободительных идей в стране. В этих условиях возникли вскоре после наполеоновских войн, преимущественно среди

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 464.

[2] Там же, стр. 466. Обзор высказываний В. И. Ленина о движении декабристов у М. В. Нечкиной — «Ленин о декабристах», в журнале «Фронт науки и техники», 1935, № 5—6, стр. 29—37; у нее же — «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского», в сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I, М.-Л., 1939, стр. 303 и сл.

гвардейского офицерства, кружки, стремившиеся к политическим переменам.

Возникло также брожение среди солдат других частей. Между прочим были волнения в полках Преображенском, Московском, Гренадерском, Егерском, Измайловском [1]. «Почти во всех полках обнаружились различные притязания и домогательства солдат» [2].

Самым значительным было восстание Семеновского гвардейского полка в октябре 1820 года. К этому восстанию были причастны также офицеры. Среди них были Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин, руководившие впоследствии восстанием 1825 г. на юге [3].

К концу десятых годов офицерские кружки оформились в несколько тайных обществ. А в начале двадцатых годов действовало в Петербурге и Москве Северное общество с преобладающим составом крупнопоместной знати. На Украине, в частях второй армии, сложилось Южное общество, большинство членов которого происходило из среднего дворянства. Там же действовало Общество соединенных славян, в состав которого входили по преимуществу мелкопоместные и безземельные дворяне, военные и гражданские чиновники из выслужившихся мещан; было там несколько крестьян.

В соответствии с личным составом тайных обществ было выработано несколько проектов основных законов для будущей, свободной России.

Северное общество стремилось к введению цензовой конституционной монархии. Большинство участников этого общества считало достаточным освобождение крестьян

---

[1] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 145, 160 и сл.

[2] А. Е. Розен. Записки декабриста, ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1907, стр. 18.

[3] В. И. Семевский. Восстание Семеновского полка в 1820 г. «Былое», 1907, № 1—3; В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, гл. I; С. Я. Гессен. Солдатские волнения в начале XIX в. М., 1929; С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х гг., сб. «Бунт декабристов». Л., 1925, стр. 57 и сл.; С. Я. Штрайх. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Петроград, 1920; С. Я. Штрайх. Брожение в армии при Александре I. Петроград, 1922; А. Яковлев. Семеновское дело, сб. «Декабристы». Л., 1926, стр. 101 и сл.

от крепостной зависимости с небольшим земельным наделом. Имелось в виду, что малая производительность такого надела приведет крестьян к обязательной аренде земли у помещика или к работе у него на определенных договорных началах. В Северном обществе была также более радикальная группа во главе с поэтом Кондратием Федоровичем Рылеевым.

Одним из главных руководителей Тайного общества при его основании был безземельный дворянин полковник Павел Иванович Пестель. Это был одаренный, глубоко образованный, талантливый офицер, обладавший способностями крупного государственного деятеля.

Встречавшийся с Пестелем в 1821 году в Кишеневе А. С. Пушкин записал в своем дневнике: «Утро провел с Пестелем. Умный человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

Герцен, близко знавший многих людей, встречавшихся с Пестелем, писал о нем в 1858 году: «Его большая фигура господствует над всем заговором, она велика» [1].

В противовес умеренному большинству Северного общества Пестель основал Южное общество, целью которого ставил военное восстание для захвата власти и образование республики. Он выработал подробный план (Наказ) государственного устройства будущей республики. По этому плану, называвшемуся «Русская правда», Российское государство объявлялось «единым и нераздельным». Пестель хотел, чтобы все населяющие Россию племена содействовали «возведению» страны «на высшую степень благоденствия, величия и могущества».

Пестель настаивал на уничтожении преимущества богатых, уравнении всех граждан перед законом. В земельном вопросе «Русская правда» требовала разделения земель каждой волости на две половины, по угодьям: «одна половина должна именоваться землей общественной, другая — землей частной. Земля общественная должна обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может; она предназначена для достижения необходимого всем гражданам, без изъятия;

---

[1] А. И. Герцен. Соч., т. IX. Петроград, 1919, стр. 138.

земли частные должны принадлежать казне или частным лицам и должны служить к доставлению изобилия».

В пределах второй армии действовало, независимо от южной — пестелевской организации, Общество соединенных славян. Самое название этой организации показывает, что в центре интересов этой отрасли Тайного общества стоял славянский вопрос. Оно возникло в 1823 году [1] вследствие стремления представителей славянских народов к сотрудничеству для осуществления социально-политических идей и национально-политических чаяний.

Учредителями Общества соединенных славян были русские офицеры, подпоручики Петр Иванович и Андрей Иванович Борисовы, и неслужащий польский шляхтич Юлиан Казимирович Люблинский. Все трое занимали в феодально-помещичьем государстве незначительное место, были типичными предшественниками разночинцев 40—60-х годов.

Учредители общества выработали устав организации, наметили цели ее и пути их достижения. Стали вербовать сторонников. В короткое время привлекли свыше пятидесяти человек. В большинстве это были поручики, подпоручики и прапорщики, сыновья безземельных дворян, близкие к учредителям по социальному положению и образу мыслей. Среди членов общества были сыновья мелких чиновников и мещан, а также один крестьянин, поступивший по подложному паспорту чиновником в канцелярию волынского губернатора. Было несколько поляков и представителей других народов, населявших Россию. Среди примкнувших к обществу юнкеров был серб.

Петр Борисов показывал в следственной комиссии: «Цель Соединенных славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом» [2].

Были составлены правила (устав) Союза Соединенных славян. Правила сопровождались чертежами — символическими знаками, составленными Петром Борисовым и Люблинским.

---

[1] М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М., 1926, стр. 26.

[2] Восстание декабристов. Материалы, Центрархив, т. V. М.-Л., 1926, стр. 30.

Один из главных способов достижения своих целей «славяне» видели в пропаганде среди широких слоев трудового народа: крестьян-хлеборобов и крестьян в солдатских шинелях. Они стремились, по словам И. И. Горбачевского, «внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и, таким образом, возбудить в них желание свободы и изменить унизительное состояние рабства». Член общества славян Я. М. Андреевич во время восстания вел в Киевском арсенале агитацию среди рабочих, «обнадеживая их скорою переменою их состояния» [1].

Незадолго до восстания 1825 года Общество соединенных славян было включено в общую систему заговора декабристов. Оно примкнуло к Южному тайному обществу, главным образом под влиянием агитации М. П. Бестужева-Рюмина, который доказывал «славянам», что в первую очередь необходимо добиться свободы для России. Он уверял, как сообщает в своих Записках И. И. Горбачевский, что «преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию, что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского союза — освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеративным союзом. Соединение не только не удалит от цели, но, напротив того, приблизит к оной» [2].

Руководители Общества «славян» по тактическим соображениям согласились на слияние с «южанами», но от идеи объединения славян не отказывались. Так, Петр Борисов писал члену общества юнкеру П. К. Головинскому в сентябре 1825 года: «Случился с нами большой переворот, однако не подумайте, чтобы произошел в мыслях. Нет! Сего никогда не случится. Наши дела пришли в другой вид, идут как нельзя лучше» [3].

---

[1] Восстание декабристов, т. V, М.-Л., 1926, стр. 407.
[2] Там же, стр. 53.
[3] М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М.-Л., 1927, стр. 103.

Горбачевский писал впоследствии, что после объединения двух обществ «Славянский союз существовал в мыслях и сердцах немногих, которые не могли забыть возвышенной и великой, хотя, может быть, по мнению некоторых, мечтательной идеи федеративного союза славянских народов». Члены Общества соединенных славян утешались «надеждами», что после переворота «мысль Славянского союза воспрянет и с новою силою заставит трудиться для освобождения всех славянских народов» [1].

Ознакомимся с высказываниями других тайных обществ по славянскому вопросу.

Из членов Северного общества больше и ярче всех отразил идею славянского единства поэт К. Ф. Рылеев. В предисловии к своим «Думам» Рылеев писал в 1825 году: «Дума — старинное наследие южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих» [2].

Другой член Северного общества, поэт А. И. Одоевский посвятил несколько стихотворений идее славянской взаимности. Преимущественно писал он о племенном родстве русских и поляков, о единстве их задач и целей в освободительном движении. Он мечтал также «об объединении всех славян с Россией во главе» [3].

Один из виднейших декабристов М. С. Лунин в последние годы перед 14 декабря состоял в Южном обществе и жил в Варшаве. К польскому народу он относился с ярко выраженной симпатией, приветствовал его стремление к национальному освобождению. В Сибири он написал несколько глубоких по содержанию и блестящих по форме политических очерков и много смелых памфлетов, резко бичующих реакционную политику царизма. Одну статью он специально посвятил польскому вопросу («Взгляд на польские дела»), подчеркнув, что

---

[1] И. И. Горбачевский. Записки и письма, ред. Б. Е. Сыроечковского. М., 1925, стр. 54, 59 и сл.

[2] К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений, ред. А. Г. Цейтлина. М.-Л., 1934, стр. 120.

[3] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, ред. И. А. Кубасова и Д. Д. Благого. М., 1934, стр. 396.

К. Ф. Рылеев (с акварели)

в ней изложены мысли руководителей тайного общества. Рассматривая причины раздела Польши в XVIII в. между тремя окружающими ее государствами, Лунин устанавливает, что почин в этом деле принадлежал немцам. Пруссаки и австрийцы провоцировали поляков. «Россия же только присоединилась к этому проекту, чтобы он не был осуществлен без нее в ущерб как полякам, так и русским... Русские никогда не помышляли о покорении своих братьев... Они предлагают им не благодеяния покровительства, но домогаются лишь объединения воли и усилий, направленных к одной цели».

Члены Тайного общества, «верные велениям своей высокой миссии, предсказали полякам, что их изолированные попытки всегда будут обречены на неудачу; что их надежда на помощь западных государств всегда останется химеричной; что единственная надежда на успех заключается для них в союзном договоре с русскими» [1].

Поляки в своих национально-освободительных стремлениях также искали сотрудничества с передовыми кругами русского общества. «Повидимому, с этой целию была создана поляками в Киеве (масонская) ложа «Соединенных славян», где впервые встретились члены польских обществ и декабристы» [2].

Главный идеолог Северного общества декабристов Никита Муравьев в своем проекте конституции свободной России заявляет, что «федеративное или союзное правление одно» соответствует обновленному государственному строю, «удовлетворяет всем условиям и согласует величие народа и свободу граждан» [3].

По проекту Муравьева в России следовало образовать 15 самостоятельных держав, которые должны быть связаны общими законами и некоторыми объединяющими учреждениями.

---

[1] М. С. Лунин. Взгляд на польские дела. Урик 1840. См. С. Я. Гессен и М. С. Коган. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926, стр. 258 и сл.

[2] Н. И. Коробка. Польские общества 20-х годов и декабристы, сб. «О минувшем». Спб., 1909, стр. 221; ср. в сб. «Государственные преступления в России в XIX в.», ред. В. Я. Богучарского, т. I. Спб., 1906, стр. 70 и сл.

[3] Восстание декабристов, т. I, М.-Л., 1925, стр. 109.

М. П. Бестужев-Рюмин при переговорах в качестве представителя Южного общества с польским тайным обществом заявлял, что «Польша, если она знает истинные пользы свои, должна вместе с Россией дать себе образование (т. е. устройство), подобное Соединенным областям (штатам) Северной Америки».

Что касается идеолога и вождя Южного общества П. И. Пестеля, то он стремился создать государство централизованное в смысле управления и однородное в отношении национального состава. Сообщая следственной комиссии план своей «Русской правды», Пестель указывал, что вторая глава этого трактата «рассуждала о жителях России, разделяя оные на коренной народ русский и на племена подвластные и присоединенные и указывая на средства, коими можно слить все сии различные оттенки в один общий состав таким образом, чтобы все жители России через некоторое время составили истинно только один народ» [1].

Право входящих в состав России народов на самоопределение Пестель ставил в «Русской правде» в зависимость от их численности и силы, от их положения в пределах страны, от их способности защищать свою самостоятельность от соседей и т. п. «В отношении к Польше» Пестель признает «право народности, по чистой справедливости», т. е. согласен дать ей государственную самостоятельность. «По праву народности должна Россия даровать Польше независимое существование». Однако «должно сие самостоятельное восстановление Польши устроено быть на таковых началах и условиях, которые бы в полной мере обеспечивали Россию на будущие времена на счет всяких действий, могущих быть противными твердой ее безопасности или современному ее спокойствию». Между Россией и Польшей должен быть заключен «тесный союз на мирное и военное время». Но так как Польша — государство слабое, то Россия берет ее «под свое покровительство и служить будет ей ручательством в неприкосновенности ее пределов, а тем паче ее существования» (гл. 1, § 2) [2].

---

[1] Восстание декабристов, т. IV, М.-Л., 1927, стр. 114.

[2] П. И. Пестель. Русская правда. Наказ Временному Верховному Правлению, ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1906.

Близкий друг Пестеля и видный деятель Южного общества С. Г. Волконский приводит в своих Записках «не вымышленный, но чисто фактический разговор», происходивший в совещании с представителями польского Тайного общества. С русской стороны участвовали в совещании Волконский и Пестель, с польской — тоже два делегата. Последние хотели «знать, согласно ли наше общество на присоединение к Польше, как они выражались, отторгнутых от нее ныне губерний». На это Пестель сказал: «О границах не ставить кондиций. Мы клониться должны к общему делу. Союз Польши с Россией не должен быть в ущерб последней... Что издавна русское, то должно остаться русским. Мы по национальности составим федеративное целое. Не требуйте замысловатых уступок. Вы найдете в нас братьев... Мы желаем добра и самостоятельности Польше, но первое наше дело — отстаивать свое отечество» [1].

Таким образом большинство декабристов представляло населяющим нашу страну славянским народам ту или иную степень самостоятельности, но всегда в строго определенных границах. При этом они исходили из соображений внешней безопасности народов, составляющих Российскую федерацию, старались обеспечить неприкосновенность ее границ.

В качестве агитационного материала деятели тайных обществ пользовались произведениями социально-политической и художественной литературы. Из последних распространялись стихотворения Пушкина и некоторых декабристов. В ряде «дел» следственной комиссии имеются указания, что у многих привлеченных к суду нашли стихотворения Пушкина, Рылеева и других поэтов. Так, декабрист Мих. Паскевич показал, что «либеральные мысли» он «заимствовал более от чтения вольных стихов Пушкина», что он «был увлечен вольнодумством и дерзкими мыслями» поэта. Декабрист П. Ф. Громницкий показал, что М. П. Бестужев-Рюмин «выхвалял сочинения Пушкина» и читал их на собраниях офицеров. Сам Бестужев-Рюмин заявил на следствии: «Рукописных

---

[1] С. Г. Волконский (декабрист). Записки, ред. М. С. Волконского. Спб., 1901, стр. 416 и сл.

экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло». Очень многие декабристы указывали на сочинения Пушкина как на источник своего вольномыслия. «Пушкина нельзя понять без раскрытия его глубоких и крепких связей с революционным движением, как невозможно понять и движение декабристов без раскрытия идеологической роли в нем Пушкина» [1].

Не только члены тайных обществ или других объединений — вся молодежь политически воспитывалась на вольнолюбивых стихотворениях великого поэта. «В наше время, — рассказывает декабрист Д. И. Завалишин о распространении в 20-х годах революционных стихотворений Пушкина, — едва ли был какой взрослый воспитанник, который не списывал и не выучивал наизусть этих стихотворений».

Среди таких произведений Пушкина были стихотворения «Кинжал», «Вольность» и др., эпиграммы на царя, Аракчеева и других представителей реакции.

Некоторые члены тайных обществ на основании революционного содержания стихотворений Пушкина считали самого поэта участником заговора. Но Пушкин не состоял в тайных обществах, из которых вырос заговор декабристов. Тем не менее его влияние на развитие революционных идей в России двадцатых годов XIX в. было огромно. Как удостоверяет декабрист И. И. Пущин, «тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет» и другие мелочи в том же духе». Пу-

---

[1] М. В. Нечкина. Пушкин и декабристы. «Вестник Академии наук СССР», № 2—3, 1937, стр. 151; ср. ее же — О Пушкине, декабристах и их общих друзьях, «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 7 и сл.; ее же — Семинарий по декабризму, М., 1925, стр. 134 и сл.; Б. С. Мейлах. Пушкин в литературных объединениях декабристов, «Красная Новь», 1936, № 1, стр. 196 и сл.; его же — Пушкин и литературная борьба декабристов, «Литературный современник», 1936, № 10, стр. 216 и сл.; Н. К. Пиксанов. Пушкинская студия, Петроград, 1922, стр. 61 и сл.; 64 и сл.; Н. М. Чепцов. Восстание декабристов. Библиография, ред. Н. К. Пиксанова. М.-Л., 1929, стр. 233 и сл., 634 и сл.

щин правильно заключает, что великий поэт без всякого тайного общества действовал «как нельзя лучше для благой цели», т. е. для революционизирования читателей. «Не было живого человека, который не знал бы его стихов», — говорит Пущин [1].

Николай I учел значительную роль Пушкина в подготовке восстания 1825 года, но не решался подвергнуть великого поэта наказанию в непосредственной связи с делом декабристов. Царь и придворная клика отомстили поэту впоследствии, погубив его за подрыв их власти.

Пушкин всегда был верен своим дружеским чувствам к осужденным декабристам и высоко чтил память погибших борцов за свободу. Он высказывал это в письмах к друзьям, в произведениях, написанных после 1825 года («Арион», десятая глава «Евгения Онегина» и др.)., и в специальных посланиях («Во глубине сибирских руд»).

Недавно был найден новый, авторитетный, список «Послания к декабристам». Как установил Н. Н. Гусев, в этом списке имеются интересные, до сих пор неизвестные разночтения. Пушкинский автограф «Послания» не сохранился. Приведу это стихотворение по вновь найденному списку. Оно ярко характеризует отношение поэта к участникам восстания.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Нещастью верная сестра,
Надежда, в мрачном подземелье
Пробудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в эти каторжные норы
Доходит мой свободный глас;

---

[1] Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Ред. С. Я. Штрайха. М., 1925, стр. 114 и сл. Есть позднейшие издания (1927, 1934, 1936 гг.).

Мужайтесь! Русского народа
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас встретит радостно у входа,
И братья меч вам отдадут[1].

Стихотворное послание Пушкина вызвало следующий ответ поэта-декабриста А. И. Одоевского:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя, —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

Пушкин собирался лично посетить узников сибирских тюрем и рудников. Он писал об этом своим друзьям. В условиях николаевской опеки над самим поэтом, за каждым шагом которого следили жандармы, такая поездка была неосуществима. Пушкин сумел лишь частично выполнить свое намерение повидаться с друзьями-декабристами. В 1829 году он, вопреки требованию царя не выезжать из Петербурга без разрешения начальника жандармов, отправился на Кавказ. Здесь поэт видался и жил продолжительное время вместе с декабристами, посланными на передовую линию огня в наказание за участие в тайных обществах. Великому поэту пришлось держать за это ответ перед ген. Бенкендорфом, но дело было сделано.

Свидетельством любви и уважения Пушкина к декабристам-революционерам служат многочисленные упоми-

[1] Н. Н. Гусев. Послание в Сибирь, неизвестные варианты стихотворения А. С. Пушкина. «Литературная газета», 1939, № от 10 июня.

нания о них в переписке поэта с друзьями, в сочинениях и стихах, кроме названных выше. Большой интерес представляет в этом отношении сохранившаяся в бумагах поэта заметка 1822 года, которая приводится здесь целиком: «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» [1].

В сердце поэта, в его уме всегда была жива память о декабристах, об их печальной участи. Это видно из зарисовок в его творческих тетрадях. Здесь наряду с набросками стихотворений портреты декабристов (Пестель, Кюхельбекер, Рылеев, Давыдов и др.), несколько рисунков с видом виселицы и казненных вождей заговора.

Кроме замечаний в дневниках, стихотворений, посвященных отдельным декабристам, и стихотворений революционного содержания вообще, кроме писем к И. И. Пущину, К. Ф. Рылееву и другим участникам тайных обществ, отношение Пушкина к движению декабристов выявлено в десятой главе «Евгения Онегина».

Из сожженной поэтом рукописи десятой главы до нас дошли отрывки, не только характеризующие его сочувствие политическим взглядам и революционной деятельности декабристов. Пушкин говорит в этой главе о собраниях членов Тайного общества:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи...

И среди собиравшихся упоминает себя самого:

Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...
Читал свои ноэли Пушкин... [2]

Ноэли — сатирические песни, в которых Пушкин писал о страсти Александра I к поездкам за границу и его пренебрежении к делам своего государства.

Из поэтов-декабристов больше всего влиял на развитие освободительных идей в русском обществе 20-х го-

---

[1] А. С. Пушкин. Сочинения, ред. М. А. Цявловского, С. М. Бонди и др.; изд. 1936 г., т. VI, стр. 27.

[2] С. Я. Гессен. Источники 10-й главы «Евгения Онегина», в сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 130 и сл.

дов XIX в. руководитель Северного общества К. Ф. Рылеев. Он выступил в литературе за пять лет до восстания декабристов. Первая его сатира «К временщику» была смелым вызовом Аракчееву, обратившим на поэта внимание общества. Все поняли, кого имеет в виду автор, давший яркий портрет первого друга царя Александра:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей...

Обладая значительным дарованием поэта, Рылеев заявлял, что задача его — служение делу свободы. Он составлял революционные песни, которые распространялись в многочисленных списках среди солдат, мастеровых и прочего городского люда. На массы Рылеев действовал своим поэтическим талантом, на товарищей по заговору, к которому примкнул в 1823 году, — революционным энтузиазмом, беззаветной преданностью идее свободы, идее народоправства, которым посвящал яркие стихотворения и поэмы. Свою судьбу революционера Рылеев сам предсказал в поэме «Наливайко» (1824—1825 гг.). В отрывке «Исповедь Наливайки», опубликованном в 1825 году за полной подписью Рылеева, читаем:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Я жребий свой благословляю!

Пушкин высоко ценил содержание поэзии Рылеева, отдавал должное его таланту и отмечал неуклонный рост мастерства поэта-революционера.

Агитационные песни Рылеева написаны в народном духе, были широко распространены. Были такие же стихотворения других декабристов, например, А. А. Бестужева. Тайные общества пользовались для агитации стихотворными и прозаическими произведениями А. С. Гри-

боедова и других писателей, даже не принадлежавших к их составу [1].

Тайные общества готовились для осуществления своих задач — к государственному перевороту.

Северяне — в большинстве — рассчитывали принудить царское правительство к отказу от феодального самодержавия мирным, бескровным давлением, в крайнем случае — военной демонстрацией повинующихся им полков. Были в их среде разговоры о необходимости уничтожить царскую семью, но это высказывалось в неопределенной форме. Говорили также, что следует вывезти членов царствующего дома за границу.

Руководители южан серьезнее обсуждали вопрос об убийстве всей царской семьи. Они хотели поставить своих более умеренных товарищей перед фактом осуществленного насильственного захвата власти. Некоторые участники движения, служившие в Петербурге, также примыкали к Южному обществу.

Славяне считали неизбежной вооруженную борьбу с царизмом. Но они были связаны планами Южного общества, которое также имело в виду такую борьбу, высказываясь, однако, менее решительно.

Отношение тайных обществ к солдатской массе зависело от их тактических планов и от личных взглядов их членов.

Северяне считали, что вполне достаточно хорошо обращаться с нижними чинами, чтобы они пошли, куда их поведут начальники.

Южане в большинстве придерживались тех же взглядов. Лишь отдельные из них, вроде С. И. Муравьева-Апостола, вели пропаганду среди солдат, но в весьма осторожной форме.

---

[1] Об отношении А. С. Грибоедова к движению декабристов см. у П. Е. Щеголева — А. С. Грибоедов и декабристы, в его книге «Декабристы». М.-Л., 1926, стр. 85 и сл.; у Н. М. Ченцова — Восстание декабристов. Библиография, ред. Н. К. Пиксанова. М.-Л., 1929, стр. 241 и сл.; 634 и сл.; у М. В. Нечкиной — Следственное дело о А. С. Грибоедове, М.-Л., 1945; у нее же — Грибоедов и его эпоха. «Большевик», 1945, № 3—4, стр. 36 и сл. (извлечение из большой работы автора, выходящей в свет в 1946 г.).

Славяне по своим политическим и социальным убеждениям считали необходимым самое тесное идеологическое общение с солдатами, самое широкое осведомление их о целях и задачах заговора. «Если солдаты будут знать, за что они будут сражаться, — говорили славяне, — мы будем убеждены в их содействии и будем уверены в их постоянной и полной готовности к восстанию». Не устраняли они от сознательного участия в революции и крестьянство, которому другие заговорщики отводили исключительно роль пассивной массы, неспособной помочь своему освобождению.

Пропаганда славян в армии имела некоторый результат. В их полках были политически развитые солдаты. Славянам помогали в пропаганде переведенные в их полки участники восстания Семеновского полка в 1820 году.

Руководители движения намечали восстание на лето 1826 года. К этому времени они готовили свои силы, в соответствии с этим разрабатывали планы. Но вследствие неожиданной смерти Александра I (в ноябре 1825 года) им пришлось действовать раньше намеченного срока.

Согласно установленному в конце XVIII в. порядку верховная власть в стране переходила к старшему сыну царя. Александр I не имел детей. Наследником престола был его брат Константин — второй сын императора Павла. Но Константин был бездетным. И если бы он имел детей, то они не могли царствовать, так как Константин еще в 1820 году отказался за свое потомство от всяких прав на престол.

Сделал это Константин не добровольно, а по настоянию старшего брата ввиду своей женитьбы на польке Иоанне Грудзинской, не принадлежавшей к владетельным домам. Все это соответствовало тогдашним законам, но дело не получило надлежащего оформления.

Через два года после женитьбы Константин отказался и за себя лично от царской власти. Это было отмечено в его переписке с Александром, но оставалось без официального сообщения. Вместо опубликования манифеста об отречении Константина и о передаче звания наследника третьему сыну Павла великому князю Николаю император распорядился верховною властью в государстве так, как помещик распоряжался своей деревней — по-семейному.

Свое завещание Александр оставил в запечатанном конверте, который можно было вскрыть только после смерти государя. Об этой тайне знали мать царя, великий князь Николай и несколько высших сановников. Конечно, слухи об этом были распространены и среди более широких кругов. Официальным наследником престола продолжал оставаться Константин.

Дело осложнилось тем, что Александр умер после очень кратковременной болезни в далеком от столицы Таганроге. Когда в Петербурге было получено сообщение о смерти царя, правительство растерялось. Законный наследник престола, Константин, находился в Варшаве. Попытка опубликовать в Петербурге манифест Александра о переходе власти к младшему брату встретила противодействие со стороны тех членов правительства — придворных, которые не любили Николая за грубость, чрезвычайную приверженность к муштре и т. п. Они рассчитывали, что при Константине будет легче бороться с аракчеевщиной.

Столицей овладело уныние. «Все умолкло среди ожиданий, — пишет декабрист А. Е. Розен: — Музыке запретили играть на разводах; театры были закрыты; дамы оделись в траур; в церквах служили панихиды с утра до вечера. В частных обществах, в кругу офицеров, в казармах разносились шопотом слухи и новости, противоречившие одни другим»[1].

Николай стремился к власти, но при создавшемся положении счел нужным провести присягу старшему брату. После этого вскрыли таинственное завещание умершего императора. Но теперь сменить царя было уже нелегко. Торжественную присягу Константину принесли все высшие правительственные учреждения и войска, распоряжения делались именем нового императора, его портреты были выставлены в окнах магазинов на главных улицах Петербурга, чеканились монеты с его изображением, паспорта и другие документы выдавались за его подписью; в церквах молились о здравии императора Константина.

---

[1] А. Е. Розен. Записки декабриста, ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1907, стр. 61.

Вторичную присягу можно было назначить лишь после опубликования манифеста Константина об отказе от престола в пользу Николая. Между Варшавой и Петербургом завязалась переписка.

Тем временем получилось из Таганрога сообщение, что в бумагах Александра найдены доносы о широко разветвленном политическом заговоре, в котором главную роль играют генералы и высшие офицеры Южной армии. Николай торопил старшего брата приездом в Петербург. Константин отказывался и от власти и от приезда. Предложение матери и Николая опубликовать манифест о передаче престола он оставлял без ответа. Известия из Петербурга об отрицательном отношении разных кругов общества к Николаю и о надеждах, которые возлагаются на него, повидимому поколебали Константина.

После открытия заговора на юге правительству стало известно о существовании Северного тайного общества. Николай решил положить конец междуцарствию и покончить с заговорщиками. Новая присяга была назначена на 14 декабря.

Руководители Северного тайного общества тоже решили действовать.

— Надо же положить конец этому невыносимому междуцарствию, — говорил князь Е. П. Оболенский. Он имел небольшой чин поручика, но занимал ответственную должность в штабе гвардейского корпуса и пользовался большим влиянием среди офицеров гвардии.

Однако, приступив к действиям, руководители заговора не сумели обеспечить успех своему предприятию. Они полагали, что при растерянности правительства им удастся добиться опубликования конституционного акта, ограничивающего полицейское самодержавие. Руководители Южного общества — и в их числе П. И. Пестель — были уже арестованы по приказу членов правительства, находившихся при покойном императоре. Трудно было достигнуть определенного соглашения. Петербургские деятели полагали, что солдаты столичного гарнизона безоговорочно пойдут за своими офицерами. А так как почти во всех частях, особенно в гвардейских полках, были члены Тайного общества, то успех предприятия казался обеспеченным.

Руководители движения не сумели развернуть пропаганду среди солдат. В армейской массе это делалось случайно, отдельными офицерами, с чрезмерной опаской, вызванной не столько боязнью полиции, сколько недоверием к солдатам. Страшились перерастания конституционного движения в «народный бунт». Н. А. Бестужев рассказывает в своих воспоминаниях о распространении среди матросов революционных песен его брата Александра и К. Ф. Рылеева. Но он сам ограничивает круг знающих эти песни наиболее грамотными и развитыми моряками-артиллеристами [1].

И все же широкой, массовой агитации и пропаганды в воинских частях не велось. За несколько дней до 14 декабря руководители Тайного общества решили использовать оставшееся время для агитации среди солдат. «Рылеев, брат мой Александр и я положили было писать прокламации к войску и тайно разбрасывать их по казармам, — рассказывает Н. А. Бестужев. — Но после, признав это неудобным, изорвали несколько написанных уже листков и решились все трое итти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба [2].

Результат поразил самих агитаторов. «Нельзя представить жадности, с какой слушали нас солдаты, — рассказывает Николай Александрович, — нельзя изъяснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам». В полках пошли разговоры, возникли надежды, чего-то ждали.

Ночная агитация перед самым восстанием, разговоры офицеров с одиночными солдатами и часовыми, конечно, не могли дать большого результата. Но и то, чего достигли братья Бестужевы с Рылеевым, служит доказательством основной ошибки руководителей Тайного общества. Они считали длительную, планомерную, система-

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, ред. М. К. Азадовского и др. М., 1931, стр. 79.

[2] Бестужевы. Воспоминания, ред. М. К. Азадовского и др. М., 1931, стр. 81.

тическую пропаганду среди солдатской массы и трудового населения опасной для дела народной свободы. Надеялись, что сумеют осуществить свои цели переговорами с напуганными представителями правящих верхов.

Большие надежды возлагали члены тайных обществ на военные поселения с их десятками тысяч недовольных аракчеевщиной крестьян, но привлечь их на свою сторону можно было только после успешного выступления в Петербурге.

Рассчитывали также на нескольких либеральствующих сановников. Но их содействие зависело от успеха выступления самих декабристов. Отношение этих сановников, противников аракчеевщины и жестокого крепостничества, к планам Тайного общества хорошо выразил знаменитый М. М. Сперанский.

— С ума вы сошли, — ответил Сперанский явившемуся к нему перед восстанием с соответственным предложением члену общества А. О. Корниловичу, — разве делают такие предложения преждевременно? Одержите сначала верх, — тогда все будут на вашей стороне.

Это решительное и определенное заявление Сперанского приводит Д. И. Завалишин[1]. Но если даже учесть склонность последнего к преувеличениям, то все-таки его рассказ правдоподобен. Корнилович был с Завалишиным в хороших отношениях и мог передать ему свой разговор со Сперанским.

Для распространения своих идей, для привлечения новых членов будущие декабристы использовали масонские ложи, литературные и благотворительные общества. В этих организациях участвовали и моряки-декабристы.

Видное место занимает в ряду литературных объединений, привлекавших внимание декабристов, Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Основанное в 1801 г., оно сначала занималось делом, которое определялось его названием. Произведения членов общества печатались в его «Трудах» и других журналах.

С самого основания в нем принимали близкое участие А. Ф. Бестужев (отец четырех декабристов), И. П. Пнин,

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Спб., 1906, стр. 211.

А. Е. Измайлов и др. В деятельности общества было несколько перерывов — следствие разногласий среди его членов по социально-политическим вопросам.

После отечественной войны Общество любителей оживилось. В него вступили новые члены с ярким политическим направлением. Среди них было несколько декабристов. В числе «самых видных и талантливых» новых членов историк общества Н. П. Колюпанов называет братьев А. и Н. Бестужевых [1].

Из других учреждений, вокруг которых группировались члены тайных обществ, видное место занимает Российско-американская компания, связанная по роду своей деятельности с военно-морским флотом.

К двадцатым годам XIX в. это была мощная полуправительственная организация, которой принадлежали русские колонии в Америке. Поселения компании были расположены на северо-западном побережье Нового света, открытом русскими путешественниками и промышленниками в XVIII в. Среди последних были люди с большим политическим кругозором. При Екатерине II они сумели заинтересовать правительство государственным значением своих предприятий.

В 1799 году эти коммерческие организации объединились в Российско-американскую компанию на акционерных началах. В руководящие органы компании были введены наряду с купцами и промышленниками представители высших государственных учреждений — члены Государственного совета, сенаторы, директора департаментов, крупные чиновники министерства иностранных дел и морского ведомства.

Близкое участие в делах Российско-американской компании принимал известный своими выступлениями в Государственном совете адмирал Н. С. Мордвинов. Его политические взгляды были умерены по существу, но в условиях того времени представлялись довольно прогрессивными. Мордвинов хорошо понимал экономический строй тогдашней России, правильно определял тенденции хозяйственного развития страны и резко выступал против

---

[1] Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 235, 528 и сл.

экономической политики аракчеевского правительства, обрекавшей Россию на вечную зависимость от иностранных государств.

Популярность Мордвинова как противника аракчеевщины и сторонника либеральных политических реформ привлекла к нему внимание широких кругов русского общества. Рылеев посвятил ему в начале 1824 года большую оду «Гражданское мужество». Она была запрещена цензурой к печати и опубликована лишь в 1856 году Герценом в «Полярной звезде». Перед восстанием 14 декабря она широко распространялась в списках. Мордвинов назван в ней дивным великаном, который весь сияет красотой и давит сильной пятой коварную несправедливость. Напоминая, что в древнем Риме были знаменитые защитники свободы и законности, поэт говорит, что его сограждане также имеют такого доблестного представителя в государственном управлении. Мы должны быть благодарны небесам

За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит.

Выпустив в начале 1825 года свои патриотические «Думы» отдельной книжкой, Рылеев посвятил их Н. С. Мордвинову. Упоминал он адмирала и в других стихотворениях.

Пушкин воспел в 1825 году гражданские доблести знаменитого адмирала в специальном посланий «Н. С. Мордвинову»:

Сияя доблестью и славой, и наукой,
В советах, недвижим у места своего
Стоишь ты, новый Долгорукий!
...Стоит седой утес; вотще брега трепещут...
Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною;
Вдовицы бедный лепт, и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

Свидетельством высокого гражданского мужества Мордвинова в условиях жестокой реакции после подавления восстания декабристов служит его поведение во время суда над ними. Только Мордвинов смело и решительно

П И. Пестель

выступил против смертной казни. Все остальные члены суда послушно выполнили волю Николая, голосовали за подсказанный через генерала Дибича смертный приговор.

Не один Рылеев, многие другие члены тайных обществ были близки к Н. С. Мордвинову. Прославленный 70-летний адмирал принимал у себя молодых прапорщиков и мичманов, охотно беседовал с ними, знакомил их между собой. Из бесед с Мордвиновым заговорщики вынесли убеждение, что при успехе переворота сочувствие адмирала будет на их стороне. Ниже будет указано, какое место занимал Н. С. Мордвинов в планах декабристов по управлению государством после свержения полицейского самодержавия и как относился к нему император Николай.

В начале 1824 года по представлению Мордвинова отставной подпоручик Кондратий Рылеев был назначен правителем дел Российско-американской компании. Рылеев был уже тогда известным поэтом, больше года он состоял членом Северного тайного общества.

Составляя для правления Российско-американской компании докладные записки по делам заокеанских колоний, Рылеев проводил в них взгляды, которые не нравились царю. Александр I делал правлению выговоры за это. «Купцы мешаются в политику», — презрительно замечал император. Но Мордвинов поддерживал автора записок, и Рылеев получал от правления компании ценные подарки.

Как ответственный служащий компании Рылеев получил квартиру в ее доме, у Синего моста. Здесь, рядом с заседаниями правления, в котором участвовали члены Государственного совета и сенаторы, происходили собрания заговорщиков. В доме у Синего моста, недалеко от Зимнего дворца, был центр Тайного общества, разрабатывался план его действий.

В начале 1825 года Рылеев был избран одним из директоров Северного общества. Фактически он являлся главным руководителем этой организации. Заботясь об усилении ее, Рылеев старался привлечь в общество моряков. Главную военно-морскую базу Балтийского флота— Кронштадт — он надеялся использовать как опорный пункт в борьбе с царизмом.

— Будучи крепким и отделенным местом, — говорил он, — в случае неудачи Кронштадт мог бы служить тем же, чем остров Леон [1] для гишпанцев [2].

По своей литературной деятельности Рылеев был близок с известным писателем видным гвардейским офицером Александром Бестужевым. Он был адъютантом главнокомандующего путями сообщения, родственника царя, герцога Виртембергского.

Приняв в общество Александра Бестужева, Рылеев принял вслед за ним и его брата капитан-лейтенанта Николая Бестужева. Этот в свою очередь ввел в общество двух морских офицеров, игравших видную роль в движении. Таким образом удалось связать моряков с Северным обществом, в котором они вскоре образовали большую и влиятельную группу.

Большинство офицеров — участников восстания 14 декабря — и почти все матросы, вышедшие в тот день на Сенатскую площадь, служили в рядах Гвардейского экипажа, сформированного 16 февраля 1810 года в составе четырех рот из команды придворных гребцов и придворных яхт. Впоследствии экипаж был развернут до восьми рот и насчитывал свыше тысячи матросов при соответственном комплекте офицеров. При экипаже были еще: артиллерийское отделение, нестроевая ластовая рота и музыкантский хор. Входя в состав Гвардейского корпуса, экипаж своими действиями в кампаниях 1812—1814 годов заслужил славу одной из самых боевых частей, разгромивших врага и выгнавших его из пределов нашего отечества. Кроме прямого участия в боях, матросы много помогали армии саперными и понтонными работами: разрушали и наводили мосты и дороги. Известно, что благодаря присущим морякам сметке и находчивости чины экипажа исполняли все быстро и хорошо. При наведении временных мостов они применяли много остроумных приспособлений. Даже нещедрый на похвалы главнокомандующий Барклай де-Толли выражал благодарность морякам за их боевую службу.

---

[1] Здесь имеется в виду испанская область Леон, в которой генерал Квирога и подполковник Риего начали в январе 1820 года восстание против реакционного короля Фердинанда VII.

[2] Восстание декабристов, т. II, 1926, стр. 73.

Впервые экипаж встретил неприятеля у Витебска. Затем он вместе с остальной армией совершил отступление до Москвы и вместе с нею прошел весь славный путь русских войск от Бородина до Парижа. Особенно отличалась в Бородинском сражении артиллерия моряков.

В летописях Гвардейского экипажа отмечено дело под Бауценом, в Саксонии, 8 и 9 мая 1813 года. Находясь на передовой линии, матросы удерживали свои позиции под сильным перекрестным огнем неприятеля. Командование не раз отмечало хладнокровие и храбрость моряков. Блистательным подвигом Гвардейского экипажа было дело 16—18 августа 1813 года. Это — сражение под Кульмом, в Богемии, вписавшее в историю русской армии одну из многочисленных славных страниц. Сражаясь в составе первой гвардейской дивизии под начальством известного генерала Ермолова, моряки в кровопролитном бою с успехом отражали отчаянные атаки неприятеля. Несколько раз они переходили в наступление и гнали неприятеля. За проявленные мужество и отвагу Гвардейский экипаж получил высшую тогдашнюю боевую награду — Георгиевское знамя.

В боевой доблести чины экипажа соперничали друг с другом. Во время сражения музыканты снимали сумки с убитых товарищей, брали их ружья и вступали в ряды вместо выбывших из строя.

— Ну-ка, — говорили музыканты, — пошлем-ка орехи для угощения врага.

За кампании 1812—1814 годов моряки получили много знаков отличия. В Париже экипаж простоял два месяца и через Гавр вернулся на фрегате «Архипелаг» в Кронштадт. 30 июля 1814 года столица торжественно встречала моряков вместе со всей гвардией [1].

В 1825 году в Гвардейском экипаже насчитывалось около двадцати офицеров, разделявших идеи Тайного об-

---

[1] Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, ч. I и II. Спб., 1895, стр. 370 и сл.; есть издание 2-е, Военмориздата. М.-Л., 1939; см. еще Е. И. Ареис. Гвардейские моряки под Кульмом. Страница из истории Гвардейского экипажа. Спб., 1913; И. А. Виноградский. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании в 1812 г. «Морской сборник», 1899, № 4 и 5; его же — Действия Морского гвардейского экипажа в войну 1813 г., там же, 1903, № 4—6.

щества, бывших его членами или сочувствовавших его целям. В пяти других морских частях столицы — экипажах Балтийского флота — было всего шесть офицеров, так или иначе связанных с Тайным обществом. Эти экипажи не могли быть приняты в расчет организаторами восстания. Тем больше надежд возлагалось на Гвардейский экипаж. Членам Тайного общества капитан-лейтенантам Н. А. Бестужеву и К. П. Торсону было поручено обеспечить выход экипажа 14 декабря на Сенатскую площадь.

13 декабря вечером собрались у Рылеева, в доме Российско-американской компании, члены Верховной думы. Решили вывести утром на Сенатскую площадь свои войсковые части.

Утром 14 декабря командиры полков, квартировавших в Петербурге, стали приводить свои части к присяге Николаю. В одних ротах это проходило сравнительно спокойно, в других возникали осложнения. Солдаты отказывались присягать после выступления офицеров с речами в духе упомянутой выше ночной агитации братьев Бестужевых. В Московском и Гренадерском полках дошло до столкновения между офицерами-заговорщиками и высшим начальством.

На Сенатскую площадь спешили отряды вооруженных солдат. Несколько рот Московского полка пришли под командой штабс-капитанов М. А. Бестужева и Д. А. Щепина-Ростовского, служивших в пехоте после продолжительной службы до того во флоте. Деятельную помощь в поднятии московцев оказал им Александр Бестужев. От Гренадерского полка пришло на площадь несколько рот во главе с поручиками Н. А. Пановым и А. Н. Сутгофом. При обоих отрядах находилось несколько младших офицеров.

Являлись на площадь небольшие группы и даже одиночные солдаты других частей. Они переходили от одного ряда революционных войск к другому и сообщали товарищам, что их роты готовы примкнуть к восстанию при первой возможности. С. П. Трубецкой сообщает в Записках, что Тайное общество рассчитывало на следующие войсковые части: Измайловский, Егерский, Лейб-гренадерский, Финляндский и Московский полки, на Морской

Схематический план С.-Петербурга 1825 года с нанесением казарменного расположения гвардейских частей и пути их следования 14 декабря к Сенату.

Районы казарменного расположения 1825 г. первых и вторых батальонов гвардейских полков:

1—Преображенский полк: *1а* — 1-й батальон; *1б* — 2-й батальон; *2*—Семеновский полк; *3*—Измайловский полк; *4*—Егерский полк; *5*—Московский полк; *6*—Гренадерский полк; *7*—Павловский полк; *8*—Финляндский полк; *9*—*Гвардейский экипаж*; *10* — Саперный батальон; *11* — Кавалергардский полк и Черноморский каз. эск.; *12а*—3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й эск. Конного полка; *12б*—1-й и 2-й эск. Конного полка; *13*—1-й Конно-пионерный эск.; *14* — Жандармский полуэскадр.; *15*—1-я арт. бриг.; *16*—Конно-батарейн. батарея; *17*—1-й и 2-й бат. учебн. Карабин. полка; *18*—учебный Саперный батальон.

Главные здания, связанные с событиями 14 декабря 1825 года:

А.—Главное адмиралтейство; А. Д.—Аничков дворец на Невском; З. Д.—Зимний дворец; К.—Кронверк; П. К.—Петропавловская крепость; С.—Сенат; + — Стройка Исаакиевского собора.

экипаж и часть артиллерии. Имелись еще некоторые надежды на Преображенский полк, не любивший Николая Павловича [1].

Командир Гвардейского экипажа капитан 1 ранга П. Ф. Качалов также собрал утром 14 декабря офицеров и матросов для присяги Николаю. Экипаж состоял из восьми строевых рот, артиллерийской команды и полуинвалидной нестроевой ластовой роты. Кроме последней, в нем числилось по штату 1280 человек.

Осведомленный о волнениях в других частях гарнизона, Качалов приказал дежурным у ворот не пропускать во двор экипажа посторонних, даже офицеров. Но лишь только командир приступил к чтению манифеста нового императора, как перед строем появился лейтенант 2-го флотского экипажа Н. А. Чижов. Дежурные пропустили его во двор беспрепятственно. Вслед за ними пришли в помещение экипажа капитан-лейтенант Бестужев и еще несколько лиц, посторонних экипажу.

Николай Александрович Бестужев явился из ночного обхода 13 декабря домой, в 7-ю линию Васильевского острова, где жил вместе с матерью и сестрами. 14 декабря он вышел из дому в восемь часов утра. На первом допросе, в Зимнем дворце, Бестужев рассказал генералу В. В. Левашеву о своих действиях в это утро: «Отправился к своим занятиям в модельную мастерскую, моему надзору вверенную, где пробыл до девяти часов. В девять часов пошел к Рылееву и получил от него наставление воспользоваться расположением (за этим было еще: «духа», но зачеркнуто) Морского экипажа и если выйдут они на площадь, то быть с ними. Пришедши в Морской экипаж, нашел оный не согласным принять новую присягу» [2].

В этом показании — правда, но не вся. Придя в помещение экипажа, лейтенант Чижов сообщил о столкновении в Московском полку между штабс-капитаном Щепиным-Ростовским и высшим начальством. Командир экипажа Качалов продолжал чтение манифеста.

---

[1] С. П. Трубецкой. Записки. Спб., 1906, стр. 86.
[2] Восстание декабристов, т. II, стр. 61.

Тогда выступил Н. А. Бестужев. Он тоже не принадлежал к Гвардейскому экипажу, но его любили и хорошо знали там. Мичман Гвардейского экипажа А. П. Беляев с восхищением говорил о Бестужеве:

— Вот человек, который в состоянии всякого переделать! [1]

Любопытный анекдот на ту же тему рассказывает декабрист А. Е. Розен. Когда Бестужева после ареста привели 16 декабря в Зимний дворец для допроса, брат царя Михаил Павлович беседовал с ним несколько минут. По уходе Бестужева Михаил Павлович сказал адъютантам:

— Слава богу, что я с ним не познакомился третьего дня, он, пожалуй, втянул бы и меня! [2]

До выступления Николая Александровича офицеры экипажа стояли перед своими ротами в молчаливой нерешительности. Никто из них не пытался помешать командиру. Капитан-лейтенант Бестужев прервал его и сказал несколько слов о незаконности вторичной присяги. Строй заволновался. Качалов не мог продолжать чтение.

В это время появился во дворе командир бригады, в составе которой числились гвардейские моряки, генерал С. П. Шипов. Он стал уговаривать чинов экипажа принять присягу Николаю.

Матросы единодушно отказались. Офицеры стали выстраивать ряды, чтобы вести их со двора. Бригадный пустился на хитрость. Он прошел в канцелярию экипажа и вызвал туда ротных командиров по одному — для переговоров. Из канцелярии командиров не выпускали. Младшие офицеры смутились, матросы недоумевали. Положение осложнилось.

Во двор экипажа вбежал штабс-капитан Александр Бестужев в адъютантском мундире. Он ушел с Сенатской площади, когда там стали собираться войска, приведенные по приказу Николая. Их было явное большинство.

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 279.

[2] А. Е. Розен. Записки декабриста, ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1907, стр. 77.

Александр Бестужев отправился за подкреплением. Приблизившись к первой роте — головной, за которой привыкли следовать остальные, он закричал:

— Ребята, что вы стоите?! Слышите стрельбу? Это ваших бьют!

Матросы вышли из строя, и капитан-лейтенант Бестужев предложил итти на площадь — выручать своих [1].

Освободили из канцелярии командиров, которые стали по своим местам. Все восемь рот и артиллерийская команда — почти полный состав экипажа — вышли со двора с офицерами.

Прибыв на площадь во главе с капитан-лейтенантом Бестужевым, моряки построились колонной. Их было около 1100 человек. Появление их на площади горячо приветствовали находившиеся уже там восставшие солдаты Московского полка.

В строю экипажа находилось семь ротных командиров и двенадцать младших офицеров. Матросы имели при себе ружья, но патронов не захватили. Только взвод, бывший при знамени, имел боевые патроны. Офицеры артиллерийской команды также забыли взять с собой орудия. Опасаясь, что восставшие пришлют за орудиями и боевым припасом, начальство приняло меры к их охране.

На площади Н. А. Бестужев счел целесообразным передать команду над отрядом офицеру экипажа. Еще в помещении последнего он убеждал офицеров предоставить начальство над экипажем лейтенанту А. П. Арбузову.

Напомнив товарищам о важности момента, он говорил:

— Кажется, мы все здесь собрались за общим делом и никто из присутствующих не откажется действовать. Откиньте самолюбие, пусть начальником будет Арбузов. Ему вы можете вериться [2].

В конце концов Николаю Александровичу пришлось распоряжаться самому. Он послал двух младших офицеров экипажа в пехотные полки — звать их на площадь. Мичмана пошли, но цели не достигли.

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 469, т. II, стр. 94
[2] Там же, т. II, стр. 85 и сл., 94.

Вокруг восставших войск собралась большая толпа народа: мелкие чиновники, лавочники, всякий служащий люд, рабочие производившейся тогда стройки Исаакиевского собора. Собравшиеся громко выражали сочувствие революционерам, выказывали готовность перейти от слов к делу.

Все это не могло быть использовано, так как не было общего руководства восстанием.

На Сенатской площади находилось около 3000 солдат, готовых силой поддержать руководителей движения. В рядах революционных войск было свыше тридцати офицеров — от подпоручиков до полковников. Но никто из них не был пригоден для роли боевого руководителя.

Задолго до развернувшихся событий руководители Тайного общества высказывались за назначение главнокомандующим революционных войск М. Ф. Орлова. Это был талантливый боевой генерал, герой отечественной войны 1812 года, решительный враг крепостничества. Основатель одного из первых тайных обществ, он был также членом различных литературных и просветительных объединений, в которых выступал с яркими политическими речами. Человек разносторонне образованный, он вел открытую борьбу с аракчеевщиной. Командуя дивизией на юге России, он отменил в ней телесные наказания солдат и ввел обучение их по широкой программе. Аракчеевцы усмотрели в этом революционную пропаганду. За несколько лет до 14 декабря Орлов был смещен с должности с запрещением назначать его впредь на командные посты. После этого он стал уклоняться от публичных выступлений и старался уверить правительство, что отказался от политической деятельности, но связь с Тайным обществом поддерживал. Во время междуцарствия Орлов был в Москве и оставался там, несмотря на призывы из Петербурга. Любопытно, что один из этих призывов — письмо И. И. Пущина — был послан Орлову через контору Российско-американской компании.

В числе руководителей Тайного общества был другой участник войны с Наполеоном полковник С. П. Трубецкой. В боях при Бородине, под Кульмом и в других сражениях он проявил замечательную храбрость. Трубецкой

принадлежал к петербургской аристократии, занимал крупную штабную должность, имел связи в правящих кругах.

Как основатель Тайного общества Трубецкой пользовался широкой известностью среди заговорщиков. Ему предложили быть диктатором восстания 14 декабря и начальником революционных войск.

Трубецкой не верил в успех восстания. От предложенного поста не отказался, но на Сенатскую площадь 14 декабря не явился. Много часов простоял он в этот день у окна в одном из домов на площади и смотрел из-за опущенной шторы на порученные его руководству революционные войска.

Руководство революционными войсками предложили Николаю Бестужеву. Он отказался, заявив, что как моряк не считает себя способным руководить военными действиями на суше. Но с площади не уходил. Постепенно от своих рот отделились три командира и три младших офицера. Одни из них явились в экипаж, другие остались на площади. Матросы стояли непоколебимо.

Николаю удалось собрать на площади около 9000 солдат из пехотных частей, около 3000 кавалерии и четыре пушки. В резерве у него было в районе города около 1000 всадников и свыше 100 орудий, да приготовленных на городских заставах свыше 7000 пехоты и свыше 3000 кавалерии [1].

Восставшие войска и те, которые вышли на площадь по приказу царя, стояли в бездействии. Но выжидательная тактика обеих сторон имела различные основания и разные последствия. Революционеры расценивали пассивность Николая как свидетельство его слабости. Надеялись, что не утвердившийся еще на престоле царь вступит в переговоры и откажется от самодержавия. Император также не принимал решительных мер. Он знал, что большинство солдат настроено далеко не так, чтобы их можно было послать в атаку на восставших. Николаю было известно, что присягнувшие ему солдаты не хотят

---

[1] Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 года, военно-историческая справка, в книге А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 года». М.-Л., 1926, стр. 178 и сл.

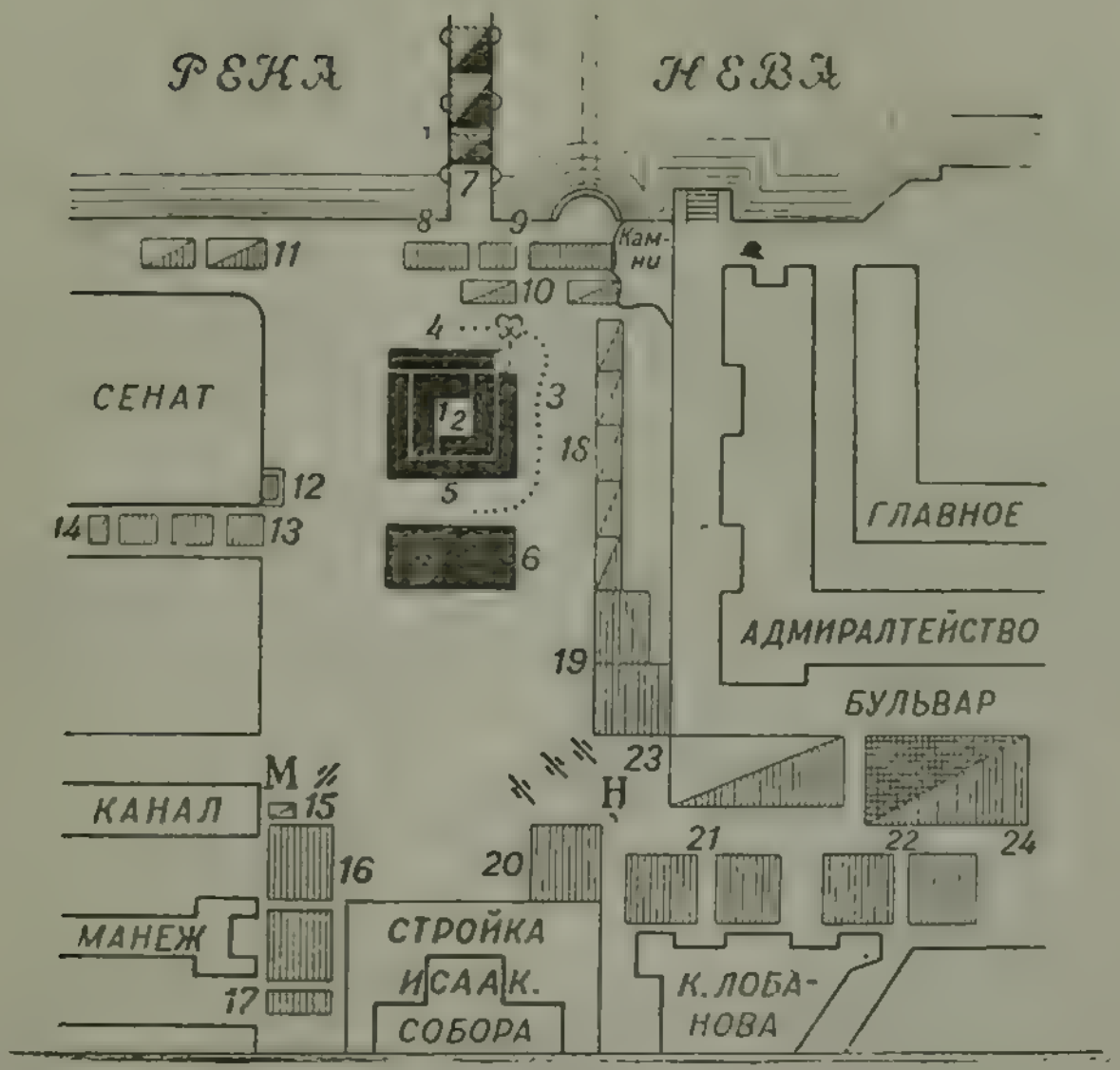


Схема расположения войск 14 декабря 1825 года.

Восставшие (около 3000 чел. пехоты). Каре А. А. Бестужева. Гв. Московский полк (671 чел.): *1*—Фас М. А. Бестужева (2 ½ роты); *2*—Фас Д. А. Щепина-Ростовского (2 роты); *3*—Цепь Е. П. Оболенского (ок. 40 чел.); Гв. Гренадерский полк (ок. 1250 чел.); *4*—Фас А. Н. Сутгофа (1 рота); *5*—Фасы Н. А. Панова (1 батальон—4 роты); *6*—Колонна Н. А. Бестужева. *Гвардейский экипаж* (ок. 1100 чел.): 1 бат.—8 рот и арт. команда. Нейтральные (около 500 чел. пехоты): *7*—Финляндский полк—2½ роты А. Е. Розена. Правительственные войска (пехоты—ок. 9000 чел., кавалерии—ок 3000 чел., артиллерии—36 орудий): *8*—Преображенский полк—1 рота; *9*—Финляндский полк—1½ роты; *10*—Конный полк—2 эскадрона; *11*—1 Конно-пионерный 1¾ эскадрона; *12*—Финляндского п. караул.—ок. 25 чел.; *13*—Павловский полк—сводный батальон—3роты; *14*—1-й Конно-пионерный—¼ эск.; *15*—Кавалергардский полк—⅓ эск.; *16*—Семеновский полк—2 бат.—8 рот; *17*—Гренадерский полк—сводная рота—137 чел.; *18*—Конный полк—5 эск.; *19*—Преображенский полк—1¾ бат.—7 рот; *20*—Московский полк—св. бат.—611 чел.; *21*—Измайловский полк—2 бат.—8 рот; *22*—Егерский полк—2 бат 8 рот; *23*—Кавалергардский полк—6¾ эск.; *24*—1 арт. бригада—2⅔ роты—32 орудия.

стрелять в своих. Кроме того, внушал сильную тревогу небольшой, но опасный моральным влиянием отряд Финляндского полка.

Вызванный в помощь правительственным войскам батальон этого полка был остановлен на Исаакиевском мосту командиром стрелкового взвода поручиком А. Е. Розеном. Он был членом Северного общества, участвовал в декабрьских совещаниях у Рылеева. Призывая своих солдат присоединиться к восставшим — «на помощь нашим братьям», Розен не мог пройти с ними на площадь. Впереди стояли другие части, не подчинявшиеся ему. Но следовавшие за его взводом три роты финляндцев остановились. Их не могли сдвинуть с места несколько генералов, присланных царем. На уговоры генералов солдаты отвечали:

— Впереди командир стрелков, он знает, что делает.

Шедшие с площади «рабочие и разночинцы» просили Розена «держаться еще часок» и уверяли, что «все пойдет ладно». Долго еще простоял со своими «финляндцами» Розен «в самой мучительной внутренней борьбе, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя с половиною ротами или восемью стами солдат, готовых следовать за ним повсюду» [1].

В других полках, в тех, которые внешне подчинялись Николаю, тоже было много солдат, ожидавших призыва со стороны восставших. Есть сведения, что даже конногвардейцы, шедшие несколько раз по приказу царя в атаку на революционное войско, готовы были при соответственных условиях присоединиться к нему. Возможно, что неудачи этих атак были результатом такого настроения кавалеристов.

День прошел в томительном бездействии. Заговорщики не сумели использовать ни революционный энтузиазм своих солдат, ни мятежное настроение народной массы. Их нерешительность и подбадривание генералов внушили Николаю смелость: он велел стрелять в мятежников. На первый приказ стрелять солдат-артиллерист ответил нежеланием убивать своих. После нескольких

---

[1] А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 65.

залпов из пушек, положивших много убитых и раненых, солдаты и толпы рабочих дрогнули и побежали. Царь велел стрелять по бегущим и вышел из сражения победителем при значительном числе жертв со стороны народа.

Капитан-лейтенант Бестужев, как он заявил на допросе, стоял на площади среди восставших войск, — «доколе колонны и толпа не были разогнаны картечию». В очерке «14 декабря 1825 года», написанном в Сибири и впервые опубликованном А. И. Герценом в «Полярной звезде» в 1861 году, Николай Александрович рассказывает о разгроме восстания:

— Мы были окружены со всех сторон, бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто на этом поприще раз остановился, уже побежден вполовину. Сверх того пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. День смеркался. Вдруг батарея артиллерии стала с разверстыми зевами, тускло освещаемая серым мерцанием сумерек. Пушка грянула. С первого выстрела семь человек около меня упали. Другой и третий повалили кучу солдат. Я стоял точно в том же положении, смотрел печально в глаза смерти и ждал рокового удара; в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием. Однако судьбе угодно было иначе[1].

Офицеры, солдаты и матросы разбежались с площади в разные стороны. Большинство отправились домой: рядовые по казармам, офицеры — на свои квартиры. Тех и других арестовывали и отправляли в Петропавловскую крепость. Офицеров предварительно доставляли в Зимний дворец для допроса.

Н. А. Бестужев и его брат Александр, уходя с площади, пытались составить небольшой отряд солдат, чтобы упорядочить отступление. Картечь продолжала косить бегущих. Братьям пришлось оставить свое намерение. Александр ушел в одну сторону, Николай в другую.

Из огромного количества статей и книг, написанных свидетелями событий 14 декабря 1825 года, приведу не-

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 90.

сколько небольших рассказов о восстании и его последствиях. Основатель и председатель первого Тайного общества граф Ф. П. Толстой в молодости был моряком. К моменту восстания он пользовался известностью как выдающийся художник. От заговора он отошел еще до основания Северного общества.

Когда на Сенатской площади собрались восставшие войска, Толстой поспешил туда. «Я носил еще военный мундир, — рассказывает он в своих Записках, — самым скорым шагом перешел я Неву, на которой стояло любопытствующих, наверное, до тысячи разного звания мужчин и женщин. Я вышел на Исаакиевскую площадь у сената. За монументом, проходя к забору строившейся Исаакиевской церкви, где было меньше народа, я увидел стоящего на Адмиралтейском бульваре, лицом к сенату, молодого, только что вступившего на трон императора, окруженного главным штабом, генерал- и флигель-адъютантами, а возле него Карамзина. Государь был бледен...

Мимо меня проскакала конная батарея, — я не мог заметить, из скольких пушек состоявшая, и пронеслась к сенату; это дало мне понять, что участь несчастного баталиона решена; ясно было, что без стрельбы не обойдется, и, разумеется, солдаты разбегутся, большая часть побежит через Неву на Остров».

Видя неизбежный разгром восстания и опасаясь за свою семью, жившую на 3-й линии Васильевского острова, Толстой отправился домой. Вскоре к нему пришел брат жены «офицер волонтерного корпуса, и рассказал, что из стоявших на Неве, против Исаакиевской площади, разного звания и возраста людей, привлеченных любопытством, которых было, как полагали, не менее семисот, очень много убитых и раненых.

Сухозанет, начальник гвардейской артиллерии, отдал приказ пустить из орудий картечью по Неве по нескольким десяткам возмутившихся солдат, бросившихся бежать прямо на Васильевский остров, и пустить рикошетом ядро в длину Галерной улицы, наполненной не одною сотней разного звания и пола зрителей, между тем как преступников побежало туда не более десятка, и пущенное Сухозанетом ядро, не задев ни одного из преступных,

было виною смерти не одного невинного, и многие пострадали от ран» [1].

Другой свидетель событий, известный актер П. А. Каратыгин рассказывает в Записках: «Ночью на Сенатской и Дворцовой площадях зажжены были костры, и некоторые части войска оставались там до утра; около дворца ночевала артиллерия с заряженными пушками; по другим улицам расставлены были пикеты. На другой день, очень рано, я с братом пошел на Сенатскую площадь, и мы увидели кровавые следы вчерашней драмы. В сенате оконочные стекла и рамы второго этажа были разбиты вдребезги. Иные зеваки, которые забрались на балкон, чтобы оттуда взглянуть, что делалось посреди площади, поплатились своими головами. Мы с братом в то утро сами видели кровавые пятна на стене и на некоторых колоннах. Около сената, во многих местах, снег был смешан с кровью» [2].

Еще один рассказ — самый яркий по содержанию и самый замечательный по своему происхождению. Его составил не свидетель событий, но по достоверности сообщения это документ вполне авторитетный. Рассказ принадлежит видному чиновнику жандармского ведомства М. М. Попову. Он заведывал там в 40-х годах «делами» декабристов и составил по материалам архива записку о жертвах 14 декабря. «Во весь день 14 декабря 1825 года, кроме войск, толпилось множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, в концах ближайших к ней улиц, на Исаакиевском мосту и набережных обеих сторон Невы.

К вечеру, часа в четыре, начали стрелять из пушек, поставленных против всех пунктов, где находились толпы: в Галерную улицу, вдоль по Исаакиевскому мосту, по набережным, через гранитные перила на Васильевский остров. Пальба продолжалась с час. Тут не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мя-

---

[1] Ф. П. Толстой. Записки «Русская старина», 1878, № 2; ср. Е. Ф. Юнге (дочь Толстого). Воспоминания. М., 1914, гл. VI, стр. 113, сл.; Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. II. Спб., 1906, гл. 43, стр. 421, сл.

[2] П. А. Каратыгин. Записки. Спб., 1880, стр. 140 и сл.; есть издание 1929 г.

тежа, сколько простые зрители ложились рядами. В толпах от испуга и давки, от неловкости или слабости люди давили друг друга и гибли, догоняемые ядрами и картечью. Как далеко долетали заряды, видно из того, что одно ядро ударило в третий этаж Академии художеств, в квартиру учителя Калашникова, прошибло стену и ранило кормилицу этого учителя, которая держала на руках его ребенка. Народу было так много, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами.

Тотчас по прекращении стрельбы новый государь приказал обер-полицеймейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. Шульгин распорядился бесчеловечно. В ночь по Неве от Исаакиевского моста до Академии художеств и дальше, к стороне Васильевского острова, сделано было множество прорубей величиною, как только можно опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых из тех, которые были ранены 14 декабря.

Безрассудность распоряжения открылась еще больше всего, когда по Неве начали добывать лед, — многие льдины вытаскивали с примерзшими к ним рукой, ногой или целым человеческим трупом. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского острова и назначило для этого другие места на Неве. Со вскрытием реки трупы погибших были унесены в море.

Не меньше неприятно то, что полиция и помощники ее в ночь с 14 декабря пустились в грабеж. Не говоря уже, что с мертвых и раненых, которых опускали в проруби, снимали платье и обирали у них вещи, — даже убегающих ловили и грабили.

Во всю эту ночь верные полки расположены были биваками по площадям около адмиралтейства, по улицам Адмиралтейских частей и Васильевскому острову. Везде горели бивачные огни и ездили густые патрули, Зимний дворец обведен был непрерывной цепью пушек, артиллеристами, пионерами и кавалергардами. Дня два или три после этого патрули продолжались день и ночь, не давая

Выступление Гвардейского экипажа на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г.
С карт. худ. Цветкова (Центр. В.-М. музей).

собираться толпам и не пропуская людей сомнительных. Во дворце же недели две были в опасениях. Каждую ночь, как только засыпал город, безмолвно шли по Миллионной несколько рот преображенцев и везли пушки. Преображенцы помещались во дворе, а пушки ставили в воротах дворца. Утром, перед тем как просыпаться городу, преображенцы и пушки с тою же тишиною удалялись из дворца» [1].

Яркую иллюстрацию отношения царского правительства к «нижним чинам», раненным при разгроме восстания, дают цитированные выше Записки Ф. П. Толстого. Во дворе его дома собрались 14 солдат, спасшихся от пуль и картечи. Они говорили, что если выйдут на улицу, то их всех перебьют.

Толстой не считал себя в праве укрывать участников восстания и советовал солдатам сдаться генералу Бенкендорфу, который с отрядом войск и пушками расположился на Румянцевской площади. Солдаты оставили во дворе свои ружья и сумки с патронами и ушли крестясь. Ни один из них не пошел к Бенкендорфу. Все поворотили в противоположную сторону — подальше от царского генерала из прибалтийских немцев.

На юге события развернулись иначе, чем в Петербурге. После ареста Пестеля и некоторых других руководителей Южного общества подполковник С. И. Муравьев-Апостол и подпоручик М. П. Бестужев-Рюмин сумели вызвать восстание нескольких батальонов Черниговского полка. Они пошли революционным маршем на Киев. Но вследствие недостаточной решимости большинства участников заговора, офицеров, восставшие не получили поддержки от других полков и были разбиты. В сражении погибло несколько революционных офицеров и много солдат.

Подавив восстание, Николай Павлович принялся за расправу с участниками его. С гордостью писал царь в своих Воспоминаниях, что 14 декабря он «ни на минуту не ложился, а пробыл всю ночь, как был — в шарфе

---

[1] М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года, сб. «О минувшем». Спб., 1909, стр. 110 и сл.; ср. в журнале «Былое», 1907, № 3, стр. 192 и сл.

и шпаге, в беспрестанных допросах приводимых арестованных или в отдаче приказаний и получении донесений со всех концов» [1].

Такую кипучую деятельность император проявлял не только во время следствия и суда над основной массой декабристов. Он сам просматривал делопроизводство многочисленных дивизионных, полковых и т. п. судебных комиссий, действовавших в провинции, исправлял их приговоры, назначал места заключения и ссылки.

Пять с половиной месяцев работала под руководством самого царя следственная комиссия. В ее деятельности видное место занимали застращивание и всякого рода нравственные пытки. Применяли физические пытки вроде заковывания в цепи по рукам и ногам, содержания впроголодь — на хлебе и воде, лишения сна и т. п. О пытках такого рода рассказывают многие декабристы.

Сам Николай Павлович учинял арестованным первый допрос в своем кабинете. Он вынуждал признания, по горячим следам давал приказы о новых арестах, отправлял с собственноручными записками допрошенных в крепость. В этих записках царь точно указывал способ заключения, который, применительно к тому или иному лицу, мог дать желательные следствию результаты. Лишив арестованных права переписки, он имел жестокость передавать им письма родных, которые в душераздирающих выражениях умоляли их признаться в чем угодно. Родные сообщали, что тем, кто будет откровенен, кто назовет участников заговора, обещано помилование. Это говорил им сам царь либо с его слов повторяли члены следственной комиссии.

Остановимся еще на поведении высокопоставленных родственников арестованных. Некоторые из них выражали сочувствие сыновьям и братьям в письмах, которые передавались заключенным через начальство крепости. Предварительно письма просматривались царем или его доверенными генералами. Родные утешали арестованных, внушали им бодрость, высказывали надежду, что следствие установит их невиновность, и т. п. Но были и такие,

---

[1] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. Ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1926, стр. 48.

которые старались выказать преданность и любовь к новому царю вместе с ненавистью и презрением к заговорщикам, хотевшим уничтожить крепостное право и лишить помещиков их «собственных» крестьян.

Некоторые даже прогоняли своих юных родственников, когда те пытались скрыться у них после восстания. Рассказы об этом имеются в воспоминаниях и письмах современников. Едва ли не самый яркий находим у Николая Павловича. Сообщая брату Константину 23 декабря 1825 года, как он ведет следствие, царь пишет: «Здесь все усердно помогают мне в этой ужасной работе: отцы приводят ко мне своих сыновей; все желают показать пример, хотят видеть свои семьи очищенными от подобных личностей и даже от подозрения этого рода» [1].

Очень характерны для придворной знати записи в дневнике В. П. Шереметевой. К Тайному обществу принадлежали три представителя семьи Шереметевых.

Двое Шереметевых попали в «Алфавит декабристов». Один из них — Алексей Васильевич — был членом Союза благоденствия. В 1820 году он отошел от движения, но связи с главными деятелями заговора поддерживал. Его сестра — жена декабриста И. Д. Якушкина. Царь велел «оставить его без внимания». Другой Шереметев — Николай Васильевич — был в юности камер-пажем императрицы. В Северное общество принят за полгода до 14 декабря 1825 года. В совещаниях и восстании не участвовал. После заключения в Кронштадтской крепости послан на Кавказ с повелением царя «ежемесячно доносить о поведении».

Третий Шереметев — Дмитрий Николаевич. Единственный сын богатейшего помещика, владельца сотен тысяч крестьян, правнук знаменитого русского полководца и сподвижника Петра I, фельдмаршала Бориса Петровича, получившего первый графский титул в России,— Д. Н. Шереметев по матери происходил из крестьян. Его отец влюбился в дочь своего крестьянина-кузнеца Пра-

[1] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи, ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1926, стр. 168.

сковью Ивановну и женился на ней. П. И. Шереметевой посвящены народные песни. Она умерла тотчас после рождения сына. Отец Дмитрия умер в 1809 году, когда мальчику было всего 6 лет. Он воспитывался под личным наблюдением императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I, матери Александра I и Николая I, был близок к царской семье.

Как офицер кавалергардского полка граф Д. Н. Шереметев был в дружеских отношениях с членами Северного общества — кавалергардами, знал о заговоре и едва ли не был принят в него. Николай Павлович считал неудобным официально признавать участие в движении против монархии одного из столпов последней. Шереметеву было сделано отеческое внушение. Этим он и отделался.

Впоследствии Д. Н. Шереметев женился на дочери В. П. Шереметевой, к дневнику которой мы переходим. В пояснениях, кроме приведенных, ее записи не нуждаются. «Мы теперь спокойны, — отмечала Шереметева 18 декабря 1825 года. — Лишь бы бог помог доброму государю истребить корень заговорщиков. Они везде. Да поможет господь всех их переловить. Что могло случиться, просто страшно! Их кажется тысячи повсюду. Желание видеть их всех в крепости — единственное успокоение. Здесь открывают новых и спешат их отправить в крепость» [1].

Запись следующего дня содержит «горестное сообщение»: «Молодой Шереметев, Николай — в этом адском заговоре». «Печальная» весть отмечена в дневнике под 20 декабря. Не может Варвара Петровна без слез вспомнить, что «меньшой Шереметев арестован». Есть и утешение в этом горе. Государь отнесся к Шереметеву очень мягко, послал его на Кавказ — заслуживать прощение. Там он пробыл на фронте несколько лет и благополучно вышел в 1831 году в отставку.

Под 24 декабря Шереметева выражает пожелание, чтобы «все заговорщики были наказаны: ужасно подумать, что они хотели сделать». «Добрый государь» пора-

---

[1] В. П. Шереметева. Дневник 1825—1826 гг. М., 1916, стр. 137 и сл.

довал семью наказанного: родным пожалованы орденские ленты и другие награды. Царь осчастливил многих: «Еще есть праведники, которые спасли нас молитвами», — радуется Шереметева, убедившись, что «адский замысел» заговорщиков — уничтожить крепостное право — не удался.

Царь удачно использовал психическую подавленность декабристов и ловко обошел допрашиваемых превосходной игрой на их доверчивости. Он заявлял, что преследует те же цели, которые воодушевляли заговорщиков, что он искренно хочет осуществить их преобразовательные планы. Посыпались разоблачения, назывались имена участников движения, давно от него отошедших, появилась излишняя откровенность в показаниях. Некоторые подсудимые возводили обвинения в воображаемых преступных замыслах на самих себя. Но это был временный припадок малодушия, и не все поддавались ему.

Многие декабристы — И. И. Пущин, М. С. Лунин, И. Д. Якушкин и др. — держались с мужеством сознательных революционеров и дали последующим поколениям участников политических процессов пример стойкости и мужества противников самодержавия. Другие смело разоблачали перед царем язвы феодального строя рабовладельческого государства. Они указывали решительные меры к преобразованию России на новых началах, требовали уничтожения крепостного права, введения гласного суда, отмены телесных наказаний, образования для трудового народа, облегчения солдатской службы и т. п. Николай притворялся внимательным слушателем, пока ему нужно было выпытывать признания. Добившись желаемого, он объявил (30 мая 1826 года) работу следственной комиссии законченной.

1 июня был опубликован манифест царя о назначении верховного уголовного суда. Там сказано: «Мы единого от суда ожидаем и требуем: справедливости нелицеприятной, ничем не колеблемой, на законе и силе доказательств утверждаемой». Верховный уголовный суд был составлен из высших сановников и монахов. Николай и его правительство заявляли, что организованный ими суд совершенно независим в своих действиях. На самом деле заседания верховного уголовного суда были такой же коме-

дней, как и заседания следственной комиссии. Еще в начале мая, задолго до окончания действий этой комиссии, Николай занялся разработкой тщательной программы судопроизводства. Как во время следствия, так и в суде царь был непосредственным руководителем и вдохновителем действующих в процессе лиц.

8 и 9 июня были отобраны от всех подсудимых ответы на заданные судом вопросы. 10 июня суд, опять-таки по указке царя, выделил из своего состава комиссию для распределения виновных по разрядам. Комиссия установила главные роды преступлений, «отличила в каждом роде все его виды» и т. д.

28 июня донесение комиссии по распределению разрядов было прочитано в суде. Затем был составлен доклад. 9 июля доклад был подписан и подан царю. После этого Николай стал разыгрывать перед своей семьей и приближенными шутовскую комедию жалости к жертвам его мести. Он якобы отказался утвердить подсказанную им самим смертную казнь, якобы смягчил наказание для многих заговорщиков, заменив казнь ссылкой на каторгу. Все это была мерзкая игра. Сохранились подлинные письма Николая, доказывающие, что приговор был подсказан им самим [1].

Суду было предано несколько сот офицеров, начиная с прапорщиков и кончая генералами. Пять главных деятелей движения повесили: талантливого, высокообразованного государственного деятеля П. И. Пестеля; самоотверженного, беззаветно преданного идее освобождения народа, боевого руководителя восстания на юге, искреннего друга солдат С. И. Муравьева-Апостола; выдающегося поэта-революционера, главного деятеля Северного тайного общества и руководителя восстания в Петербурге К. Ф. Рылеева; восторженных революционеров, готовых на личное самопожертвование ради низвержения самодержавия, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского. Несколько человек уморили в крепостях во время следствия. Около 120 человек сослали на каторжные работы, заточили в тюрьмы, разослали по крепостям, в Сибирь. Несколько десятков человек послали на Кавказ, где шли

---

[1] П. Е. Щеголев. Декабристы. М.-Л., 1926, стр. 289 и сл.

непрерывные войны. Там и погибли многие из них. Участников тайных обществ, не принявших непосредственного участия в декабрьских событиях, хотя и оправдали, но в наказание направили в действующую армию. При этом ухудшили условия их службы, долго не повышали в чинах, преследовали полицейским надзором и т. п.

Кроме верховного суда, действовало еще несколько военно-судных комиссий в провинции. Они расправились со многими участниками заговора на юге так же, как верховный суд в Петербурге.

Высокая цель жизни резко и глубоко проникла душу мою.

Декабрист *И. И. Пущин*

МОРЯКИ-ДЕКАБРИСТЫ

«В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами... Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам...» [1]

К движению декабристов причастны 32 морских офицера: 5 капитан-лейтенантов, 18 лейтенантов и 9 мичманов. С делом 14 декабря 1825 года связаны имена трех адмиралов русского флота.

Из 32 моряков-офицеров 11 человек были членами Тайного общества. Почти все они находились в день восстания на Сенатской площади. 14 других морских офицеров пришли на площадь со своими частями. Большинство из них разделяло в момент восстания надежду участников заговора на то, что император войдет в переговоры с руководителями движения по вопросу о введении конституции. Конечно, следственная комиссия не поверила, что они были на площади среди восставших войск только для того, чтобы удержать матросов от «ре-

[1] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. XIX, стр. 348 и 351.

волюционных бесчинств». Их вина не уменьшалась в глазах Николая Павловича от уверений, что они отказались присягать ему из боязни нарушить присягу императору Константину.

Среди морских офицеров — участников движения декабристов — первое место должно быть отведено капитан-лейтенанту Н. А. Бестужеву. Оно принадлежит Бестужеву по его личному значению в ряду выдающихся русских людей 20-х годов XIX в., по разнообразию его дарований и обширности культурно-политических интересов, по его званию первого историографа русского флота, наконец, как старшему представителю семьи, принесшей движению в жертву пять человек. Из них двое, кроме него, были моряками.

Семья Бестужевых сыграла значительную роль в развитии русской культуры конца XVIII и начала XIX в. История России насчитывает многих выдающихся носителей фамилии Бестужевых. Они встречаются в летописях, начиная с XV в. Бестужевы исполняли дипломатические поручения царя Ивана III; погибали смертью храбрых в боях за отечественные рубежи при Иване IV; отстаивали честь родины от захватнических стремлений польских панов; содействовали Петру I в укреплении мощи России; играли видную роль в сложной политической жизни всего XVIII в., занимая крупные государственные посты в правительствах Анны Иоановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II. Имя одного из них связано с событиями отечественной войны 1812 года.

При Петре I одна ветвь фамилии стала именоваться Бестужевыми-Рюмиными. Некоторые из них получили за свои заслуги перед государством графский титул. Наши Бестужевы принадлежат к той ветви, которая не обладала высокими титулами и не владела обширными поместьями.

Н. А. Бестужев напоминал братьям про дядюшку Василия Софроновича, служившего некогда в Нерчинском гарнизоне. Он прибыл к своим родным в Петербург — задолго до 1825 года — из Сибири пешком. Об этом путешествии неимущего Бестужева свидетельствовали костюм и вся «наружность» Василия Софроновича, «обхлестанные сучьями в лесных чащах».

Отец декабристов Бестужевых Александр Федосеевич родился в 1761 году. Образование он получил в гимназии при Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе. Проявив хорошие способности и любовь к наукам, А. Ф. Бестужев по сдаче экзаменов был оставлен офицером при корпусе.

Последняя четверть XVIII в. была временем больших боевых успехов русской армии. Под руководством великого Суворова, Румянцева, Потемкина и других талантливых полководцев наши войска укрепляли границы отечества и увеличивали славу русского оружия. В 1789 году возникла шведская война, навязанная России королем Густавом III.

А. Ф. Бестужев стремился в действующую армию. Вскоре после начала кампании ему удалось вступить в артиллерию. Отправленный на корабле «Всеволод» с десантным отрядом в Финский залив, Александр Федосеевич принял участие в жестоком морском сражении 23 мая 1790 года близ о. Сескара, около Красной Горки. Здесь он был тяжело ранен.

А. Ф. Бестужев свалился на палубу замертво. Его сочли убитым, но любившие своего командира артиллеристы упросили начальство сохранить тело для погребения на берегу. Сескарское сражение завершилось победой русского оружия. Тело Бестужева свезли на берег и стали обмывать. Офицер ожил. Но ранение было сложное. Выздоровление шло медленно. Шесть недель больного кормили через соломинку.

Тщательный уход крестьянской девушки Прасковьи Михайловны поставил Александра Федосеевича на ноги. По одному сообщению, эта красивая, обладавшая хорошими душевными качествами девушка была крепостной Бестужевых. Молодые люди полюбили друг друга. После нескольких лет совместной жизни Александр Федосеевич оформил свой брак с Прасковьей Михайловной. От этого брака у них было пять сыновей и три дочери.

Выйдя в отставку из военной службы, А. Ф. Бестужев принял на себя заведывание канцелярией президента Академии художеств и Публичной библиотеки графа А. С. Строгонова. Он стал ближайшим сотрудником графа по руководству культурными учреждениями страны.

Вместе с тем А. Ф. Бестужеву было передано управление бронзовой фабрикой на Васильевском острове и связанной с нею производственными процессами екатеринбургской гранильной фабрикой.

При нем была устроена фабрика для отечественного производства белого оружия, которое раньше ввозилось из Германии. Все находившиеся в управлении Бестужева учреждения были приведены им в блестящее состояние.

По служебным делам А. Ф. Бестужев сблизился с учеными, художниками и другими деятелями искусств. Они помогли Александру Федосеевичу устроить в его квартире небольшой, но богатый разнообразием музей предметов искусства и материальной культуры.

В 1798 году А. Ф. Бестужев вместе с известным вольнодумцем и политическим деятелем конца XVIII в. Иваном Петровичем Пниным приступил к изданию «Санктпетербургского журнала». По своему содержанию журнал был замечательным явлением в тогдашней русской литературе. В нем печатались статьи русских писателей и ученых, а также помещались переводы из сочинений западноевропейских революционных просветителей.

А. Ф. Бестужев много писал для журнала. Напечатал в нем обширный «Опыт о военном воспитании». Это сочинение было переиздано два раза отдельной книгой. Оно сыграло большую роль в подготовке и воспитании офицеров русской армии.

Все окружение Бестужевых говорило о высокой культуре семьи. Вместе с детьми Прасковья Михайловна получила развитие, соответствовавшее образованию ее мужа и сыновей. Александр Бестужев имел возможность в 20-х годах касаться в переписке с матерью теоретических вопросов, которые он разбирал в своих публицистических статьях.

Николай Александрович Бестужев родился 24 (13) апреля 1791 года. Домашняя обстановка, большая библиотека Александра Федосеевича, его личное влияние развили в мальчике любознательность и дали ему хорошую подготовку к школьному учению.

В числе учителей и друзей А. Ф. Бестужева был почетный член Академии наук Платон Яковлевич Гамалея (1766—1818). Это высокое звание он получил в 1801 году за труды в области морской науки. Воспитанник Морского корпуса Гамалея прошел превосходную практическую школу в действующем флоте, участвовал во многих сражениях, командовал большими соединениями кораблей. Боевой и командирский опыт, обширные теоретические знания Платон Яковлевич применил, когда стал в 1793 году преподавать в корпусе морскую практику и теорию морского искусства.

Свой курс Гамалея изложил в книге «Высшая теория морского искусства». Это был учебник, заключавший в себе «алгебру, с приложением к геометрии и навигации, начальные основания механики, теорию кораблестроения и кораблеправления и опыты морской практики». Кроме этого курса, П. Я. Гамалея издал другие учебники. Его руководства составили настоящую энциклопедию математических и морских наук [1].

Платон Яковлевич был отличным педагогом и воспитателем, обладал хорошим литературным слогом. Заслуги Гамалея в области развития отечественной науки были отмечены избранием его в 1808 году в действительные члены Российской академии.

В 1802 году Николай Бестужев был определен в Морской корпус кадетом. Михаил Бестужев сообщает, что на стремление его старшего брата к морской службе имел влияние, кроме Гамалеи, известный капитан-лейтенант Василий Лукин — силач и лихой удалец.

Когда Николай Бестужев поступил в корпус, П. Я. Гамалея был там инспектором и возглавлял учебно-воспитательную часть. В детстве Коля был слабым и хилым мальчиком. В корпусе он развился физически и окреп. В учебном отношении он шел отлично. Н. А. Бестужев всегда говорил, что своими знаниями и общим развитием он обязан Гамалее:

— Никогда не изгладятся из моей памяти те часы, которых мы нетерпеливо дожидались, чтобы бежать в

---

[1] Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, ч. I и II. Спб., 1895, стр. 424; ср. А. С. Кротков. Морской кадетский корпус. Спб., 1901, стр. 99 и сл.

класс к Платону Яковлевичу... С какою любовью и почтительным участием мы смотрели на этого худенького, сгорбленного старика, отвечали смело и слушали со вниманием... Помню незабвенные для нас часы, когда П. Я. вызывал нас на вопросы и отвечал нам... И рвались друг перед другом соделаться достойными его одобрения.

Николай Бестужев занял место в ряду лучших воспитанников корпуса. Школа дала ему хорошие познания в математике и в западноевропейских языках. А. Ф. Бестужев заботился о всестороннем развитии способностей сына, приучал его к занятию ремеслами. Учась в корпусе, Николай Александрович посещал также класс живописи в Академии художеств. Кроме того, отец приглашал профессоров для преподавания его сыну политической экономии, философии, психологии, логики и других предметов, не входивших в программу корпуса.

В апреле 1807 года кадет Николай Бестужев был произведен в гардемарины и все лето провел на корабле в плавании. В 1808 году он три раза ходил из Кронштадта в Свеаборг на шлюпе «Соломбала», конвоировавшем суда с провиантом для действующего флота.

29 декабря 1809 года Николай Александрович окончил корпус — вторым по списку — с офицерским званием мичмана. Глубокие научные познания Бестужева обратили на него внимание начальства корпуса. Через несколько дней после окончания курса учения, в начале января 1810 года, он был назначен воспитателем Морского корпуса с присвоением ему звания подпоручика. Николай Александрович преподавал в трех классах морскую эволюцию, морскую практику и высшую теорию морского искусства.

Желая улучшить постановку учебного дела в корпусе, Н. А. Бестужев ввел преподавание физики. Начальство не могло отпустить средства на это новшество. Николай Александрович стал преподавать физику бесплатно, а кабинет устроил сам без каких-либо затрат. Директор корпуса пришел в восторг от деятельности учителя физики и достал средства на содержание физического кабинета.

В марте 1810 года Александр Федосеевич умер, оставив семье честное имя и небольшую деревеньку Сольцы

в Ново-Ладожском уезде. Бестужевы не получали с этого имения никакого дохода.

На плечи 19-летнего преподавателя корпуса легла вся тяжесть содержания большой семьи. Николай Бестужев заботился о воспитании сестер и младших братьев, определял мальчиков в учебные заведения, помогал матери из своего заработка. Наряду с преподаванием в корпусе он занимался живописью и механическими работами и в этих областях проявил незаурядные способности.

В качестве преподавателя корпуса Н. А. Бестужев совершил несколько кампаний с кадетами на кораблях Балтийского флота. Интересное сообщение о воспитательных приемах Николая Александровича имеется в воспоминаниях Михаила Бестужева.

В 1812 году подпоручик Николай Бестужев добивался назначения в действующую армию. По рекомендации адмирала Л. И. Голенищева-Кутузова фельдмаршал М. И. Кутузов согласился принять его в свой штаб, но назначение задержалось. Вскоре великий полководец умер, и Николай Бестужев на фронт не попал. «Так развеялся дымом фейерверка энтузиазм» молодого преподавателя Морского корпуса [1].

В июне 1813 года Бестужев был переведен в Кронштадт, — на строевую службу в 14-м флотском экипаже, где продолжал изобретательскую деятельность. Между прочим он изобрел кожаную лодку на полозьях для передвижения по льду и через полыньи. В 1814 году он был произведен в лейтенанты.

Н. А. Бестужев всячески стремился принять участие в военных действиях в составе флота. Ему посчастливилось — он был назначен на один из кораблей отряда, отправлявшегося в Голландию для борьбы с Наполеоном. Но в Копенгагене наши моряки узнали, что «завоеватель Европы» окончательно разбит при Ватерлоо. Надежды на боевую славу исчезли, по словам Николая Александровича, как «ночные призраки с восхождением солнца». «С грустью в сердце, в борьбе с бурями, в сопровождении четырехнедельной скуки» пришел Бестужев со своими

[1] Бестужевы. Воспоминания. М., 1931, стр. 335.

товарищами к туманным берегам Голландии». Так пишет он в своих очерках об этом путешествии [1].

«Записки о Голландии» — результат морского похода Бестужева в 1815 году — его первое большое литературное произведение. «Записки» печатались в нескольких номерах журнала «Соревнователь просвещения» за 1821 год, а также вышли отдельной книжкой и имели большой успех среди читателей. Их литературные достоинства отмечались не только в специальных рецензиях журналов и газет. В 1821 году в журнале «Сын отечества» был напечатан очерк Н. А. Бестужева «Крушение российского военного брига Фалька». Статью перепечатал в 1822 году знаменитый мореплаватель В. М. Головнин в своем сборнике «Описания достопримечательных кораблекрушений». В примечании к очерку Бестужева составитель писал: «Г. Бестужев с успехом занимается словесностью: просвещенные читатели его знают по весьма приятному сочинению «Записки о Голландии».

После восстания декабристов имя Бестужева было под запретом. О его произведениях нельзя было упоминать в печати. Переиздав в 1853 году «Достопримечательные кораблекрушения», наследники Головнина вынуждены были снять под статьей Бестужева имя автора вместе с примечанием составителя сборника. В следующем переиздании «Кораблекрушений», в сочинениях Головнина, полностью восстановлен текст издания 1822 года [2].

В 1860 году «Записки о Голландии» были включены в книгу Н. А. Бестужева «Рассказы и повести старого моряка», изданную его сестрой. Очерки Бестужева снова стали доступны русскому читателю. Через 40 лет после первого появления в печати они были встречены критикой очень тепло. Автор большой статьи в «Морском сборнике» писал, что в Записках изложен верный взгляд на исторические судьбы Голландии. Рецензент отметил «легкость и игривость» рассказа, в котором «серьезные мысли перемешаны с остроумными отступлениями и заметками». Обратившие в свое время внимание публики

---

[1] Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М., 1933, стр. 177.
[2] В. М. Головнин. Сочинения и переводы, т. IV. Спб., 1864, стр. 459 и сл.

на автора Записки и «теперь читаются без скуки и без усилия воли» [1].

Стремление Н. А. Бестужева писать возникло не без влияния литературных занятий и связей его отца. Осуществилось оно на почве отцовских литературных знакомств. Первое печатное произведение Николая Александровича появилось в 1818 году в журнале «Благонамеренный», который издавался сотрудником «Санктпетербургского журнала» А. Е. Измайловым. Это небольшая статья о задачах литературной критики. В ней Николай Бестужев высказал взгляд на занятие литературой как на одно из важнейших общественных дел.

На вопрос редакции журнала: «отчего везде более дурных писателей, нежели дурных художников и даже ремесленников», Н. А. Бестужев между прочим отвечает: «От недостатка здоровой критики, ибо писатели сю научаются. Самый гений имеет надобность в критике, показующей его совершенства и недостатки». Что касается значения критики по существу, то Бестужев заявляет, что «критика есть такая же почти наука, как и математика, и критиковать сочинение значит то же, что и решать задачу» [2].

Свое отношение к работе писателя Николай Александрович высказал по поводу литературных опытов брата Михаила. Когда последний прочитал старшему брату свои очерки, Николай Александрович дал ему практический совет:

— Поменьше кудреватости, побольше простоты, а главное, побольше мыслей. Побрякушки и разноцветные банты никак не заменят отсутствие ума [3].

Много критических замечаний в письмах Н. А. Бестужева к брату Александру, напечатанных его первым биографом М. И. Семевским в журнале «Заря» [4] и в других публикациях.

---

[1] «Морской сборник», 1860, № 13, стр. 33—40.
[2] Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М., 1933, стр. 175 и сл.
[3] Воспоминания Бестужевых. М., 1931, стр. 319 и сл.
[4] М. — Николай Александрович Бестужев. 1791—1855 гг. «Заря», Спб., 1869, № 6, стр. 1—57.

Сенатская площадь 14 декабря 1825 года (рис. Кольмана)

В марте 1821 года Николай Александрович был принят в «сотрудники» Общества любителей словесности и художеств. Через два месяца он состоял уже действительным членом. Занимал выборные должности в правлении, принимал деятельное участие в изданиях общества, привлекал туда других участников общественного движения, читал в общих собраниях их статьи.

Был также Н. А. Бестужев (с 1823 года) членом знаменитого Вольного экономического общества, заседания которого были своеобразным парламентом тогдашней России. Там обсуждался крестьянский вопрос и довольно резко говорилось о вреде так называемого крепостного права.

Как замечательный моряк Николай Александрович согласно пометкам в его послужном списке «ежегодно от всех начальников аттестован был хорошо», «аттестован поведения благородного, должность свою знает и справляет с раченнем», «аттестован с прежним согласно». Вписывая эти аттестации, начальники добавляли, что они Бестужева «в команде иметь желают».

Занятия по службе требовали много времени. Несмотря на это, Н. А. Бестужев часто выступал в печати. В журналах и альманахах двадцатых годов появлялись его стихотворения, басни, научные статьи, повести — оригинальные и переводные, очерки из морской жизни, рассказы о путешествиях и пр. Содержание их соответствовало высоким политическим требованиям эпохи движения декабристов. Исследователь литературного движения первой четверти XIX в. отмечает, что Николай Бестужев наряду со своим братом Александром, К. Ф. Рылеевым и В. К. Кюхельбекером, принадлежал к тем писателям, которые «относились чутко к родным мотивам нашей исторической и бытовой жизни» [1].

В художественном отношении произведения Н. А. Бестужева получали высокую оценку современников.

Талантливый поэт и критик П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу о большом литературном даровании

---

[1] Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 528.

Н. А. Бестужева. В таком же духе отзывался о нем А. И. Тургенев в письмах к Вяземскому [1].

С 1 мая по 8 августа 1817 года Бестужев совершил второй заграничный поход — «до французских берегов города Кале и обратно с десантом».

Спустя два года Николай Александрович был назначен помощником директора балтийских маяков. Это было значительное повышение по службе. Вместе с тем Бестужев продолжал литературные и научные занятия.

С большим удовлетворением приступил Николай Александрович к составлению Истории российского флота. Это дело поручено было ему адмиралтейским департаментом как офицеру, «известному по отличной и ревностной службе, так и по упражнениям его в литературе. Талантливый Бестужев горячо принялся за дело и в нескольких заседаниях департамента читал отрывки из составленной им истории флота... Все написанное им отличалось прекрасным языком» [2].

28 июля 1822 года Николай Александрович читал «в ученом собрании государственного адмиралтейского департамента» введение и начало своего «Опыта истории российского флота». Работа была одобрена департаментом и напечатана в «Трудах» Вольного общества любителей Российской словесности» [3].

«Опыт» Н. А. Бестужева представляет собой научное исследование в два печатных листа с обширным аппаратом примечаний и ссылок на древнейшие своды русских летописей, на печатные русские, французские, голландские, немецкие и английские источники.

Введение к «Опыту» начинается с указания на переход Олега из Киева в Царьград (Константинополь) водою: «В начале X века подвиги русских на водах были уже знамениты». Дальше рассказывается, как русский князь выступил «из Киева по Днепру с 2000 легких судов, из коих на каждом было по 40 человек». Сделав

---

[1] Остафьевский архив князей Вяземских, ред. В. И. Сантова, т. III. Спб., 1899, стр. 69 и 130; т. IV. Спб., 1899, стр. 239.

[2] Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, ч. I и II. Спб., 1895, стр. 425.

[3] Часть XX. Спб., 1822, книга I, стр. 137 и сл., кн. II, стр. 271 и сл.

беглый обзор других походов, в которых флот служил «для перевоза войск», автор «Опыта» пишет: «Повествование о морских силах России начинается со времени Петра Великого, первого основателя флотов».

После этого Бестужев излагает историю развития торговых сношений Руси с зарубежными странами, говорит о ее водных путях, описывает различные типы судов, которыми пользовались русские с древнейших времен до Петра I. «Пределы российской торговли, соединяя Европу с Азией, вознесли Россию на высокую степень богатства и могущества; распространение мореплавания доставило оной союзы сильных держав и коммерческих народов... Дружественные сношения России со многими государствами, обширная их торговля, даже условия, вынуждаемые у греков войною, доказывали в русских ту же степень образования и даже больше познания прав человечества, нежели у других народов. Когда варварское береговое право всех европейцев, даже в позднейшие времена, делало пленниками несчастных плавателей, разбивавшихся у берегов... русские... всякое оскорбление, сделанное несчастным, почитали преступлением» [1].

Связное, систематическое изложение своей истории Бестужев довел до Петра I. «Приведши на вид все вспомогательные способы, существовавшие для кораблестроения, — пишет Николай Александрович, — перейдем к делам государя, пробудившего от дремоты россиян и совокупившего способы сии к сооружению флотов». На этом рассказ обрывается [2].

С историей российского флота при Петре I связан очерк Бестужева «Сражение при Ганго-Уде (Гангуте) 1714 года». Рассказ составлен по рукописным материалам архива адмиралтейской коллегии и адмиралтейского департамента, а также по русским и французским печатным источникам. Напечатан там же, где введение и начало «Опыта» [3].

---

[1] Н. А. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. Спб., 1860, стр. 170 и сл.

[2] Там же, стр. 196.

[3] Труды Вольного общества любителей российской словесности, ч. XXIV. Спб., 1823, книга III, стр. 274 и сл.

Как историограф Бестужев ставил себе широкие задачи. В показании после ареста он заявлял следственной комиссии: «Посвятил себя для сочинения Российской морской истории, и потому главнейший предмет моего усовершенствования состоял в истории, и наиболее в истории морских держав, как древних, так и новейших, как то: Рима, Карфагена, Англии, Голландии, Венеции, Америки и проч.» [1].

За труды по истории флота Бестужев был избран почетным членом государственного адмиралтейского департамента и получил звание историографа флота.

Летом 1824 года, с 1 июля по 22 сентября, Н. А. Бестужев совершил третье заграничное плавание — на фрегате «Проворный», от Кронштадта до Гибралтара, как «прикомандированный в должности историографа». Николаю Александровичу было поручено составить описание собранных офицерами фрегата в разных портах «полезных и любопытных сведений» [2].

О своей работе во время этого плавания Н. А. Бестужев писал брату Александру из Бреста 24 июля 1824 года: «Пишу тебе, урвав первую свободную минуту. По обязанности своей должен замечать все. У меня три должности: на фрегате, по части историографической и по части дипломатической» [3].

Составленный Бестужевым «Журнал плавания фрегата Проворный» — интересный рассказ об устройстве различных механических приспособлений во французских портах, о постановке обучения гардемарин во французском флоте и т. п. Описывая употребляемый во французских портах семафор, Бестужев отмечает, что этот прибор устроен наподобие русского сигнального телеграфа, изобретенного лейтенантом Чистяковым 1-м, только наш прибор лучше и передает все отчетливее.

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 64.

[2] Н. Г. Казин. Рапорт о плавании фрегата «Проворный». «Записки, издаваемые государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности», ч. VIII. Спб., 1825, стр. XLI.

[3] Н. В. Измайлов. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г., сб. «Памяти декабристов» Академии наук, вып. I. Л., 1926, стр. 42.

В рассказе Бестужев описывает быт и нравы населения посещенных им французских и испанских городов; много места уделено Гибралтару как оплоту английского владычества на мировых морских путях. Очерки напечатаны в официальном издании морского ведомства как «Выписка из журнала плавания фрегата Проворного в 1824 году» [1]. Приложенные к очеркам карты и чертежи составлены, как указывают пояснительные подписи, капитан-лейтенантом Бестужевым.

Текст своего «Журнала» Н. А. Бестужев использовал для очерка «Гибралтар», напечатанного впервые в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда» в 1825 году [2]. Это художественный рассказ, состоящий из четырех писем, типа «Записок о Голландии».

За кампанию на «Проворном» Н. А. Бестужев получил повышение по службе: ему был присвоен 12 декабря 1824 года штаб-офицерский чин капитан-лейтенанта. В январе 1825 года Николай Александрович переведен из 11-го флотского экипажа в 8-й экипаж. Тогда же он был назначен состоять в «С.-Петербурге при береге, при адмиралтейском департаменте, с присовокуплением к прежним занятиям должности смотрителя модель-каморы», т. е. Морского музея.

Это назначение давало Бестужеву возможность вплотную заняться историей флота. И сама по себе работа в музее носила научно-исторический характер. «Больше всего мне доставляет удовольствия мое новое занятие по нашему адмиралтейскому музеуму, — писал Николай Александрович матери 26 (14) июля 1825 года. — Я получил место, всвсе того не ожидая, и тем более лестное, что общим назначением департамента без всякого с моей стороны старания» [3].

---

[1] Записки, издаваемые государственным департаментом, ч. VIII. Спб., 1825, стр. 23 и сл.; есть отд. издание: Н. Бестужев. Плавание фрегата «Проворный» в 1824 г. Спб., 1825.

[2] Н. А. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. Спб., 1860, стр. 126 и сл.

[3] Бестужевы. Воспоминания, ред. М. К. Азадовского. М., 1931, стр. 182.

С морской службой Н. А. Бестужева связана его научная статья «О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям». Статья напечатана в двух книжках журнала «Сын отечества» за 1818 год. Спустя четверть века после этого Николай Александрович рассказывал сестре Елене в письме из Селенгинска о наблюдавшемся им интересном атмосферном явлении. Молнии сверкали и пробегали по огромному пространству, покрытому тучами, но грома не было слышно и дождя не было.

Припомнив по этому поводу свою статью 1818 года, Николай Александрович заявляет, что его статья «объясняла многие вещи совершенно новым образом и удовлетворительнее прежних теорий». Конечно, за истекшие с того времени 25 лет физические «науки сделали быстрые успехи». Однако «читая все, что относится до новых открытий по ученой части», автор статьи об электричестве «с удовольствием видел, как многие или почти все» из его «предложений и доказательств оправдывались по очереди, и опытами, и наблюдениями... целыми учеными обществами». С понятной гордостью писал сибирский изгнанник в октябре 1841 года: «Все это выдавалось за новость, тогда как я, молодой неизвестный в ученом мире человек, давно сказал об этом утвердительно» [1].

Нет надобности знакомить читателя настоящего очерка со статьей Н. А. Бестужева 1818 года об электричестве по существу или с его рассуждениями 1841 года по тому же предмету. Для характеристики его научных интересов и знаний достаточно привести современный нам отзыв члена-корреспондента Академии наук СССР профессора физики Т. П. Кравца об этих давнишних высказываниях Николая Александровича. Автор отзыва отмечает, что в своей статье Бестужев «развивает стройную теорию участия электрических сил и зарядов в явлениях туманов, туч, дождя и пр.». В наше время эта теория должна быть признана несостоятельной. Но в первой четверти XIX в. представление Бестужева «было всеобщим и

---

[1] М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири, ред. М. К. Азадовского и др., вып. I. Ирк., 1929, стр. 107.

удержалось в науке до 60-х годов, когда оно еще находило авторитетную поддержку» знаменитого физика и математика Р. Клаузиуса [1].

В ряду разнообразных занятий Н. А. Бестужева должна быть отмечена его театральная деятельность. Он был хорошим постановщиком и руководителем сложных спектаклей. Участвовал как актер в комедиях и драмах. Устраивал любительские театры, выступал на сцене постоянного Кронштадтского театра. Знаменитый русский актер В. М. Самойлов нарочно приезжал в Кронштадт любоваться игрой Николая Александровича и говорил, что профессиональные петербургские актеры должны учиться у Бестужева [2].

Лишь некоторые из многочисленных русских масонских соединений вели свои работы на русском языке. К их числу относится ложа «Избранный Михаил», основанная в 1815 году. Многие члены этой ложи были участниками тайных обществ. «Управляющим мастером» в ней был отставной флота лейтенант Ф. П. Толстой. В эту ложу был принят в 1818 году Н. А. Бестужев. Мотивы и цели его вступления в масонскую организацию ясны из предшествующего изложения.

Деятельно участвуя в общественном движении эпохи, Н. А. Бестужев встречался с будущими декабристами в масонской ложе, в писательских объединениях и других организациях, на службе. В походе 1824 года к берегам Франции и Испании на фрегате «Проворный» участвовали, кроме Николая Александровича, шесть морских офицеров, привлеченных впоследствии к делу о восстании 14 декабря: лейтенанты Мусин-Пушкин, Д. Н. Лермантов, Миллер, Шпейер, мичманы Беляев и Бодиско.

Вступив в Тайное общество, Н. А. Бестужев стал частым гостем в доме Российско-американской компании — штаб-квартире революционного заговора. В этом

---

[1] М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири, ред. М. К. Азадовского и др., вып. I. Ирк., 1929, стр. 132 и сл.

[2] Неизвестный. Заметки о декабристах и о русских моряках прежнего времени, «Щукинский сборник», вып. IV. М., 1905, стр. 172.

доме, кроме Рылеева, жил А. А. Бестужев. Бывая в Петербурге, останавливался у директора компании Прокофьева видный участник Тайного общества В. И. Штейнгель. С компанией были связаны другие члены тайных обществ, служившие на ее кораблях, отправляемых в заокеанские колонии. Среди них выделяются лейтенанты Д. И. Завалишин и В. П. Романов.

Николай Александрович также хотел совершить кругосветное путешествие на корабле компании. Он был зачислен в состав экспедиции, отправлявшейся в североамериканские колонии. Ради этого плавания он даже вышел в отставку. Но дело расстроилось вследствие недоразумений, возникших между начальником экспедиции и директорами компании.

В Тайное общество Н. А. Бестужев вступил, желая содействовать освобождению родины от крепостничества и гнета аракчеевщины во всех его видах. Он хорошо понимал важность этого шага. Взгляды других участников заговора на роль Тайного общества в преобразовании России из феодально-крепостнического государства в свободную страну он разделял полностью.

Хорошо выразил все это декабрист И. И. Пущин, товарищ Пушкина по учению в лицее, которого великий поэт называл своим первым бесценным другом.

Рассказывая о своих встречах в лицейские годы с участниками тайных обществ, Пущин писал: «Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ними, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня... Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла душу мою; я как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах: стал внимательнее смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значащею, но

входящею в состав того целого, которое рано или поздно должно было иметь благотворное свое действие» [1].

В таких же приблизительно словах говорил о своем вступлении в заговор Н. А. Бестужев тотчас после разгрома восстания: «Предан будучи душевно своему отечеству, желая видеть его цветущим, не мог не соболезновать на все неустройства, существующие во всех частях. Видя расстройство финансов, упадок торговли... совершенную ничтожность способов наших в земледелии, а более всего беззаконность судов, приводило сердца наши в трепет... Общество наше имело... целию приготовление как самих себя, так и юношества в исполнении возложенных на них обязанностей, примером нравственности... и видеть употребленными людей способных» [2].

В другом, более обширном показании Бестужев писал о том же: «Причины, побудившие меня ко вступлению в общество, были те, что, соболезнуя сердцем о неустройствах и злоупотреблениях в моем отечестве и всегда желая видеть средства к исправлению беспорядков... и вместе с тем ревностную службу при строгой нравственности... действовать к улучшению существующего управления. Вместе с сим... избирая молодых людей, ободрить их к образованию самих себя и некоторым образом служить им в том примером» [3].

В Северном обществе Н. А. Бестужев примкнул к его левому крылу. Вскоре он был избран одним из грех директоров общества.

Социально-политические взгляды Бестужева отражены в двух произведениях: в его замечаниях на проект конституции, составленный Никитой Муравьевым, и в статье «О свободе торговли и вообще промышленности». Замечания написаны до 14 декабря 1825 года, статья относится к 1831 году.

Проект муравьевской конституции Николай Александрович получил от Рылеева для ознакомления моряков с программой Тайного общества. Находившийся в руках

---

[1] И. И. Пущин. Записки о Пушкине, ред. С. Я. Штрайха. М., 1936, стр. 65 и сл.
[2] Восстание декабристов, т. II, стр. 60.
[3] Там же, стр. 66.

Николая Александровича проект является вторым вариантом конституции Н. М. Муравьева. Он сохранился в бумагах И. И. Пущина и представляет собой переработку первого варианта под влиянием критических замечаний виднейших членов Тайного общества. В основу проекта положены главным образом две конституции: французская монархическая 1791 года — исторический памятник крупной промышленной буржуазии, и федеральная североамериканская 1787 года [1].

Содержание оригинально разработанной — со значительными отступлениями от первоисточников — конституции Никиты Муравьева — задача свободного экономического развития страны, разделенной на естественные хозяйственные комплексы. В административном отношении отдельные области подчинены центральному представительному собранию и верховному правителю государства [2].

Из наиболее существенных перемен, внесенных во второй вариант проекта, имеют значение следующие: из него изъято «Введение», где доказываются преимущества федеративного строя, и усилен демократический характер раздела о политических правах граждан. Об отмене крепостного состояния здесь сказано коротко и ясно: «Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным» [3].

Свои замечания Бестужев написал на полях проекта. В них выявлены демократические стремления северной «левой». Николай Александрович требовал освобождения крестьян с землей и расширения права народного представительства. Он высказывался за то, чтобы гражданские чиновники имели право представительства, подчеркивая государственное значение их службы. Против параграфа, лишающего чиновников этого права, имеется такое замечание: «Ежели членами палат будут одни не служащие обществу — это обида для тех, которые служат ему...» [4].

---

[1] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 177 и сл.
[2] Там же, стр. 191 и 201.
[3] Там же, стр. 209—211.
[4] Там же, стр. 228 и 332.

О том, как он усвоил конституционный образ мыслей, Н. А. Бестужев говорил в показании следственной комиссии по делу о восстании 14 декабря 1825 года: «Бытность моя в Голландии 1815 года в продолжение пяти месяцев, когда там устанавливалось конституционное правление, дала мне первое понятие о пользе законов и прав гражданских; после того двукратное посещение Франции, вояж в Англию и Испанию утвердили сей образ мыслей». «Впрочем, — добавляет Бестужев, — все происшествия последнего времени во всей Европе, все иностранные журналы, современные истории и записки и даже русские журналы и газеты открывали внимательному читателю пользу постановления законов» [1].

В одном из последних совещаний у Рылеева решено было составить проект манифеста от имени сената для опубликования его в случае успешности переговоров с правящими кругами. Один из трех таких проектов составил Н. А. Бестужев.

В первых показаниях Николай Александрович не упоминает о своем проекте. После заявления следователей, что у них имеются сведения об этом, Бестужев признал факт составления манифеста. «Я показывал Торсону набросанные мною в то утро мысли в десяти строках, какого бы роду сделать обнародование, ежели мы успеем в своем предприятии, — скупо и осторожно писал он в ответе на запрос комиссии от 26 апреля 1826 года, — но в этом обнародовании ни слова не было сказано об устранении наследника престола, а просто от правительствующего сената воззвание к народу, что наступило время для России получить законы, для постановления которых вскоре будет сделано распоряжение от особливого совещательного сословия для собрания избранных между народом представителей. Писал я это по собственному своему внушению, но, показав Торсону только, оное истребил, потому что оное писано было не для действительного исполнения, а только для того, чтобы запомнить мысли мои, которые на сей счет мне пришли в голову» [2].

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 64 и сл.
[2] Там же, стр. 82 и сл.

Вечером 14 декабря Н. А. Бестужев явился домой, оставил шляпу и саблю, надел фуражку и ушел... в Кронштадт. Рассказы самого Бестужева, его брата Михаила и сестры Елены, друзей — о его попытке скрыться в основном сводятся к следующему. Уйдя из дому, Николай Александрович где-то переоделся в платье матроса и соответственным образом загримировался. Пробрался в Кронштадт и оттуда на Толбухин маяк. Он рассчитывал перейти в Швецию или скрыться на иностранном пароходе и заготовил себе необходимые документы.

Гнавшаяся за Бестужевым полиция настигла его 16 декабря в с. Косном, в восьми верстах от Кронштадта. В тот же день он был доставлен в Петербург. Первый допрос был учинен Николаю Бестужеву в Зимнем дворце генералом В. В. Левашевым. Царь в таких случаях сидел в той же комнате за ширмой. Иногда он выходил оттуда и руководил допросом. Часто ругал допрашиваемых, которых в большинстве случаев приводили во дворец со связанными руками.

Из дворца Бестужева отправили в Петропавловскую крепость с запиской царя на имя коменданта генерала А. Я. Сукина: «Посылаемого при сем сего Николая Бестужева посадить в Алексеевский равелин под строгий арест, дав писать, что хочет».

Посадив Бестужева в 15-й каземат Алексеевского равелина, генерал Сукин заковал его в «ручные железа».

После первого было еще несколько допросов в крепости. Состоялась очная ставка с П. Г. Каховским. В ответах на вопросы следователей Николай Александрович был сдержан и краток.

В первых ответах Бестужев назвал несколько имен, но подчеркнул, что называет не членов Тайного общества, а людей, которых встречал у Рылеева и в других местах.

В следующих ответах названо несколько имен членов общества, но только тех, которые были на площади и, следовательно, могли быть известны комиссии независимо от показаний Бестужева.

О целях общества Н. А. Бестужев говорил уклончиво. Единственное спасение государства от неурядицы

и злоупотреблений, заговорщики, по его словам, «полагали в законах», коими якобы не желали «ограничить власть монарха», а хотели «обуздать тех, кои во зло употребляли его доверие». Как же хотели они обуздать нарушителей законов?

— Надеялись, что вся гвардия соберется близ сената, и тогда хотели просить наследника престола даровать законы, столь драгие и столь желаемые нашим отечеством [1].

Свое решение выступить 14 декабря Бестужев объяснял так:

— В совести своей думал, что каждый, покуда не дал еще присяги, мог изъяснить свои нужды, тогда как данная присяга обязала бы уже к безусловному повиновению [2].

Однако, выступая на площади, Николай Бестужев и, по его словам, другие заговорщики имели в виду «быть готовыми направить буйное стремление черни, остановить могущие произойти неустройства и кровопролитие, как то обыкновенно случается при таковых происшествиях».

На вопрос комиссии, верно ли, что он поощрял П. Г. Каховского на цареубийство, Н. А. Бестужев решительно заявил, что у него и мысли такой не было [3].

В «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ», составленном в 1827 году для Николая I и лежавшем постоянно у него на столе для справок при решении участи декабристов, про Н. А. Бестужева сказано: «Принадлежал к Северному обществу не более года; принял Арбузова и Торсона. Имел об обществе поверхностные сведения и полагал цель слишком отдаленною; слышал о намерении ввесть республику и, в случае несогласия особ царствующего дома, отправить их за границу, но считал сие одним только предположением; слышал также о существовании и силе Южного общества, о готовности Якубовича и Каховского посягнуть на жизнь покойного императора. В совещаниях почти не участвовал. В одно утро перед 14 декабря он написал

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 60, 71, 73.
[2] Там же, стр. 67 и 84.
[3] Там же, стр. 72 и 90.

и оставил у себя воззвание к народу от сената, что наступило время получить законы для России, а 14 декабря был в Гвардейском экипаже, действовал к возмущению оного и увлечению на площадь, где и сам пробыл, пока толпа была рассыпана картечами, но весьма малое принимал участие в происходившем; оттуда ушел на Кронштадтскую косу, сделав себе ложный вид».

Обращает на себя внимание суровость наказания Н. А. Бестужева сравнительно с мягкой формулировкой его вины в «Алфавите». Объясняется это благожелательным отношением к декабристам составителя «Алфавита», А. Д. Боровкова. Он был товарищем Бестужева по комитету Общества любителей российской словесности.

Наказания декабристам сформулированы в докладе верховного уголовного суда, который распределил всех подсудимых на 11 разрядов. Н. А. Бестужев отнесен ко второму разряду. Приговорен «к политической смерти, т. е. положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу».

Из перечисленных во втором разряде семнадцати осужденных Николай Бестужев назван шестнадцатым. Суд ставил ему в вину участие «в умысле бунта принятием в тайное общество членов», а также то, что он «лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и сам был на площади».

Подсказав суду самые жестокие наказания для побежденных декабристов, Николай I разыграл потом комедию «милосердия». «Смягчая» участь осужденных, он понизил большинству степень наказания так, что это носило характер издевательства и над осужденными и над милосердием. Так, Пестелю и его четырем товарищам, приговоренным к четвертованию, эта дикая средневековая казнь заменена повешением. Осужденным по второму разряду и Н. А. Бестужеву в их числе вечная каторга заменена двадцатилетней с лишением прав и последующей ссылкой на поселение.

Строгость наказания Н. А. Бестужеву объясняется местью за резкость его речей в следственной комиссии и на допросе у самого царя. Как сообщают в своих воспоминаниях А. Е. Розен и И. Д. Якушкин, император сказал Бестужеву:

— Вы знаете, что все в моих руках. Могу простить вас, если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу.

На это Бестужев ответил:

— В том и несчастье, что вы все можете сделать, что вы выше закона. Желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности.

Константин Петрович Торсон был связан с Н. А. Бестужевым полувековой дружбой, никогда и ничем не омрачавшейся. Поступив в Морской корпус в 1796 году, Торсон был старым кадетом ко времени прихода туда Бестужева в 1802 году. Познакомившись, они скоро сдружились и все остальные годы пребывания в корпусе провели вместе. Произведенные в мичмана в одном и том же 1809 году, они вместе служили в Кронштадте, где жили на одной квартире. Одновременно были переведены в Петербург, вместе жили в Сибири — в каторжной тюрьме и на поселении.

По имеющимся в литературе сведениям можно полагать, что отец Торсона был обрусевший швед. Торсоны не были помещиками. После осуждения декабристов были собраны материалы об их имущественном положении, о размерах владений, о числе принадлежавших им крестьян и другого рода собственности. Собирались такие же сведения об их родственниках. Относительно Торсона имеется исчерпывающее заявление петербургского генерал-губернатора: «Мать его в бедном положении».

Вся жизнь Торсона, вся его деятельность — проявление пламенной любви к отечеству. Польза родины всегда была для него дороже собственных выгод. Интересам отечества он всегда готов был принести в жертву самую свою жизнь. И доказал это на деле.

В Морской корпус Торсон был определен почти в детском возрасте. Он мог быть произведен в гардемарины лишь в 1806 году. Кадеты с гордостью передавали из поколения в поколение рассказы о проявленной им во время практических плаваний отваге.

Гардемарином Торсон участвовал в 1808 году в морском сражении при о. Пальво. За проявленную в этом

сражении храбрость он был произведен 1 января 1809 года в мичмана. 30 июня он снова участвовал в морском бою — у берегов Финляндии.

Во время Отечественной войны 1812 года Константин Петрович крейсировал на фрегате «Амфитрида» между Виндавой и Либавой. Посланный на гребном катере в Либаву, он был обстрелян неприятельской артиллерией, ранен в ногу, но командного поста не оставил и спас катер. За проявленное при этом мужество Торсон получил орден (см. приложение на стр. 307).

В следующем году Торсону было вверено командование транспортом «Святая Анна», на котором он плавал между Кронштадтом и Свеаборгом. Еще через год Константин Петрович был произведен в лейтенанты. В 1817 году он совершил на корабле «Орел» переход от Кронштадта до Кале.

Страстно любя морское дело, Торсон продолжал занятия наукой и совершенствовался в избранной специальности. Со времени окончания корпуса он мечтал о кругосветном плавании. В 1819 году, в целях «приумножения сведений о земном шаре и познаний по естественной истории» в Петербурге были снаряжены две экспедиции в полярные области. Одна — в составе корвета и транспорта — должна была отправиться в Северный Ледовитый океан, другая — в составе двух шлюпов — в Южный океан. Начальником последней был назначен капитан-лейтенант Ратманов, приступивший к снаряжению судов. Во время производства работ он заболел.

Начальником южной экспедиции в составе шлюпов «Восток» и «Мирный» назначили капитана 2 ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена (1779—1852). Это был талантливый и образованный моряк. Он участвовал в первом кругосветном плавании русских судов (1803—1806) под командованием известного русского мореплавателя И. Ф. Крузенштерна (1770—1846). Беллинсгаузен имел большой практический опыт кругосветного путешествия. Требовательный и строгий начальник, он сам заботился и от офицеров требовал заботы об умственном развитии команды, об ее санитарном и материальном благополучии.

Помощником Беллинсгаузена по экспедиции и командиром шлюпа «Мирный» был выдающийся мореплаватель

Н. А. Бестужев

того времени лейтенант Михаил Петрович Лазарев (1788—1851). Он прославился впоследствии как основатель знаменитой русской школы моряков (Нахимов, Корнилов, Истомин и др.) и крупнейший строитель Черноморского флота.

Экспедиция была интересной в научном и во всех других отношениях. На «Восток» и «Мирный» стремились попасть многие офицеры военного флота. Отбор был очень строгий. Беллинсгаузен и Лазарев составляли экипаж судов из опытных моряков, зарекомендовавших себя инициативой и отвагой в предыдущих плаваниях.

Торсон был назначен на шлюп «Восток». Принят он был в состав экспедиции «по хорошему отзыву известных морских капитанов».

Экипаж «Востока» состоял из 117 человек. На «Мирном» было 72 человека. В состав экипажа входили талантливый профессор астрономии Казанского университета, товарищ студенческих лет великого русского математика Н. И. Лобачевского, И. М. Симонов (1794—1855), два врача, художник.

Суда были оснащены превосходно, снабжены всем необходимым для далекого и опасного плавания. Для команды заготовили много одежды, обуви и пр. Взяли большой запас всяких продуктов — мясных и овощных. На шлюпах была масса вещей для обмена и для подарков жителям островов.

4 июля 1819 года шлюпы отошли от Кронштадтской пристани. Экспедиции поручили «осмотреть все части Южного океана, в которых никто еще не бывал, или в тех частях, которые уже известны, обозреть острова, коих не видали прежние мореплаватели». Беллинсгаузену было предложено «продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой только он может достигнуть; употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставлять сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях».

Суда Беллинсгаузена были в плавании два года, встречали на своем пути много трудностей, подвергались большим опасностям, но с честью выполнили свою задачу.

В инструкции Беллинсгаузену было указано: «Во всех

землях поступать с жителями с величайшею приязнью и человеколюбием, стараясь привлечь их ласкою». Сношения с островитянами начальник экспедиции поручал Торсону. С ним и с Лазаревым съезжал на остров Отаити начальник экспедиции для отдания визита королю Помари. На лейтенанта Торсона возлагались дипломатические обязанности — он сносился от имени начальника экспедиции с иностранными капитанами в попутных портах.

Экспедиция Беллинсгаузена три раза пересекала полярный круг. Русские моряки первыми прошли в Южнополярный океан. Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» до конца XIX в. по справедливости считалось одним из самых важных и трудных, когда-либо совершенных. Из двух с лишним лет, проведенных судами в плавании, они находились под парусами 527 дней. За это время было пройдено 86 475 верст.

Экспедиция сделала ценный вклад во все области естествознания. Было открыто 29 новых островов, произведены астрономические измерения многих мест, введена в научный оборот масса новых географических, этнографических, зоологических, ботанических и других фактов.

Путь кораблей лежал через Рио-де-Жанейро и Новую Гвинею на Маркизовы острова и дальше — в океан. До них знаменитый Джемс Кук первый из европейцев достиг южно-полярных морей. Но, встретив в нескольких местах сплошной лед, он объявил, что дальше невозможно итти. Авторитет Кука действовал гипнотически: в течение полувека никто не осмеливался перейти за установленную им грань.

Русские моряки доказали неосновательность этого мнения. Среди постоянных трудов и опасностей, на двух небольших парусных судах, не приспособленных для плавания во льдах, они проникли значительно дальше Кука.

В двухтомном описании деятельности экспедиции Беллинсгаузена много раз упоминается имя К. П. Торсона, который выполнил значительное количество наблюдений, измерений и других научных работ [1].

---

[1] Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение

В предисловии к описанию трудов экспедиции сообщалось от ученого комитета морского министерства: «Читатели увидят необыкновенные морские подвиги Беллинсгаузена, Лазарева и всех бывших с ними. По сим необыкновенным морским подвигам имена их останутся навсегда знаменитыми в летописях русского мореплавания».

Известный советский ученый океанограф, почетный член Академии наук СССР Ю. М. Шокальский (1856—1940) писал по поводу экспедиции, в которой участвовал К. П. Торсон, что наши моряки совершили «беспримерное плавание на слабых судах, непревзойденное и доныне». Их плавание «не потеряло своего научного значения и никогда не потеряет». Но «главная заслуга отважных русских моряков, — по свидетельству Ю. М. Шокальского, — в том, что, во-первых, они окончательно разрешили многовековое недоразумение о существовании какого-то обширнейшего в мире Южного материка, который соединяется якобы с материками Азии, Африки и Америки, и, во-вторых, доказали, что в широтах около 60 южной широты, существует непрерывное водное кольцо Тихого океана, среди которого встречается только несколько небольших островов».

Экспедиция, в которой участвовал К. П. Торсон, открыла в тропических водах Тихого океана большой архипелаг между Новой Зеландией и Таити. Островам этого архипелага дали названия в честь героев Отечественной войны 1812 года и других русских военных деятелей. В южных полярных водах открыли земли Петра великого и Александра I. Несколько островов открыли в районе Новой Шотландии. Их назвали именами местностей, прославленных в войну 1812 года.

1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах Востоке и Мирном под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа Востока; шлюпом Мирным начальствовал лейтенант Лазарев. Изданы по высочайшему повелению, ч. 1-я, 397 стр., ч. 2-я, 326 стр. Спб., 1831. См. ч. 2-ю, стр. 27, 52, 58, 93, 167, 289 и сл., 310 и сл.; ср. Н. Введенский. В поисках южного материка. Русская антарктическая экспедиция 1819—1821. М., 1940; проф. И. М. Симонов. Астрономические и физические наблюдения, деланные во время путешествия его около света на шлюпе Востоке, ч. I. Спб., 1828, стр. 152; его же — Слово об успехах плавания шлюпов Востока и Мирного... Казань, 1822, стр. 59.

За труды в южной полярной экспедиции 1819—1821 годов К. П. Торсон получил высокую награду того времени — орден Владимира.

Лейтенант Торсон вернулся на родину (в конце июня 1821 г.) обогащенный научными сведениями, с расширенным кругозором, большим мореходным опытом. А. А. Бестужев писал о Торсоне, что он «один из самых отличных и ученых флотских офицеров и самых кротких людей». М. А. Бестужев заявлял, что Торсон — «рыцарь честности на служебном и частном поприще».

Сидя в крепости после восстания 1825 года, многие декабристы писали Николаю Павловичу о состоянии и нуждах России в разных областях государственного управления. По их запискам был составлен «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». Царь часто просматривал этот «Свод». Как говорил председатель государственного совета составителю свода А. Д. Боровкову, император «черпал из него много дельного». Он приказал также передать копию этого документа «Комитету 6 декабря 1826 г.», специально созданному для разработки необходимых реформ.

«Свод» разделен на статьи по отдельным частям управления. В статье «Состояние флота» здесь сообщалось: «На основании адмиралтейского регламента Петра Великого едва корабль заложится на стапеле, должно раздавать по всем мастерским пропорции, дабы к назначенному дню все принадлежности к вооружению были в готовности. Но во все управление министерством маркиза де-Траверсе сего не наблюдалось. Корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной кампании. И так переводится лес, тратятся деньги, а флоту нет» [1].

Приведенная здесь статья составлена главным образом по тексту записки В. И. Штейнгеля на имя Николая Павловича от 11 января 1826 года. Боровков кое-чего не включил из нее в свой «Свод». Но царь и без того прочитал в записке Штейнгеля, что при маркизе де-Тра-

---

[1] А. Д. Боровков. Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства, сб. «Декабристы». Отрывки из источников. М.-Л., 1926, стр. 7.

версе «мачты переставляют с одного корабля на другой; прочие, хотя число их немалое, не имеют вооружения». «Можно сказать, — заключает Штейнгель свое изложение, — что прекраснейшее и любезнейшее творение великого Петра маркиз де-Траверсе уничтожил совершенно» [1].

Только ученики великого русского флотоводца Ф. Ф. Ушакова, хранившие его традиции, спасали положение. Д. Н. Сенявин, В. М. Головнин, М. П. Лазарев и другие русские адмиралы и офицеры поддерживали славу и самое существование прекраснейшего детища великого Петра.

Поле для творческой деятельности было обширное. Торсон имел возможность приложить свои знания и способности. Он вводил улучшения на корабле, которым командовал, и на других судах эскадры, в которой состоял его галиот «Торнео». При содействии небольшой группы талантливых моряков он разработал план обширных преобразований во флоте. Ему дали возможность осуществить свой проект материального оборудования военных судов при вооружении и оснащении корабля «Эмгейтен».

Главным помощником Торсона в этом ответственном опыте был лейтенант Михаил Бестужев. «Из любви к брату, — рассказывает М. Бестужев в своих воспоминаниях, — и желая направить мои неопытные шаги на жизненном и служебном поприще, добрый К. П. Торсон взял меня под свою опеку». Он руководил занятиями Бестужева в различных областях морской науки, был его «дядькой и учителем».

Когда Торсон отправился в кругосветное плавание, М. А. Бестужев перевелся на службу в Архангельск. Там он пробыл два года. Вскоре после возвращения Константина Петровича из Южного Ледовитого океана Михаил Бестужев вернулся в Кронштадт. Здесь он явился главным помощником Торсона в снаряжении «Эмгейтена».

Зимние месяцы Торсон и Бестужев провели в холодных зданиях адмиралтейства, приготовляя такелаж «Эм-

---

[1] В. И. Штейнгель. Записки, ред. П. Е. Щеголева, с биографическим очерком В. И. Семевского, в сб. «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905, стр. 480 и сл.

гейтена». Приходилось преодолевать затруднения со стороны противников нового. «Адмиралтейские крысы» не могли спокойно смотреть, как создавался усовершенствованный корабль, строители которого сами не крали и другим не давали красть. Под руководством Торсона удалось на работах по оборудованию «Эмгейтена» сэкономить больше миллиона рублей.

Наконец, все было готово к практическому испытанию корабля. Были вычислены таблицы и разработаны указания команде для применения старых навыков к использованию нового оснащения и вооружения в повседневном плавании. Еще до начала работ на «Эмгейтене» специальным царским повелением было указано, что командовать кораблем в его пробном плавании будет Торсон.

В июле 1823 года Торсон был назначен старшим адъютантом начальника главного морского штаба. Со дня на день ждал он распоряжения отправиться в крейсерство на созданном им корабле. Уверенный в успешном исходе пробного плавания, он мечтал о руководстве преобразованиями во флоте в большом масштабе.

«Адмиралтейские крысы» отомстили Торсону. В самый последний момент он узнал, что на «Эмгейтен» посажены матросы Гвардейского экипажа и командиром корабля назначен капитан 2 ранга Качалов. Ему и поручили показать «Эмгейтен» государю.

Качалов вытянулся на рейд. Император прибыл на корабль со всеми родными и придворными. Осмотр производился в торжественной обстановке. Царь восторгался всем виденным, был поражен прекрасным устройством, изящной отделкой и видом корабля. Благодарил морского министра, капитана 2 ранга Качалова, объявил последнему и его экипажу награды. Все принимали похвалы царя, кланялись и отмалчивались. Никто не обмолвился, не назвал настоящего виновника торжества.

Торсон был при своем начальнике и тоже молчал. Лейтенант не смел выступить перед государем, рассказать о своем замысле, о том, как он осуществлялся. Не имел права говорить о задуманном и в основном уже разработанном плане больших преобразований во флоте.

На другой день Константин Петрович разразился перед начальником штаба «всем пылом своего благородного негодования и грозился донести государю о незаконном поступке». Он прямо объявил, что сообщит царю «все, касающееся флота»[1].

Начальник штаба объяснил своему адъютанту причину происшедшего. Брат царя великий князь Николай Павлович собирался с женой в гости к своему тестю — прусскому королю. Сухопутье по скверной дороге не улыбалось ему. Предложили морскому министру приготовить корабль для высоких путешественников. Министр захотел показать блестящее состояние своего ведомства и заявил государю, что для великого князя у него готов корабль к отплытию хоть на следующий день.

— Не мог же он, — объяснял начальник штаба Торсону, — сказать императору, что у него не было другого готового на этот предмет корабля.

Тем более не мог министр ввиду сложившихся обстоятельств заявить, что «Эмгейтен» — корабль показательный, который готовили к пробному плаванию в качестве образца для переоборудования всего флота.

В утешение Константину Петровичу начальник штаба предложил ему принять начальство над ученой экспедицией к Северному полюсу в составе фрегата и брига. Он обещал дать Торсону возможность соорудить эти корабли под своим наблюдением, назначить в экспедицию его помощников по оборудованию «Эмгейтена», предоставить ему самому разработать инструкцию для предстоящего плавания.

— По вашем возвращении из вояжа, — говорил Торсону начальник, — я буду в возможности наградить вас вдвойне — и за вояж, и за то, что вы потеряли теперь. Тогда и офицеры, трудившиеся при составлении штатов, будут награждены так, что вы останетесь довольны.

Торсону пришлось по душе предложение об экспедиции. Оно «соответствовало его постоянному направлению к пользе наук и славе отчизны, — рассказывает М. А. Бестужев. — Помню я эти блаженные минуты, когда в осенние ночи, при тусклом свете сальной свечи, мы прово-

[1] Воспоминания Бестужевых. М., 1931, стр. 302.

дили с Торсоном пути по земному шару и открывали с ним неведомые страны и острова и крестили их русскими именами». В план путешествия к Северному полюсу постарались включить Средиземное море, чтобы посетить места, связанные с историческими воспоминаниями о славе русского военного флота.

Константин Петрович Торсон состоял уже в Северном тайном обществе, когда произошла история с «Эмгейтеном». Ввел его туда Н. А. Бестужев. Вскоре после ухода из Кронштадта созданного им корабля Торсон был произведен — за отличие — в капитан-лейтенанты. Но его не радовала награда, которой хотели сгладить обиду. Личное огорчение переходило в тяжелую боль от сознания, что история с «Эмгейтеном» — результат общей системы правления, неизбежное следствие аракчеевщины. В беседах с друзьями он жаловался «на существующие злоупотребления, на гнетущий произвол, на тлетворное растление всего административного организма».

— Надо положить этому конец, — передает его слова Михаил Бестужев и добавляет: — Но тут он останавливался, задумывался и менял разговор.

В морской науке, в области усовершенствования флота Торсон был сторонником самой широкой программы. В Тайном обществе он примыкал к умеренной группировке. В совещаниях у Рылеева он высказывался против решительных мер по отношению к царской семье, отстаивал конституционно-монархический образ правления. Для характеристики политических взглядов Константина Петровича показательно его заявление в связи с историей «Эмгейтена». Выражая начальнику морского штаба свое негодование по поводу злоупотреблений в государстве, он говорил, что сообщит императору, как «играют его именными указами даже в то время, когда страждут интересы казны»[1] .

Из области теоретической мысли дошло до нас интересное «Рассуждение» Торсона по поводу проекта конституции Н. М. Муравьева. Оно было написано как замечание на второй вариант этой конституции и стало доступно исследователям вместе с бумагами И. И. Пущина,

[1] Воспоминания Бестужевых. М., 1931; стр. 302.

находящимися в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Уже в первых строках своего рассуждения Торсон высказывается как сторонник федеративного строя и двухпалатной системы. Он убежденный противник наделения политическими правами только имущих классов. Отметив, что верхней палате предоставляется право проверки решений, принятых нижней палатой, он пишет: «Сие доказывает, что члены верхней палаты должны быть избраны из людей, известных по уму, опытности в государственных должностях и любви к отечеству».

Звание члена верхней палаты пожизненное. Но верхняя палата не должна состоять «из людей только богатых», а из таких, которые обладают «умом, добродетелями, опытностью и любовию к отечеству». «Палата сия должна составиться из людей известных и будет лавровым венком для граждан отличных добродетелей; она, не изменяясь по воле богачей наемными голосами, не вместит и не потерпит в сонме своем невежд и тогда только будет твердым оплотом между деспотизма и своевольства».

«Во время перерыва в деятельности палат правительству представляется — в чрезвычайных случаях — производить новый набор войск или наложить какую-либо подать». Но оно должно отчитаться перед народными представителями, созываемыми в законный срок, и отвечает за свои злоупотребления. «Чтоб император при помощи министров мог свободно действовать для выгод и славы своего народа, то ему должно дать совершенно полную власть... Но так как полная власть в его руках может быть опасна для народа и как ему одному предлежит очень много занятий, то чтоб предупредить всякое злоупотребление от большой власти или от недосмотрения могущих произойти в множестве дел, которые могут быть вредны для граждан, надлежит постановить, что император должен действовать только через своих министров, которые за все дела народу должны отвечать своею головою.

Сим законом императору и министрам дается полная воля действовать к пользам и славе народа; но сделать что-либо вредное или по деспотическим своим видам министры императору не позволят, ибо за сие их голова

есть надежною порукою гражданам». Точно так же ограждаются в Рассуждении Торсона интересы народа в отношении права императора и министров распоряжаться армией и финансами [1].

Свое рассуждение Торсон обосновывает примерами из практики самой прогрессивной для его времени конституции — английской. Источник его политических взглядов, их связь со взглядами других членов Северного тайного общества, влияние Рассуждения на дальнейшую разработку конституционного проекта декабристов исследованы в работах В. И. Семевского и Н. М. Дружинина.

Рылеев настаивал, чтобы Николай Бестужев и Торсон организовали морскую управу Северного общества в Кронштадте из офицеров флота. В предстоящем перевороте он возлагал на моряков большие надежды. Торсон, подобно своему другу Н. А. Бестужеву, не разделял надежд К. Ф. Рылеева на кронштадтскую управу.

— К чему поведет набор лейтенантов и мичманов? — спрашивал Константин Петрович.

На укоризненное замечание Рылеева, что Торсон и Бестужев не хотят действовать в Кронштадте решительно, Константин Петрович отвечал:

— Из такого общества ничего не выйдет, это бесполезно.

Тогда Рылеев заявил, что по плану директории при восстании войск в Петербурге Н. Бестужев или Торсон должны поехать в Кронштадт, поднять матросов при помощи тамошних членов общества, сменить начальство и принять город и крепость под свою команду. Константин Петрович решительно отверг это предложение и добавил:

— Не думаю, чтобы и Бестужев взял такое поручение.

Излагая эту сцену в следственной комиссии, Торсон записал также следующее свое заявление Рылееву:

— Таким образом действовать — значит возродить беспорядок, который после не удержать. Если везде так действовать, значит предать отечество еще бо́льшим ужасам, чем французская и гишпанская революция. Я желаю

[1] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 144 и сл., 158 и сл., 228 и сл., 346—355; В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 477 и сл., см. еще указатель имен.

пользы отечеству, не хочу власти, ни богатства, хочу быть тем, что есть, и потому так действовать не хочу... Это дело должно итти сверху, а не снизу, если хотите пользы... Такие перемены не у молодых людей в руках... Не должно спешить, лучше 10 или 20 лет дожидать; в это время все лучше приготовиться, чтоб, вводя перемену, не наделать великих зол [1].

Торсон относился недоверчиво к заявлениям Рылеева о силе Тайного общества.

— Если в думе принимают меры подобно тому, как рассуждает Рылеев,—говорил он Николаю Бестужеву,—и именно о завладении Кронштадтом, то с нашей стороны безрассудно отдавать себя на погибель, не быв уверену, что все надлежащие меры и благоразумные средства приняты. Хорошо погибнуть тогда, когда знаешь, что эта погибель будет с пользою. Но что пользы в жертве, когда она принесена без всякой выгоды для блага отечества [2].

Рылеев перед восстанием проявлял кипучую деятельность. Утром 13 декабря он был у Николая Бестужева и ствез его к Торсону. После обеда Константин Петрович был у Николая Бестужева с Рылеевым и другими руководителями Тайного общества. Но им не удалось убедить Торсона в целесообразности восстания. Весь день 14 декабря он провел у начальника морского штаба на очередном адъютантском дежурстве.

Вечером, после разгрома восстания, к Торсону пришел Михаил Бестужев. Всю ночь они просидели, делясь впечатлениями о событиях дня. Наступило утро 15 декабря.

— Светало, а мы с Торсоном не прерывали еще беседы, — рассказывает М. А. Бестужев. — Зная, что нас ожидает в будущности, как умирающие, имели потребность передать свои заветные мысли, свои предсмертные завещания.

Михаил Бестужев изложил свой план бегства за границу. Торсон сомневался в его исполнимости, но взялся помочь Бестужеву — найти надежный приют, укрыться на несколько дней от ожидаемого ареста.

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 194 и сл., 212 и сл.
[2] Там же, т. II, стр. 80 и сл.

Вышли от Торсона вместе. По улицам разъезжали конные патрули. Друзья благополучно миновали их. Попытка Константина Петровича не удалась. Знакомый ему портной не мог принять Бестужева в качестве приехавшего из деревни подмастерья. Ночью полиция переписала всех рабочих и запретила хозяевам мастерских принимать новых без ее ведома.

Торсон пошел на службу. Бестужев отправился на поиски костюма для бегства. Подходя в конце дня к Невскому проспекту, он увидел Торсона под конвоем. Константина Петровича вели в Зимний дворец. Он шел «поступью твердою, с лицом спокойным и со связанными назад руками» [1].

На допросе Торсон так изложил мотивы своего вступления в Тайное общество: «Видя различные злоупотребления и недоступность правительства к исправлению оных законным порядком, действуя частным лицом, я убедился в необходимости действовать обществом для достижения сей цели. Я желал видеть исправление злоупотреблений в моем отечестве и введение через кроткие меры конституционного правления» [2].

Торсон давал откровенные показания относительно своего участия в заговоре. Не скрывал своего образа мыслей, признал, что писал Замечания на проект конституции, что разделял мнение о благодетельности английского государственного строя. Подчеркнул в показании, что отстаивал монархическое правление: «Заметив, что в конституции сказана только одна императорская особа священна и неприкосновенна... написал, чтоб наследник престола также был особою священною и неприкосновенною» [3].

В этом показании Торсон, однако, не разъяснил, что неприкосновенность царей он толковал в своем Рассуждении в смысле ограничения их самовластия. Конечно, и в других случаях он ввел свою откровенность в определенные рамки. Что касается всего текста Рассуждения

---

[1] Бестужевы. Записки, стр. 161.
[2] М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М., 1907, стр. 264 и сл.
[3] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 160.

Торсона, то он остался неизвестным следователям. В свое время список был передан вместе со вторым вариантом муравьевской конституции И. И. Пущину. Утром 15 декабря к Пущину, который был одним из главных действующих лиц в руководстве общества и в самом восстании, пришел его друг, известный поэт князь П. А. Вяземский. Он забрал все бумаги Пущина, хранил их свыше тридцати лет и отдал декабристу по возвращении его из Сибири. О дальнейшей судьбе этих бумаг сказано выше.

Умеренность политических взглядов Торсона не избавила его от тяжелого наказания. После первых допросов он был отправлен в Свеаборгскую крепость. 21 декабря коменданту крепости сообщено было от имени царя, чтобы «заключенному арестанту, бывшему офицеру Торсону отнюдь не позволять никакой переписки и свиданий» [1].

Характерно, что в предписании царя Торсон уже в самом начале следствия назван «бывшим офицером». В Свеаборге его продержали до 28 апреля 1826 года. Затем доставили в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость. Отсюда его водили в комиссию на допросы, на очную ставку с Рылеевым.

Сидя в каземате, Константин Петрович не столько старался выгородить себя, сколько заботился об устройстве отечественного флота. Просил разрешения послать царю записку об этом. 6 мая коменданту было сообщено, что царь позволяет Торсону писать «о разных собранных им полезных сведениях касательно флота». Торсон составил обширный доклад.

Декабрист В. И. Штейнгель сообщает, что Торсон «представил все недостатки и злоупотребления по флоту. Это представление рассмотрено после особым комитетом и настоящее положение флота и портов свидетельствует, как оно было полезно» [2].

Так декабристы, даже потерпев поражение, продолжали служить родине высоким стремлением своих дум.

В «Росписи государственным преступникам» Торсон числится по второму разряду. Вина его определена так:

---

[1] И. В. Егоров. Моряки-декабристы. Л., 1925, стр. 61.
[2] В. И. Штейнгель. Записки в сб. «Общественное движение», стр. 454.

«Знал умысел на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием одного члена». Приговорен к тому же наказанию, что и Н. А. Бестужев: «положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу».

Лейтенант Гвардейского экипажа Антон Петрович Арбузов также был принят в Северное общество Николаем Бестужевым. Родился около 1797 года — к моменту восстания ему было 28 лет. Происходил из мелкопоместных дворян Новгородской губернии. Сам, согласно формулярному списку, «крестьян не имел». Его брат, отставной лейтенант морской артиллерии Егор и две их сестры, все вместе, владели в 1825 году именнем с 83 крестьянами. На этом поместье лежал большой долг. Двоюродный брат Арбузовых штабс-капитан Белавин служил надзирателем питейного сбора.

В Морской корпус Арбузов поступил кадетом в начале 1810 года. Произведенный через два года в гардемарины, крейсировал между Петербургом, Кронштадтом и Свеаборгом. В 1815 году получил звание мичмана, в 1820 — лейтенанта.

В 1819 году Арбузов переведен в Гвардейский экипаж. Самостоятельно командовал — в 1821 году — галиотом «Паллада». В 1823 году совершил на фрегате «Проворный» плавание от Кронштадта к Исландии. Пройдя оттуда в Английский канал, вернулся через Портсмут в Кронштадт. За этот вояж Арбузову выражено благоволение монарха. Такую же признательность получил за командование шлюпом «Мирный» на переходе от Кронштадта до Ростока, куда сопровождал в 1824 году корабль «Эмгейтен».

Арбузов был человек твердого и решительного характера. Находившийся под его идейным и нравственным влиянием декабрист А. П. Беляев пишет, что он человек «сурового характера». Познакомившийся с Арбузовым после 14 декабря И. Д. Якушкин определяет его характер как «несколько крутой».

По своим политическим убеждениям Арбузов примыкал к левой группировке Северного общества. Его горячий патриотизм выражался в энергичной и резкой критике аракчеевщины во всех ее проявлениях. Усилен-

ную деятельность проявил Арбузов в период междуцарствия. Он вел пропаганду не только среди морских офицеров, но также в пехотных полках гвардии.

Наряду с этим Арбузов, единственный из ротных командиров Гвардейского экипажа, повел систематическую агитацию среди матросов. Несколько дней подряд он призывал к себе, утром и вечером, фельдфебеля и унтер-офицеров своей роты, объяснял им создавшееся положение, поручал приготовить рядовой состав к отказу от второй присяги.

В восстании Гвардейского экипажа Арбузов играл видную роль. На площади он простоял весь день в рядах батальона, подбадривая матросов и офицеров. Многие арестованные дали в следственной комиссии уличающие Арбузова показания [1].

Арестованный в ночь с 14 на 15 декабря Арбузов был отправлен в Петропавловскую крепость. В сопроводительной записке с пометкой «нужное» царь приказал посадить его в одиночную камеру Алексеевского равелина.

В «деле» Арбузова нет протокола допроса его в Зимнем дворце самим Николаем или генералом Левашевым. Но в заявлении на имя следственной комиссии от 5 февраля 1826 года он упоминает про какие-то «показания государю императору». Есть еще одно сведение: 16 декабря Николай предлагал коменданту крепости «опросить лейтенанта Арбузова, кто был с ним во фраке в казармах гвардейского экипажа утром 14 числа» [2].

Первый формальный допрос был учинен Арбузову 19 января 1826 года. На следствии он подобно небольшому числу самых стойких участников Тайного общества держался системы решительного отрицания. Вот несколько его ответов на вопросы следственной комиссии:

— Никогда не принадлежал ни к какому обществу, тайны имеющему.

— Никаких не имел причин ко вступлению, потому что никогда не вступал.

— Неизвестно мне и самое общество, цель же его и

---

[1] Восстание декабристов, томы I, II, III по указателям.

[2] Восстание декабристов, т. II, стр. 17; П. Е. Щеголев. Декабристы. М.-Л., 1926, стр. 268.

какими средствами предполагало оно действовать для достижения оной мне совершенно неизвестно.

— Неизвестно мне, кто принадлежал к сему обществу, не быв членом его.

Так отвечал Арбузов, несмотря на то, что из вопросов было ясно, что комиссия знает об его участии в обществе из показаний других арестованных. Даже на вопросы, явно изобличавшие его связь с руководителями Тайного общества, Арбузов отвечал отрицанием. Знакомство с Рылеевым он объяснял желанием совершить кругосветное плавание на корабле Российско-американской компании [1].

За такие ответы следственная комиссия постановила: «Арбузова за явное упорство в признании, несмотря на сделанные против него показания, заковать, испросив на то высочайшее повеление». Последнее было получено на другой день, и 21 января Арбузов был закован.

Эта мера не дала ожидаемых комиссией результатов. Хотя 5 февраля Арбузов писал царю, что «оковы на руках тягчат сердце и душу», и просил «пролить на него луч милосердия», но показания его не стали откровеннее. В том же письме он заявляет, что высказывался против присяги Николаю, не считая возможным нарушить первую присягу, так как не верил словам генерала Шипова, будто Константин не хочет царствовать.

Комиссия продолжала собирать улики против Арбузова и 14 марта запросила, согласен ли он чистосердечно раскаяться. Антон Петрович ответил двумя заявлениями — от 18 и 19 марта, буквально совпадающими. Он готов дать «откровенный ответ во всем», хотя членом Тайного общества «никогда не был». Комиссия постановила оставить эти заявления «без внимания» именно в виду нежелания Арбузова сделать «чистосердечное признание».

Оковы продолжали тягчить не только сердце и душу Антона Петровича, но и тело его. Они были одним из способов воздействия на арестованных.

Кое-что из таких «поощрений» к откровенности было, повидимому, применено к Арбузову. 13 апреля он был

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 11.

Д. И. Завалишин

приведен в заседание комиссии. Здесь его долго допрашивали, приводили изобличающие показания многих арестованных, называли их имена.

Арбузов сдался не сразу и не вполне. Вот что записано об этом в протоколе комиссии: «Допрашивали гв. экипажа лейтенанта Арбузова; сначала продолжал попрежнему упорно запираться, но потом, видя из читанных ему допросных пунктов, что все малейшие обстоятельства и подробности правительству известны, оказал раскаяние... Но впоследствии снова начал оказывать запирательство... отвечал неясно и увертливо» [1].

Комиссия сформулировала 19 обширных вопросов и потребовала от Арбузова письменный ответ на них. Через два дня он представил записку на одиннадцати листах. Из этого большого собственноручного показания Антона Петровича видно, что он сдался не безусловно и только вследствие многочисленных показаний против него других членов общества. Приведу некоторые признания Арбузова:

— Зная любовь и доверенность к себе солдат Гвардейского экипажа, ручаясь за часть их, был в числе возбуждавших их.

— Имея пылкий характер, в мечтах переносился в древние республики, восхищаясь чистотою нравов, величеством характеров и истинною добродетелью. Быв напитаны сими мечтаниями, желали иногда введения и в России республиканского правления.

— Имея решительный характер, показывал твердое стремление и готовность к цели сей.

Все такие мысли «вызваны были любовью к отечеству и желанием на каждый момент жертвовать собой для блага его». Арбузов и сам «хотел учредить тайное общество для исправления нравов, защищения невинности и гонения разврата и злости».

— Составить сие общество должно было из людей твердых в нравственности, вере и непорочности.

— Поутру 13-го числа, когда фельдфебель Бобров явился ко мне с рапортом, я сделал ему подтверждение о внушении солдатам моего приказания.

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 379.

— В шесть часов вечера я опять потребовал к себе Боброва и объявил ему, чтоб он верил мне, что завтра будет присяга Николаю Павловичу, велел итти в роту и сказать, чтобы как можно держаться первой присяги, ибо завтрашняя будет обман.

— Накануне 14 декабря в общей квартире Беляевых и Дивова были Бодиско 1-й и 2-й и Измайловского полка поручик Гудимов. Я сказал: «Господа, зная ваш образ мыслей, кажется, я могу с вами говорить открыто; завтра вы знаете, что будет присяга; мы не должны присягать и приготовить к сему и роты. Завтра, когда люди откажутся от присяги, пользуясь сим, выведем их на Сенатскую площадь, где уже будут все полки, и там принудим сенат утвердить составленную конституцию». Потом, обратясь к Бодиске, сказал: «Вероятно, и вы не откажетесь содействовать». Старался уверить его, что опасаться нечего, что все полки на площади будут и что, если они не на словах только либералы и показывали любовь к отечеству, то должны, оставя самолюбие, содействовать всеми силами.

— 14-го числа я снова приказывал фельдфебелю Боброву объявить солдатам, что за четыре станции за Нарвою стоит первая армия и если дадите присягу Николаю Павловичу, то они придут и передавят всех. Тогда же, призвав унтер-офицера Аркадьева, я равно делал и ему внушения всякого рода противу новой присяги.

— Хотя по приказанию генерал-майора Шипова солдаты были выведены во двор, первой я изъявил свое сомнение и непослушание, а потом я, Чижов и двое Беляевых увлекли солдат на Сенатскую площадь, приказал я заряжать ружья.

На требование комиссии рассказать о взглядах других членов общества (тех, которые изобличали его) Арбузов ответил незнанием:

— На счет мнений Трубецкого, Оболенского, Рылеева, Пущина, Штейнгеля, Батенькова, Якубовича, Каховского и Бестужевых ничего не могу в особенности сказать, ибо они столь были осторожны в словах, что я сколько ни припоминаю и с сердечным желанием ничего не могу сказать.

— Никто из офицеров Гвардейского экипажа, сколько мне известно, не был членом Тайного общества [1].

Признания Арбузова от 13—15 апреля показали комиссии, что он начинает сдаваться. Но так как в его ответах еще видна была «увертливость», то комиссия оставила его в оковах.

20 апреля без всякого запроса со стороны комиссии Арбузов написал новое обширное заявление. Здесь даны объяснения на тяжкие обвинения, выдвинутые против него Д. И. Завалишиным. При этом Антон Петрович выгораживает товарищей, выражая готовность понести за них наказание.

— Несчастные Беляевы и Дивов виновны по одному мечтательному вольнодумству; идеи, вредной правительству, не имели. Ежели они не успели заслужить милосердие за поступки свои, то на будущее время, уверен, зная их коротко, что употребят все силы и средства, чтобы сделаться сего достойными; поступки же их возложить на меня и для примеру расстрелять. Сочту себя счастливейшим, не быв полезен жизнью, если смерть моя будет служить для блага.

— Прошу комитет исходатайствовать монаршую милость несчастным Беляевым и Дивову и унтер-офицерам.

Комиссия была довольна раскаянием Арбузова. 30 апреля «железа» были с него сняты. После этого Арбузова вызывали главным образом на очные ставки.

В краткой формулировке вины Арбузова в «Алфавите», кроме отмеченных выше обвинений, ему приписывается еще «грубый ответ» на площади царскому брату Михаилу Павловичу и недопущение к солдатам митрополита, посланного царем для увещания восставших войск.

В «Росписи государственным преступникам» Арбузов отнесен к «первому разряду, осуждаемому к смертной казни отсечением головы». Царь, желая «согласить долг правосудия с чувствами милосердия», смягчил наказание: Арбузова приговорили в каторжную работу «вечно».

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 25—34.

Лейтенант 8-го флотского экипажа Дмитрий Иринархович Завалишин — фигура яркая среди моряков-декабристов и чрезвычайно своеобразная. До настоящего времени не выяснено, был ли он принят формально в Тайное общество, как Н. А. Бестужев, А. П. Арбузов, К. П. Торсон и другие. Но в истории движения декабристов он занимает видное место.

Сам Завалишин говорил и писал в показаниях на следствии по делу декабристов, что членом общества не был, а сближался с руководителями заговора только для того, чтобы помешать осуществлению их «преступных» замыслов. Он пытался уверить комиссию, что хотел направить деятельность Тайного общества в русло сотрудничества с правительством для постепенного введения реформ.

В Записках, составленных спустя несколько десятилетий после разгрома движения, когда можно было открыто говорить о своей принадлежности к Тайному обществу, Завалишин заявляет другое. Он и здесь утверждает, что всегда был противником революционного переворота, стремился к уничтожению полицейского самодержавия мирным путем. Но рассказывает также подробно, как он создал во флоте сплоченную и сильную группу моряков, какое огромное влияние имел на дела Тайного революционного общества, как все члены последнего хотели избрать его директором, но этому противился Рылеев, боявшийся потерять свое значение, и т. п.[1].

Некоторые флотские офицеры заявляли на следствии, что Завалишин был членом Тайного общества и что принял его Рылеев. Но сам Рылеев отрицал это. В показаниях от 2 марта, от 4 мая 1826 года и других Рылеев писал, что ему казалось подозрительным поведение Завалишина, его проекты и другие представленные им документы. Когда же от Завалишина «настоятельно потребовали ответа решительного» и он снова уклонился, то Рылеев, «объявив ему, что не имеет права принять его, кончил с ним все сношения по обществу». Другие руководители Тайного общества, как Е. П. Оболенский,

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Спб., 1906, стр. 167 и др., 222.

и влиятельные члены его, как К. П. Торсон, либо тоже подозрительно относились к Завалишину и потому были с ним «весьма осторожны», «старались удаляться сколько возможно» от него, либо «почитали его за пустого человека» [1].

В «Алфавите декабристов» (1827 г.) сказано, что Завалишин «к Тайному обществу не принадлежал». Здесь имеется в виду формальная принадлежность, потому что в «Донесении» следственной комиссии, распубликованном в 1826 году, говорится, что Завалишин вместе с Арбузовым, «первенствовал» в собраниях флотских офицеров. Рядом с Арбузовым он и числится в списке «государственных преступников».

Д. И. Завалишин занимает видное место в истории общественного движения двадцатых годов XIX в. Он написал об этом движении больше, чем кто-либо другой из декабристов. Ему посвящено много специальных статей и еще больше отдельных страниц в статьях и книгах декабристов и о декабристах. Однако личность Завалишина в целом и его многочисленные писания изучены гораздо меньше, чем они заслуживают. Это обстоятельство обусловливает сплошную отрицательную оценку сочинений Завалишина, долгое время державшуюся в исторической литературе.

Лишь в самые последние годы началось изучение литературного наследства Завалишина как материала для истории движения декабристов и сибирского периода их жизни, для биографии отдельных участников движения. Выясняется также значение его произведений для истории Российско-американской компании. Теперь рассказы Завалишина-мемуариста, его политические записки введены в область научного исследования, как ценный фактический материал. Все это позволяет дать определенную оценку Завалишина в общественном движении пушкинской эпохи и значения его как человека, принимавшего деятельное участие в русской жизни на протяжении почти всего XIX в.

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 268; т. III, стр. 236 и сл., 318, 329 и сл.

Завалишин, по его заявлению, родился 25 (13) июня 1804 года в Астрахани, где отец его, генерал-майор Ир. Ив., был начальником казачьего войска.

До 12-летнего возраста мальчик рос и учился дома. Он был очень одарен и сообразителен. Семейное воспитание испортило его характер с младенчества. Ребенок едва перешел от лепета к членораздельной речи, а ему уже «твердили в семействе о каких-то предвещаниях, относящихся к какой-то блестящей будто бы будущности».

Мальчику сообщали, что его «крестили в знаменной зале, под знаменами, в присутствии архиерея, значительных лиц в городе и депутаций от разных народов: персиан, индейцев, киргизов, калмыков и пр.».

Объясняя сыну историю и географию, генерал Завалишин говорил, что ждет от него «чего-то необыкновенного» [1].

Все это серьезно пересказывает Завалишин в своих Записках, где калейдоскопически мелькают ухаживающие за ним министры, посланники, принцы, императоры, короли, сенаторы, государь, курьеры [2] не меньше, чем в рассказе Ивана Александровича Хлестакова.

В Морской корпус Завалишин был определен 2 июня 1816 года кадетом. Через пять дней двенадцатилетний мальчик произведен был в гардемарины. Пригодность Завалишина к службе на кораблях могла быть определена исключительно по его теоретическим знаниям. Физически он был очень слаб: маленький, щупленький — совсем ребенок. Но тягот корабельной жизни он не боялся, так как приобрел дома хорошую физическую закалку.

Вскоре Завалишин получил звание унтер-офицера. В 13-летнем возрасте он совершал на бриге «Феникс» переходы от Кронштадта к портам Балтийского моря, был в Стокгольме и Копенгагене.

3 марта 1819 года Завалишин произведен в мичмана. Ему не было еще пятнадцати лет. Через год он «определен к Морскому корпусу» преподавателем. Но эту должность Завалишин исправлял, еще будучи воспитан-

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 9—13.

[2] Там же, стр. 30 и сл., 66 и сл., 80 и сл., 93 и сл., 180 и др.

ником корпуса — в 1818 году. 14-летний кадет преподавал гардемаринам астрономию, высшую математику, механику, высшую теорию морского искусства, морскую тактику и пр. «Класс мой учился недостаточно сказать, что хорошо, а отлично».

Читая эту самооценку Завалишина-педагога, надо все-таки иметь в виду характеристику его преподавательской деятельности, данную начальством до 1825 года. Директор Морского корпуса адмирал П. К. Карцев так аттестовал Завалишина: «К должности прилежен и исправляет оную усердно» [1].

Воспитывая других, Завалишин сам учился всю жизнь. Для сибирского периода это засвидетельствовано его товарищами по каторге. Для рассматриваемого времени имеется только его собственное заявление: «Я слушал постоянно лекции в Медико-хирургической академии, в Горном корпусе, посещал обсерваторию, Академию художеств, библиотеки, даже заводы и мастерские, изучая производство разных ремесел и искусств». Одновременно изучал новогреческий и другие языки.

Видя непорядки в государственном управлении, Завалишин решил изменить все дело в корне. «Я пошел было уже раз во дворец, — пишет он, — чтобы потребовать прямо свидания с государем, но он уехал, а я вдруг получил в это именно время от М. П. Лазарева приглашение итти с ним в поход вокруг света на фрегате «Крейсер».

Сначала Завалишин был «в большом затруднении, на что решиться». С одной стороны, сильно хотелось итти к царю «с предложениями своими, что только органические изменения могут придать новую жизнь государству». С другой стороны, было ясно, что путешествие «представит лучшие условия для успеха задуманного дела». Кроме того, он был «незаменим» для экспедиции. К счастью, до мичмана дошли «слухи, будто сам государь сознал ошибку и намерен защищать разумные требования народов» [2].

Известная доля истины в рассказах Завалишина имеется. Офицер он был хороший и исполнительный. Со-

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 223.
[2] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 53, 63 и сл.

гласно послужному списку он был в 1824 году «от капитана Лазарева аттестован поведения благородного, в должности весьма усерден и рачителен».

Поступки Завалишина, приведшие его в верховный уголовный суд и связавшие его имя с делом декабристов, начались вскоре после ухода фрегата «Крейсер» в кругосветное плавание. Из Кронштадта вышли 24 июня 1822 года. В Копенгагене исправили недостатки, обнаруженные в море во время перехода. Задержались в попутных английских портах из-за шторма и остановились в Портсмуте. Отсюда Лазарев проехал в Лондон, взяв с собой Завалишина.

В Лондоне Завалишин «решился не медлить более, хотя бы пришлось пожертвовать всеми выгодами похода». Послал Александру I, который был тогда на Веронском конгрессе, письмо, «требуя личного свидания» [1].

Это было в октябре 1822 года. Письмо не застало государя на конгрессе. Не дождавшись в Англии ответа, Завалишин отправился на «Крейсере» дальше. В пути он тоже думал о пользах родины. В 1824 году крейсер прибыл в Калифорнию.

В Ситхе — центре управления колониями Российско-американской компании — был получен приказ царя отправить Завалишина в Россию, не выжидая конца экспедиции. Это был ответ на лондонское письмо Завалишина к императору.

Завалишину, как он рассказывает в Записках декабриста, было бы «выгоднее и спокойнее возвратиться в Россию» морем. Но «тогда уже и Сибирь и Амур входили у меня в те общие соображения, в которые входили колонии и Калифорния, — пишет он. — Я и предпочел возвратиться через Сибирь, чтобы ознакомиться с нею и в надежде, что может быть мне удастся подняться и по Амуру».

6 ноября 1824 года Завалишин прибыл в Петербург. Прямо с дороги он отправился к морскому министру. Тот «немедленно поехал с докладом к государю». Импе-

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 67; см. его же — Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1825, под командой М. П. Лазарева. «Древняя и новая Россия», 1877, № 5—7 и 9—11.

ратор сказал, что примет лейтенанта на другой день в 11 или 12 часов. С извещением о часе обещал прислать фельдъегеря.

Но 7 ноября произошло в Петербурге наводнение. Завалишин принял участие в спасении людей.

Вскоре «государь сам вспомнил» о цели приезда Завалишина и назначил комиссию из графа Мордвинова, министров просвещения и иностранных дел под председательством Аракчеева для рассмотрения предложений молодого лейтенанта.

Министр иностранных дел Нессельроде был против проектов, связанных с колониями. Аракчеев был, по словам Завалишина, ему враждебен [1].

Министр просвещения и Мордвинов просили Завалишина «вступить с ними в отношения личного знакомства». Оба высказывались за предложения Завалишина. Тем не менее в конце 1824 года Завалишину было официально объявлено, что государь находит его идеи несвоевременными.

Мордвинов предложил Завалишину представить свои записки о заокеанских колониях правлению компании через Рылеева. Познакомившись с ним, Завалишин скоро догадался о существовании Тайного общества. Заявление следователям, что он хотел только выведать состав и планы общества для сообщения правительству, — прием самооправдания. Это видно из всех его путанных и сбивчивых показаний. Но он также не хотел входить в Тайное общество рядовым участником. Этого не позволяло ему чрезмерное самолюбие.

Завалишин решил присоединить Северное общество к своему Ордену восстановления. А так как по уставу он был «великим магистром» ордена, то в пылком своем воображении видел уже себя руководителем мощной политической организации, объединяющей цвет гвардейского офицерства.

Сначала Рылеев и некоторые другие члены Тайного общества придавали значение рассказам Завалишина о силе ордена и склонны были слиться с последним. Их интересовало также предстоящее свидание Завалишина

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 81—86.

с царем. Уклончивость ответов бойкого и предприимчивого лейтенанта на вопросы о содержании его лондонского письма к императору, отказ сообщить, кто, кроме него, состоит в ордене, возбудили в руководителях Северного общества недоверие.

К «великому магистру» стали относиться подозрительно. Несмотря на это, Завалишин продолжал вертеться в кругах Тайного общества, требовал открытия ему целей последнего и его главных деятелей. Нащупав посредством наводящих разговоров нескольких членов морской ячейки общества, Завалишин старался склонить их к вступлению в орден. Для большей убедительности он выражал в интимных беседах согласие на самые решительные меры против царской семьи при введении республики. Он похвалялся, что может противопоставить реакционному правительству большие революционные силы.

В конце 1825 года Завалишин снова попытался войти в руководящий центр движения. Это ему не удалось. Тогда он заявил, что поедет в Поволжье для подготовки провинциальной организации к выступлению. Никто его не удерживал. Еще до получения в Петербурге известия о смерти царя Завалишин отправился в Казань и в Симбирск, где имел родственников. Так прошел весь декабрь.

Правительству задолго до 14 декабря 1825 года было известно много имен участников Южного и Северного тайных обществ. Первые же показания арестованных уточнили и значительно дополнили эти списки. Затем посыпались признания и разоблачения. Одни арестованные с перепугу наговорили былей и небылиц про самих себя и про всех, от кого они когда-либо слышали выражение вольномыслия. Другие называли тех, кто принял их в общество, стараясь перенести на них вину за свою беду. Третьи под влиянием провала восстания искренно хотели предотвратить дальнейшее кровопролитие. Они указывали следователям, где находятся провинциальные участники заговора, способные вызвать выступления на местах.

Имя Завалишина встречается в первый раз в протоколах следственной комиссии 26 декабря. Комиссия по-

становила арестовать его как «соучастника в обществе мятежников». На другой день Николай I утвердил это постановление. Однако приказ подписал лишь 30 декабря. Послали фельдъегеря в Казань. Оттуда он помчался в деревню. Завалишин тем временем выехал в Симбирск. Сюда он прибыл 4 января 1826 года. Раньше него приехал в Симбирск офицер, посланный из Казани для его ареста.

У заставы, по рассказу Завалишина, его ждали члены общества, чтобы предупредить о казанском офицере. Завалишин закоулками, никем не замеченный, пробрался в дом родителей декабриста В. П. Ивашева. Привел все в порядок, разобрал бумаги. Одни сжег, другие роздал на хранение в безопасных местах. Успокоил семейных. Утром 5 января Завалишин «оделся в мундир, сделал окончательные распоряжения, простился со всеми и поехал к губернатору, желая предупредить всякое действие с его стороны».

Губернатор был поражен «умом и благородством» Завалишина, благодарил его за доверие и отправил под арест. Привезенный в Петербург «великий магистр» был доставлен прямо в Зимний дворец. Здесь Завалишину был учинен допрос. В Записках он рассказывает, что допрашивал его генерал В. В. Левашев и что с ним говорил сам царь [1].

Следственное «дело» Завалишина открывается протоколом допроса, подписанным генералом А. И. Чернышевым, хотя в «описи» сказано, что это «допрос, снятый ген. Левашевым». На этом, очень кратком допросе Завалишин заявил, что из членов общества ему «известен один токмо г-н Рылеев», от которого «получил три раза предложение взойти в тайное общество». Он соглашался, но исключительно с целью узнать все и сообщить царю. Об этом он и писал государю, «намекая о причинах, побуждающих просить личного объяснения». Интересна здесь еще следующая фраза: «Дабы скрыть мое намерение и не дать подозрения, я уехал в отпуск в казанскую деревню, где и ожидал повеления его величества».

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 178 и сл., 222.

Показание Завалишина было заслушано в следственной комиссии 16 января. В протоколе заседания записано: «По высочайшему повелению Завалишин освобожден» [1].

Вместе с ответом на первый допрос Завалишин написал пространное послание на имя Николая I. Им открывается поток обширных записок, признаний и заявлений на имя царя, следственной комиссии и отдельных членов последней. Во всех этих сочинениях Завалишин старался убедить правительство, что он всегда был противником революционных замыслов и стремился служить величию родины мирным путем.

Здесь — рассуждения Завалишина о бесчисленных революционных обществах, наводнивших Западную Европу и угрожавших мирному течению жизни в России, сообщение об Ордене восстановления, посредством которого имелось в виду «очистить Россию от буйных людей», планы постановки воспитания, улучшения нравов, обличения злоупотреблений, искоренения неправосудия, проекты укрепления заокеанских колоний в целях обеспечения безопасности отечества, увеличения его материального могущества, расширения его торговых сношений, удовлетворения потребностей народа и т. п.

Все эти высказывания свидетельствуют о больших знаниях молодого лейтенанта, о выдающихся способностях Завалишина, о его сообразительности и широком политическом кругозоре. Вместе с тем они показывают, что Завалишин ввиду своей молодости совершенно растерялся после декабрьского погрома.

После освобождения Завалишин вернулся к занятиям по морскому ведомству. Он был причислен к Комитету образования флота, к Ученому комитету морского ведомства, назначен историографом флота, начальником Морского музея и модельной мастерской.

На свободе Завалишин находился до конца февраля. 2 марта следственная комиссия вновь решила допросить его. Поводом к этому было заявление мичмана Дивова, что «первая мысль о ниспровержении престола и истреб-

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 279.

лении царствующей фамилии была внушена ему и прочим офицерам Гвардейского экипажа лейтенантом Завалишиным». Кроме того, у комиссии были другие показания против него. Ген. Бенкендорф сообщил комиссии, что «Завалишин содержится у дежурного генерала и что по высочайшему соизволению уже даны ему допросные пункты» [1].

Ответ на эти пункты и последующие показания Завалишина повторяют и разнообразят его обычные заявления. Но уже в первом из них он признает, что действительно говорил в духе показаний Дивова. Однако говорил исключительно для того, чтобы легче было помешать действиям заговорщиков.

К середине марта следственная комиссия имела достаточно доказательств знания Завалишиным «преступных» замыслов заговорщиков и недонесения об этом, а также деятельного участия его в «возмутительных» разговорах, имевших характер революционной пропаганды. Однако его все еще не сажали в крепость. Его содержали в помещениях главного штаба свыше месяца. Комиссия хотела ознакомиться с письмами Завалишина к Александру I, на которые он ссылался как на доказательство своей благонамеренности в правительственном смысле.

В протоколе комиссии от 21 марта записано, что она не имеет возможности «сделать определительное заключение, виновен ли Завалишин или нет, без соображения оригинальных тех писем, на которые он ссылается; найденные в его бумагах письма: одно не дошедшее до покойного государя, а другое в копии — недостаточно его оправдывают». Поэтому комиссия просила императора приказать прислать «означенные письма в оригиналах» [2].

Николай повелел. Дибич разыскал в бумагах Александра I письмо Завалишина от 21 августа 1825 года. Оно было прислано в следственную комиссию. Последняя рассмотрела письмо в заседании 27 марта и установила, что в нем нет доказательств желания Завалишина «сделать правительству какое-либо открытие». Все содер-

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 428.
[2] Там же, стр. 429.

жание письма, «опровергая его оправдания, заставляет сильно подозревать, что намерение его не было благое, но совершенно тому противное» [1].

Не только из этого письма, из всех бумаг Завалишина, относящихся ко времени до 14 декабря 1825 года, видно, что мысли и действия его всегда были прогрессивны и направлены на служение отечеству. Он только выражал их со свойственным ему преувеличением.

В заседании 30 марта следственная комиссия постановила представить царю о необходимости ареста Завалишина. 2 апреля она получила утвердительный ответ Николая. Около трех месяцев прошло от первого до второго ареста Завалишина. Половину этого времени он был на свободе и на службе. Другую половину провел под надзором в помещении главного штаба. Пользовался относительной свободой. Мог встречаться и беседовать со знакомыми, посещал кофейню рядом с зданием штаба, читал газеты и журналы.

4 апреля Завалишин был доставлен в особый арестантский каземат № 6 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Пошли допросы, ответы, очные ставки со многими арестованными.

Завалишин опровергал показания Рылеева и Арбузова, будто он старался проникнуть в общество и вел среди морских офицеров революционную пропаганду. Все происходило совсем наоборот. Затем он признал ребяческой выдумкой свой Орден восстановления, для которого сам нарисовал всякие знаки и заказал граверам печати. «Одна ложь порождала другую и исторгала из уст моих те бесконечные разговоры, которые все стали теперь моим обвинением, — писал он в заявлении от 26 (14) мая. — Вот пред вами Дмитрий Завалишин в обнаженном виде. Пожалейте во мне юношу» [2].

Не пожалели Завалишина ни царь, ни его судьи. В сводке всех многочисленных показаний Завалишина о самом себе и других арестованных о нем ему ставились в вину самые резкие «возмутительные» речи против царя

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 429.
[2] Там же, стр. 355 и сл.

и правительства, а также утверждение о возможности устроить в России федеративную республику.

В «Алфавите» 1827 года указанные «преступления» изложены более пространно. Сообщается также, что Завалишин поручал братьям Беляевым «распространять свободомыслие, увеличивать число недовольных и давал читать книги и стихи, наполненные самыми дерзкими и гнусными клеветами на августейшую фамилию».

В «Росписи государственным преступникам» Завалишин отнесен в первый разряд «осуждаемых к смертной казни отсечением головы». Здесь говорится, что он «умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждая к тому словами и сочинениями, и принадлежал к тайному обществу с знанием сокровенной цели». В «Алфавите» сказано, что Завалишин «к тайному обществу не принадлежал, но о существовании и о цели сделать переворот в государстве знал». Николай I милостиво «даровал» ему жизнь и сослал в каторгу «вечно».

Отец декабристов — поэта Вильгельма и лейтенанта Михаила Кюхельбекеров, Карл Иванович, был товарищем А. Н. Радищева и В. Гете по Лейпцигскому университету. Он изучал право и горное дело. Был в 80-х годах XVIII в. директором города Павловск. Его дочь Устинья была замужем за профессором русского языка в Дерптском университете Г. А. Глинкой — воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей. Семья была близка к царской семье, сыновья особенно близки к великому князю Михаилу Павловичу.

В 1809 году Карл Иванович умер. Оставил семье честное имя и никакого состояния. Вдова, Устинья Яковлевна, жила бедно. Сыновей удалось благодаря связям определить в учебные заведения на казенный счет. Старшего приняли в 1811 году в Царскосельский лицей по рекомендации свойственника матери, военного министра Барклая де-Толли. Младший поступил тогда же в Морской корпус кадетом.

Дошкольное воспитание братьев Кюхельбекеров велось провинциальным помещичьим обычаем. Несмотря на

близость к придворному кругу и тесную связь со столицей, где обиходным языком в дворянских семьях был французский, а дети поручались гувернерам-иностранцам, братья росли под надзором деревенских русских женщин, впитывали с детства сердечную любовь к трудовому крестьянству, были горячими русскими патриотами.

Старший Кюхельбекер писал племяннику, Николаю Глинке: «Природный мой язык — русский; первыми моими наставниками в русской словесности были моя кормилица Марина, да няньки мои Корниловна и Татьяна». В очерках своего путешествия по Западной Европе, печатавшихся в журналах 20-х годов, он писал о встречах за границей с соотечественниками: «Мы разговаривали только и единственно о России и не можем наговориться о ней; теперешнее состояние нашего отечества, сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский бог не воотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык богатейший и сладостнейший между всеми европейскими»[1].

Братья Кюхельбекеры росли вместе, были дружны, имели одинаковый образ мыслей. С юношеских лет они были знакомы с представителями передового гвардейского офицерства, двоюродными братьями В. А. и Ф. Н. Глинками. Оба Глинки — участники патриотического Союза благоденствия — одной из основных ячеек Тайного общества декабристов.

Вильгельм Кюхельбекер учился в лицее вместе с Пушкиным. Всю жизнь его соединяла близкая дружба с великим поэтом. Он сам был незаурядным поэтом и видным журналистом. Состоял старшим преподавателем в университетском пансионе. Читал в 1821 году лекции о славянском языке и русской литературе в Париже — в Академическом обществе наук и искусств. Чтения были проникнуты духом свободомыслия настолько, что русский посол вмешался и потребовал отъезда лектора из Парижа. После этого Вильгельм Кюхельбекер служил

---

[1] В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, ред. Ю. Н. Тынянова. Л., 1939, стр. 7 и 20.

М. К. Кюхельбекер (с портрета работы Н. А. Бестужева)

на Кавказе при знаменитом А. П. Ермолове. Много печатался в 20-х годах, был дружен с крупнейшими писателями своего времени — А. С. Грибоедовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, П. А. Вяземским, В. Ф. Одоевским. Принимал деятельное участие в общественном движении 20-х годов и в восстании декабристов. Осужден в каторжную работу на 20 лет. До 1835 года содержался в арестантских ротах Свеаборгской крепости. Умер 49 лет от роду в Тобольске — в августе 1846 года.

Михаил Кюхельбекер был моложе брата двумя годами — родился в 1799 году. В Морском корпусе учился одновременно с Арбузовым, М. Бестужевым, братьями Бодиско, Вишневским, Щепиным-Ростовским и другими участниками событий 1825 года. В 1813 году произведен в гардемарины, в 1815 году — в мичмана. Крейсировал в Балтийском море. В 1819 году плавал на бриге «Новая земля» от Архангельска до Новой земли и обратно.

В феврале 1820 года М. К. Кюхельбекер произведен в лейтенанты и переведен в Гвардейский экипаж. В следующем году он отправился на шлюпе «Аполлон» в кругосветное плавание. Был на Камчатке, в колониях Российско-американской компании. Экспедиция вернулась в Кронштадт в 1824 году. Кюхельбекер был образованный моряк, дельный и знающий офицер. Отзывы начальства о его службе отличные. Обладая большой наблюдательностью, он часто рассказывал в кругу членов Тайного общества о быте и нравах населения посещенных им мест, о ловле морских зверей в заокеанских колониях и т. п.

Правление Российско-американской компании предполагало поручить М. К. Кюхельбекеру начальство над ближайшей экспедицией в колонии. Уже подбирался личный состав и лейтенант Арбузов просил Кюхельбекера зачислить его офицером на снаряжаемый корабль. Декабрьские события разрушили этот план.

Знавшие М. К. Кюхельбекера до декабря 1825 года свидетельствуют, что он обладал твердым характером, был правдив и не поступался своими убеждениями ни при каких обстоятельствах. Его готовность жертвовать собой для общего блага особенно ярко выразилась во

время ноябрьского наводнения 1824 года в Петербурге. Скромный до застенчивости, М. К. Кюхельбекер принимал самое деятельное участие в спасении жителей затопленных районов столицы. Когда бедствие миновало, он отошел в сторону, не упоминая о своей борьбе со стихией.

Еще до отправления в кругосветное плавание М. К. Кюхельбекер был принят в масонскую ложу «Избранного Михаила», в которой состояли многие морские офицеры— участники тайных обществ. В ложе он имел высокую степень магистра.

Вернувшись в Петербург, Кюхельбекер вошел в круг Северного тайного общества. Существует разногласие относительно его формальной принадлежности к Тайному обществу. Сам он, конечно, отрицал на следствии свое членство. Директора общества К. Ф. Рылеев, Е. П. Оболенский и С. П. Трубецкой также показывали на следствии, что лейтенант Кюхельбекер членом общества не был. В официальном списке преданных суду М. Кюхельбекер значится среди членов Северного общества. Но в «Алфавите» указано, что членом общества он не был и о существовании последнего не знал.

Показаниями нескольких офицеров Гвардейского экипажа установлено, что М. К. Кюхельбекер часто бывал на собраниях заговорщиков в доме Российско-американской компании. Когда Н. Бестужев, Рылеев и другие члены Северного общества приезжали в Кронштадт, чтобы выяснить настроение тамошних моряков, М. К. Кюхельбекер был с ними. Он и устроил обед для всех приехавших.

Перед самым восстанием Кюхельбекер присутствовал на нескольких совещаниях руководителей общества. В Гвардейском экипаже он пользовался большим влиянием. В день 14 декабря Кюхельбекер проявил наряду с Арбузовым энергичную деятельность. Когда командир экипажа Качалов хотел привести офицеров и матросов к присяге, лейтенант Кюхельбекер заявил, что экипаж уже присягал Константину и вторичная присяга незаконна. Он также поддержал Бестужева, когда тот позвал экипаж на площадь, и повел свою роту в стройном порядке.

На Сенатской (Петровской) площади лейтенант Кюхельбекер проявил хладнокровие и стойкость сознательного революционера. Стоя перед своей ротой и поддерживая дух матросов, он следил за общим положением на площади. Видя, что диктатор Трубецкой не явился к своему посту, М. К. Кюхельбекер подошел к Е. П. Оболенскому с вопросом:

— Кто наш начальник?

О необходимости назначить распорядителя войск на площади Кюхельбекер говорил и другим членам общества. Наконец, поручили начальство над восставшими войсками Е. П. Оболенскому. Его и раньше намечали помощником или заместителем диктатора Трубецкого. Лейтенант Кюхельбекер взял его за руку, подвел к колонне Гвардейского экипажа и объявил морякам, кто является их начальником.

Оболенский хотел было отказаться от предложенного ему звания. Но твердый, убежденный тон Кюхельбекера повлиял на него и он принял назначение. Командуя стрелковой ротой, М. К. Кюхельбекер посылал в экипаж за боевыми патронами.

Лейтенант Кюхельбекер проявил себя 14 декабря как сторонник организации и революционного порядка. Николая Павловича обеспокоило отсутствие на площади среди вызванных им войск Гвардейского экипажа. Он послал полковника Иллар. Мих. Бибикова узнать, в чем дело. Тот встретил батальон матросов выходящим с Галерной улицы на площадь и хотел подойти к ним. Бибиков был в своем флигель-адъютантском мундире. «Народ бросился на него и смял его. Вероятно, флигель-адъютант поплатился бы за свой мундир, если бы Мих. Кюхельбекер не подоспел к нему на помощь. Кюхельбекер уговорил народ, увел его за цепь, дал ему свою шинель и выпроводил в другую сторону»[1].

День подходил к концу. Восставшие войска были утомлены стоянкой на морозе в бездействии. Окружав-

---

[1] И. Д. Якушкин. 14 декабря, в сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I. М., 1931, стр. 175 и сл.

шие Николая генералы убедили его открыть огонь по «мятежникам».

Михаил Кюхельбекер ушел с площади едва ли не последним. Видя гибель дела, на которое он пошел во имя любви к отечеству, лейтенант Кюхельбекер не пытался скрыться. А. Е. Розен сообщает, что Кюхельбекер тут же на площади отдал свою саблю генералу Мартынову для передачи великому князю Михаилу Павловичу как главному начальнику Гвардейского экипажа [1].

По официальным данным М. К. Кюхельбекер с Сенатской площади сам явился к великому князю, а от него отведен в канцелярию Семеновского полка. 15 декабря его доставили в Зимний дворец. Отсюда отправили в Петропавловскую крепость с запиской императора: «Присылаемого при сем Кюхельбекера посадить в Алексеевский равелин и строжайше за ним наблюдать». Здесь Михаил Кюхельбекер просидел три недели в номере восьмом. 8 января 1826 года он был переслан в Выборгскую крепость с приказанием содержать «под строжайшим арестом». 3 июня Кюхельбекера вернули в Петропавловскую крепость и поместили в особый арестантский покой.

На допросе М. К. Кюхельбекер заявил, что 14 декабря он пошел с площади к великому князю Михаилу Павловичу, чтобы просить его прибыть к экипажу для вразумления матросов. Он и сам якобы уговаривал их вернуться в казармы, но успеха не имел.

Составленный в 1827 году для Николая первого «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ...», как уже было указано, признает, что Михаил Кюхельбекер не был членом общества. Но здесь сформулирована его вина по данным следственного дела: «14 декабря присягнуть не согласился по сомнению в действительности отречения цесаревича от престола и такое сомнение поселил в нижних чинах своей роты. На площади, встретив Оболенского, представил его экипажу как старшего начальника; посылал за боевыми патронами

---

[1] А. Е. Розен. Записки декабриста, ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1907, стр. 69.

и вместе с прочими не допустил митрополита к Гвардейскому экипажу».

Последнее обстоятельство подтверждается несколькими декабристами в их Записках. Д. И. Завалишин излагает этот эпизод подробнее других. Когда Николай послал митрополита Серафима к восставшим войскам для увещания, к нему навстречу вышел Михаил Кюхельбекер. Остановив митрополита далеко от колонны, Кюхельбекер сказал ему:

— Куда вы, ваше высокопреосвященство, и что вам нужно?

— А вот там стоят мятежники; мне бы, батюшка, надо было поговорить с ними.

— Послушайте, ваше преосвященство, — возразил Кюхельбекер. — Здесь идет дело политическое. Вы сами знаете, что в эти дела нечего вмешивать религию. Вы тут ничего не сделаете, а только раздразните людей, и, пожалуй, в вашем лице еще оскорбят и религию. Поэтому я советую вам дальше не ходить, а итти с богом домой.

— Покорнейше благодарю, батенька, ну, так я и пойду назад.

С некоторыми видоизменениями этот рассказ имеется в воспоминаниях других участников движения. Передавая эпизод с митрополитом, Завалишин, с которым М. К. Кюхельбекер в числе немногих декабристов поддерживал хорошие отношения в Сибири, пишет: «М. Кюхельбекер был человек крайне скромный и правдивый, и потому вполне можно верить его рассказу, всегда повторявшемуся в одних и тех же выражениях» [1].

В «Росписи государственным преступникам» М. К. Кюхельбекер числится в пятом разряде, присужденным к каторжной работе на десять лет с последующей ссылкой на поселение. Вина его определена так: «Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов». В порядке «милосердия» царь убавил срок каторги до восьми лет.

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Спб., 1906, стр. 197 и сл.

Братья Александр и Петр Петровичи Беляевы не были членами Тайного общества. В восстании 14 декабря 1825 года они участвовали потому, что служили в Гвардейском экипаже. Революционные биографии обоих сливаются в одну. Сходны и все другие обстоятельства их жизни.

Беляевы были погодки: Александр родился в 1803 году, Петр — в 1804. Росли и воспитывались вместе, нежно любили друг друга. Вместе учились в Морском корпусе и служили в Гвардейском экипаже. Разлучались редко и на короткий срок — когда пошлют отдельно в плавание. Вместе присутствовали на собраниях членов тайных обществ и вышли на Сенатскую площадь. В огромном большинстве показаний декабристов следственной комиссии о братьях упоминается как об одном лице: «Беляевы были, Беляевы говорили, Беляевы хотели». Вместе они и в Сибирь пошли.

Отец Беляевых, Петр Гаврилович, был в военной службе, которую начал при Екатерине II. Участвовал во многих кампаниях. Имел орден за храбрость. Был человек мужественный и честный, правду любил до фанатизма. Имел хорошее образование, приобретенное посредством чтения.

Землями и крестьянами П. Г. Беляев не владел. Выйдя в отставку при Александре I, поступил на службу к графу А. К. Разумовскому — управлял его пензенскими и тамбовскими имениями. О крестьянах заботился так же, как о графском добре. Умер в 1810 году при исполнении обязанностей, не оставив многочисленной семье никакого имущества. Вдова с двумя сыновьями и пятью дочерьми жила на пенсию в 300 рублей в год, которую граф выдавал за службу управляющего. Столько же получала от казны за службу мужа. Помещением в пензенской деревне Ершово и полным содержанием пользовалась по предложению Разумовских до конца жизни.

Эпоха отечественной войны 1812 года, проявленный народом патриотизм оказали сильное влияние на развитие братьев Беляевых. По деревням пели суворовские солдатские песни. Эти песни научили мальчиков, как заявляет старший Беляев, гордиться тем, что они — рус-

ские, члены великого народа. «Старый песенник довел нас до того, что мы на самом деле думали при появлении французов сражаться до последней капли крови».

До конца своей 82-летней жизни помнил А. П. Беляев музыку и слова одной песни:

Мы пойдем, пойдем грозою,
Опрокинем вражий стан;
Не родился тот на свете,
Кто бы русских победил [1].

В 1813 году княгиня В. С. Долгорукова, подруга сестры Беляевых по институту, пригласила ее к себе в Петербург вместе с старшим мальчиком. Там он получил правильное начальное образование.

В 1815 году Александр Беляев был принят в Морской корпус кадетом и в том же году произведен в гардемарины.

Петр Беляев поступил в Морской корпус в 1819 году, произведен в гардемарины тогда же. Учение шло обычным порядком. Школьные занятия, практические плавания, юношеские шалости, мечты о кругосветном путешествии и т. п. Были преподаватели хорошие, были слабые, любимые и нелюбимые.

Описывая в Воспоминаниях постановку учения в корпусе, отмечая его недостатки, Беляев подчеркивает: «Все же надо вспомнить, что из этой школы вышли Нахимовы, Дали, Корниловы, Новосильские, Глазенапы, Путятины, Бутаковы; все это питомцы того времени и все это — герои, краса и гордость России» [2].

В 1818 году Александр Беляев был произведен в мичмана. Он стремился попасть на службу в Архангельск, чтобы сразу по выходе из корпуса отправиться туда океаном и побывать в зарубежных странах. Княгиня Долгорукова не хотела расставаться с ним. По связям устроила зачисление Беляева в Гвардейский экипаж — «не в пример прочим». Обыкновенно моряки назначались в гвардию после строевой службы.

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 25, 31, 75 и сл.
[2] Там же, стр. 51.

Назначенный младшим офицером на придворную яхту «Церера» Александр Беляев сумел, однако, в 1819 и 1820 годах совершить на транспорте «Урал» переход из Кронштадта в Архангельск и обратно. В 1823 году он плавал на фрегате «Проворный» от Кронштадта до Исландии. В этом походе были еще офицеры Арбузов, братья Бодиско, Д. Лермантов, Миллер, Овсов. Все они участвовали в событиях 1825 года. В кают-компании только и говорили, что об уничтожении аракчеевщины, о свободах и конституциях.

Петр Беляев произведен в мичмана в 1822 году. После годичной строевой службы на кораблях Балтийского флота переведен в Гвардейский экипаж. Жил вместе с братом и другими офицерами экипажа. В политическом отношении разделял мысли всей передовой молодежи пушкинской эпохи.

В 1824 году Петр Беляев плавал на корабле «Эмгейтен» от Кронштадта до Ростока с великим князем Николаем Павловичем. В походе участвовали офицеры Гвардейского экипажа Арбузов, А. Цебриков, Тыртов, Колунчаков — все попали потом под следствие по делу декабристов.

Вернувшись из похода, П. П. Беляев почти прямо с корабля попал в известное своими страшными последствиями ноябрьское наводнение 1824 года. Вот как описывает его Александр Беляев: «Наводнение 1824 года 7-го (19-го) ноября началось в ночь с 6-го на 7-е. 6-го числа был сильный западный ветер, который затем превратился в страшную бурю, так что течение Невы остановилось и вода стала заливать берега. В вечернем приказе я был назначен дежурным по баталиону, а брат мой дежурным на императорский катер, стоявший против дворца у дворцовой набережной. Когда я шел от Калинкина моста, где мы жили, в казармы, по набережной Мойки, то едва не был сбит с ног силою урагана, так что, державшись только за перила изо всей силы, мог подвигаться. Вода уже била фонтанами из всех водосточных труб, заливая улицы, и захватывала всех пешеходов, которые должны были по воде спешить к своим домам или своим должностям.

В Неве вода поднялась уже выше набережной; ураган страшно свирепел, волнение на Неве сделалось громадным, плыть вниз по реке уже не было возможности, все несло вверх против течения. Когда против дворца показалась сенная барка, уже вполовину затопленная и люди кричали и просили помощи, государь, увидев их из окна бедствующих, послал генерал-адъютанта Бенкендорфа, который в этот день был дежурным, приказать катеру снять этих несчастных. Генерал передал приказание брату моему, командиру катера, который, сев на казачью лошадь, располагал подъехать к катеру, так как у дворца вода была выше пояса; но когда он увидел, что генерал тоже располагает направиться к катеру, то соскочил в воду и они оба по пояс в воде, страшно холодной, достигли катера и взошли в него.

Если они спаслись от смертельной простуды, то обязаны были этим, конечно, сильному нервному возбуждению и физическим усилиям при удержании катера, когда он должен был останавливаться для снятия погибавших в разных местах. Так им посчастливилось спасти несколько человек в Сальном буяне, на Петербургской стороне. Не видя уже более утопавших или бывших в опасности, они решились дать отдохнуть от чрезмерных усилий матросам и дать обсушиться как себе, так и им, потому что одежда их была так мокра, что как будто они сейчас только вытащены были из глубины. Брызги валов, беспрестанно вершинами своими поддававших в катер и обливавших людей с головы до ног, не давали возможности даже бурному ветру хоть сколько-нибудь просушить их» [1].

Декабрист Н. И. Лорер рассказывает, что в спасении бедствующих принимали участие оба брата Беляевы. В примечании к его рассказу известный историк П. И. Бартенев сообщает интересный факт, выявляющий твердость и независимость характера молодого мичмана, его командирскую зрелость. Когда катер отчалил от берега, генерал Бенкендорф «увидел опасность, какой подвергался посреди бушующих волн и стремительных порывов ветра,

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания..., стр. 136 и сл.

засуетился, вздумал указывать гребцам, как действовать, укоряя их при этом в незнании дела. Беляев, управлявший рулем и сознавая всю ответственность, на нем лежащую, сказал ему:

— Ваше превосходительство, прошу вас людей не смущать; я здесь один командующий, они одного меня должны слушать» [1].

Бенкендорф доложил государю о мужестве и распорядительности П. П. Беляева. Царь велел тут же надеть на мичмана крест ордена Владимира 4-й степени. Смущенный мичман говорил, что ничего достойного такой награды не сделал. Бенкендорф строго заметил ему:

— Не ваше дело, молодой человек, рассуждать, когда государю угодно вас наградить.

На другой день П. П. Беляев с командой матросов участвовал в общей уборке леса и домашней утвари, разнесенных наводнением по всему городу.

Александр Беляев совершил в 1824 году на фрегате «Проворный» переход от Кронштадта до Бреста и Гибралтара. Это было плавание, которое Н. А. Бестужев описал как историограф. И здесь в числе офицеров было несколько кандидатов в «государственные преступники».

Когда фрегат стоял в Гибралтаре, офицеры английского гарнизона устраивали в честь русских моряков обеды. Произносились тосты. На один пришлось отвечать Беляеву. «Краткая речь моя, — рассказывает он в Воспоминаниях, — состояла из обычных выражений благодарности за радушный прием, оказанный нам как военным, так и городским обществами англичан. Потом коснулся того, что наши народы всегда были в самых приязненных отношениях почти с тех самых пор, как первый английский корабль посетил Россию в Архангельске; что английский великий народ всегда возбуждал глубокое уважение к себе народа русского; свободные учреждения сделали его великим и мы поднимаем бокал в честь Англии!

Под окном играл оркестр музыки, и когда заиграли марш Риэго, то энтузиазм был всеобщий. В это время

---

[1] Н. И. Лорер. Записки декабриста, ред. М. В. Нечкиной. М., 1931, стр. 110 и сл.

испанской революции преследуемые испанские инсургенты жили в лодках на гибралтарском рейде. Лорд Чатам, военный губернатор, старший брат Пита, не дозволял им жить на берегу, и многие из офицеров и жителей им помогали».

Английские офицеры, как рассказывает А. П. Беляев, «очень часто заставляли повторять марш Риэго, героя, совершившего переворот в Испании и потом погибшего на виселице. Этот марш возбуждал восторг во всех англичанах, которым от души вторил и я. Тут поднимались бокалы в память бессмертного героя и свободы. К тому настроению, которое уже было в мыслях и сердце, все это еще более воспламеняло во мне любовь к свободе и готовность на всякую жертву».

Восторгаясь подвигами героев освобождения Испании, преклоняясь перед их памятью, русские моряки не забывали России. «Простояв четверо суток в Гибралтаре, — вспоминает Беляев, — мы снялись с якоря и с сожалением оставили эту южную страну, где так тепло, так приятно, так свободно дышится. Но все же наша угрюмая, холодная родина с ее неурядицей, бесправием была милее всех стран света, и даже тем более мила, чем более она тогда страдала, или, по крайней мере, таковы были мои убеждения» [1].

Осенью 1824 года Беляевы съехались в Петербурге и стали думать о совместном кругосветном путешествии. Как многие будущие декабристы, связались с Российско-американской компанией. «Мы с братом, — рассказывает А. П. Беляев, — желая обширнейшей практики, решились вступить на службу в американскую компанию, которой дана была привилегия иметь командирами своих судов офицеров императорского флота. К тому же шагистика, которая была нам не по вкусу, много усиливала нашу решимость. Мы стали хлопотать в управлении компании, и чрез рекомендацию некоторых из наших друзей, знакомых с членами управления, нам удалось достигнуть цели. Нас приняли на службу, отправляли на счет компании в колонию и там нам поручались в командование

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805—1850. Спб., 1882, стр. 127—129.

компанейские суда, которых плавание продолжалось с перерывами почти по году»[1].

В разрешении на кругосветное плавание было отказано. Беляевы оставались в Гвардейском экипаже. Последний входил в состав второй гвардейской дивизии. Ее командиром был назначен тогда великий князь Михаил Павлович. Все современники единодушно, почти в одинаковых выражениях, характеризуют его как убежденного противника науки вообще и военного искусства в частности. Он унаследовал от Павла I одну только любовь к немецкой бездушной фронтовой выправке.

Михаил Павлович говорил, что война портит армию. Ему нравились фокусы вроде того, чтобы солдаты имели на высоких головных уборах стаканы, наполненные водой, и не проливали ни капли при маршировке. «С поступлением в нашу дивизию командиром вел. князя Михаила Павловича, — пишет Беляев, — шагистика стала принимать еще большие размеры, что еще больше раздражало нас.

Частые колебания самого правительства между мерами прогрессивными и реакционными еще более усиливали желание положить конец тогдашнему порядку вещей; закрепощение крестьян, 25-летний срок солдатской службы считались и были в действительности бесчеловечными. «Полярная звезда», поэмы Рылеева: Войнаровский и Наливайко, Пушкина «Ода на свободу» были знакомы каждому. Сообщались и повторялись во всех дружеских и единомысленных кружках рассказы о различных жестокостях. Вся Россия делилась на два разряда: на властителей и рабов».

Среди моряков участились разговоры о свободе, величии и счастии отечества. «Все мечтали о республике, все представляли себе это золотое время народных собраний, где царствует пламенная любовь к отечеству, свобода, ничем и никем не ограниченная, кроме закона, полное благосостояние народа. Конечно, мы мечтали и об освобождении народов посредством могущественной России».

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста, стр. 135.

Так были братья Беляевы подготовлены к событиям 14 декабря. Когда генерал Шипов арестовал Арбузова, Кюхельбекера и других ротных командиров Гвардейского экипажа, братья Беляевы были в числе тех офицеров, которые бросились в казармы и освободили своих товарищей.

Батальон выстроился, чтобы итти на Сенатскую площадь. Появившийся в это время во дворе экипажа отставной поручик П. Г. Каховский обратился к морякам со словами:

— Можно и отложить восстание до более благоприятного времени.

Этим он, по словам А. П. Беляева, испытывал решимость офицеров. Но Беляев ответил за всех:

— Нет, лучше не откладывать, если имеются люди, могущие вести временное правление. Другого такого случая, может быть, не будет [1].

На площадь братья Беляевы пришли в строю экипажа. Ждали присоединения всей гвардии. Простояли весь день, с горечью думая о растерянности руководителей восстания, не сумевших использовать революционный подъем солдат. «Во время нашего стояния на площади,— рассказывает А. П. Беляев, — из некоторых полков приходили посланные солдаты и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам. Это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться против начальников днем, хотя присяга и их тяготила».

Разогнанные картечью царя с площади, матросы и офицеры экипажа собрались в казармах. Матросы «были приведены к присяге уже силою, как вспоминает Беляев, а для офицеров присяжный лист был разложен в одной из казарм для желающих подписаться. Помнится, что я также был из числа тех малодушных, которые не выдержали характера и подписали этот присяжный лист, в чем и сознаюсь к стыду. Многие, однакож, как я узнал впоследствии, не подписали» [2].

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания..., стр. 149, 155 и сл., 163, 169.
[2] Там же, стр.. 173—175.

Дома Беляевы стали готовиться к аресту. Между прочим они сожгли рукопись переведенной ими с французского языка книги о путешествии Лафайета в Америку. После провозглашения в 1776 году независимости Соединенных штатов богатый французский либеральный дворянин Лафайет снарядил на свой счет корабль и во главе отряда добровольцев отправился в Америку для поддержки освободительной армии. Он ездил туда три раза. Участие в борьбе за независимость Соединенных штатов создало ему большую популярность в Америке и Европе.

Во время французской революции конца XVIII в. Лафайет примыкал к прогрессивным группам и содействовал успеху буржуазного революционного движения. Имя его было очень популярно в передовых кругах русского общества начала XIX в. Книгу о путешествии Лафайета передал Беляевым для перевода Завалишин. Следственная комиссия по делу декабристов обратила внимание на интерес Беляевых к этой книге.

Утром 15 декабря Беляевы явились в экипаж. Батальон был выстроен во дворе. Затем туда въехал Кавалергардский полк. Вслед за ним прибыл великий князь Михаил Павлович. Он приказал офицерам отдать свои сабли. После этого арестованных отвели в Зимний дворец и посадили на главную гауптвахту. В их числе были братья Беляевы. Здесь они просидели до 3 января 1826 года.

Почти каждый день заходил к арестованным Михаил Павлович, говорил с ними ласково, умело вызывал в молодых мичманах чувство раскаяния. Это была тонко рассчитанная подготовка участников движения к признаниям.

Беляев в числе многих других молодых офицеров попал в ловушку. «Великодушное обращение, — пишет он в Воспоминаниях, — произвело на меня такое влияние, что я решился в мыслях своих уже не скрывать за присягой и верностью императору Константину истинных моих убеждений и если б государь Николай вздумал простить нас, прямо объявить ему, что за его великодушие не хочу его обманывать. Я вышел на площадь и побуждал к тому

солдат, узнав, что есть общество, которое имело целью ниспровергнуть неограниченное правление, а вовсе не по верности цесаревичу Константину, который был бы таким же деспотом, каким был его отец»[1].

Но к царю мичманов не позвали.

3 января 1826 года Беляевых перевели с гауптвахты в Петропавловскую крепость. Старшего брата посадили в арестантский покой № 14 Невской куртины, младшего — в арестантский покой № 22 куртины между бастионом Екатерины I и Трубецкого.

Когда мичманов повели под огромным конвоем — пешим и конным — в крепость, они рисовали себе сцены пыток, о которых наслышались в заключении. Этого не было. Но камеры привели молодых людей в ужас своею грязью. Вообще обстановка заключения была хуже всякой физической пытки.

Вскоре Беляевых стали водить на допросы. Следственная комиссия заседала в крепости. Водили туда арестованных с завязанными глазами. В ярко освещенной комнате внезапно срывали повязки. Старались действовать на психику.

Допросы Беляевым производились главным образом в связи с показаниями Д. И. Завалишина, А. П. Арбузова и В. А. Дивова. Было несколько очных ставок, преимущественно с названными моряками.

После первого краткого и формального допроса Беляевых несколько дней не вызывали в комиссию. Однажды принесли кипу бумаг с вопросными пунктами. «Когда я прочел их, — рассказывает А. П. Беляев в Воспоминаниях, — волосы поднялись на моей несчастной голове и я в эту минуту думал, что или меня поразит удар, или я сойду с ума. Уже вместо присяги Константину тут описывались разговоры наши в нашей квартире, разговоры, указывавшие на наш образ мыслей и на наши желания и стремления, в которых высказывались наши взгляды и мечтания о тех блаженных временах, когда, по примеру Греции, Рима, Франции, Америки и пр., будут на площадях кипеть народные собрания свободных,

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания..., стр. 177.

благороднейших, добродетельнейших республиканцев, где рисовались перед нашими глазами старый и новые Бруты, поражающие деспотизм. Все эти мечты в разговорах наших приведены в вопросных пунктах во всей подробности и правде, что говорил брат, Арбузов, Д. И. Завалишин. Одним словом, мы были преданы вполне.

Кто был предатель, тут не упоминалось. Требовалось признание или отрицание. Отрицание! Как отрицать то, что действительно было говорено; простое, правдивое сердце возмущалось ложью. Если мы сначала держались присяги, то это потому, что присяга была действительною причиною восстания, а как мы не были членами общества, то ничего и не знали о том, что готовило Тайное общество, а верили на слово, что с отказом от присяги всей гвардии может быть изменено правление к лучшему и только.

Вот когда наступила страшная борьба в сердце, и в то же время адские мучения. Я недоумевал, что мне делать, что отвечать! Между тем я знал, что нас только было трое действительных мечтателей; брат мой хладнокровнее относился к нашим порывам, Дивов был в другой комнате; других никого никогда у нас не было, т. е. никто никогда, кроме названных лиц, не участвовал в наших беседах за трубками и чаем. Следовательно, кто-нибудь из нашей среды объявил об наших разговорах» [1].

Александр Беляев сдался и подтвердил все. Младший брат был тверже. Получив вопросные пункты, Петр Беляев ответил на них отрицанием. Продолжал утверждать, что не хотел нарушать присяги Константину. Однажды братьев привели в помещение комиссии, оставили вдвоем.

— Неужели, брат, ты признался? — спросил младший.

— Конечно, и тебе принесли вопросные пункты, — ответил старший, — и ты видел, брат, что мы преданы самым изменническим образом, так что дни, часы наших бесед и все слова, нами говоренные, были во всей подробности показаны. И так я подумал, что если уже все

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания..., стр. 189 и сл.

А. П. Беляев (с портрета работы Н. А. Бестужева)

стало известно относительно нашего образа мыслей и стремлений, то нечего уже более запираться.

Разговор Беляевых прервал появившийся в комнате член комиссии генерал Бенкендорф, тот самый, который восхищался во время наводнения 1824 года мужеством Петра Беляева.

— Вот видите, — обратился он теперь к герою-мичману, — я сказал вам правду о признании вашего брата.

Сдался и младший Беляев после нескольких инквизиторских увещаний членов комиссии. Об одном из таких увещаний рассказывает Александр Беляев. «Однажды в утреннем допросе Чернышев грозно сказал мне:

— Если вы будете запираться и не сознаетесь во всем откровенно, ничего не скрывая, то ведь мы имеем средства заставить вас говорить!

На это я ему ответил:

— Напрасно, ваше превосходительство, вы меня стращаете. Решившись на такое опасное дело, я хорошо знал, чему подвергался, и был готов на все, следовательно, ваши угрозы на меня не подействуют. Я сказал вам, что буду показывать одну истину из того, что вам уже известно, и ничего более».

Этой тактики придерживались в дальнейшем оба брата. Из показаний братьев Беляевых остановлюсь на тех, в которых они после нескольких допросов с пристрастием и очных ставок признали свое участие в замыслах содействовать замене полицейского произвола конституционным правлением.

В первых показаниях Беляевы заявили, что их «образ мыслей состоял в одном желании свободы крестьян и законов». Под последним словом подразумевалось конституционное правление. Александр Беляев добавил к этому: «Единою пищею сделалась любовь к отечеству и свободе. Душа моя желала одного — благоденствия отечества под каким бы это правлением ни было — под республиканским или монархическим» [1].

---

[1] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 107; М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. М., 1906, стр. 286.

«Я имел образ мыслей свободной, но не вредный, — говорил А. П. Беляев на следствии, — ибо я любил мое отечество, желал законов для него, слушал многие утеснения, кои претерпевают крестьяне». Большое впечатление на Беляевых произвела записка знаменитого писателя екатерининского времени Д. И. Фонвизина «О необходимости законов» [1].

Петр Беляев заявил, что свободный образ мыслей сложился у него, помимо всего прочего, под влиянием чтения греческих и римских историков, английской конституции и сочинения знаменитого французского писателя XVI в., вольнодумца Монтеня [2].

Беляевы согласны были с теми, кто говорил о необходимости республиканского, конституционного правления. Но младший брат выражал все-таки сомнение в пригодности такого строя для России, которая «мало еще для сего образована» [3].

Старший брат признавал, что его ум, «увлеченный мечтами возвышенного человечества, склонялся к республике» [4].

После многократных отрицаний Беляевы признали, что присутствовали при разговорах участников Тайного общества о необходимости революционного переворота. Но они восставали против убийства членов царской семьи. Александр Беляев показал, что в таких случаях говорил Завалишину:

— Вы знаете мой образ мыслей и можете быть уверены, что буду действовать для истинной пользы отечества. Но должен вам сказать, что против сил моих ничего не беру на себя, что в мерах крови чьей бы то ни было я не участник, и за брата скажу то же» [5].

Однако Беляевы, «мало-помалу приучали слух свой к подобным суждениям» и молчали, когда им говорили

---

[1] М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М., 1907, стр. 275, 215.

[2] В. И. Семевский. Политические идеи..., стр. 223.

[3] Восстание декабристов, т. III, стр. 267, 327 и др.

[4] М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество..., стр. 289.

[5] Восстание декабристов, т. III, стр. 268, 323 и сл., т. II, стр. 42 и др.

о том, «как страдает народ, в каком жалком положении Россия и что надобно кому-нибудь думать о благе несчастного народа» [1].

Признавал также Александр Беляев, что они без возражений слушали разговоры о необходимости захватить царя во время его приезда во флот и вывезти всю царскую семью за границу. «Мы часто говорили о сей любимой для нас матерни» [2].

Неоднократные утверждения Завалишина, что братья Беляевы «настраивали солдат» в революционном духе, сначала отвергались. Но впоследствии Петр Беляев объяснил, как это делалось: «Например, идешь возле их, ну и говоришь так, чтобы они слышали, а они сами уж там толкуют» [3].

Александр Беляев признал, что «в мечтаниях о перевороте считали поселенные войска лучшею народною гвардиею и удобным там учредить Временное правление: ибо думали, что те войска должны быть недовольны» [4].

Старший Беляев подтвердил показание Завалишина, что он списывал приносимые последним стихи, в которых выставлялись «пороки государя». Этим, по объяснению Завалишина, имелось в виду «показать законность уничтожения монархической власти». Беляев давал эти стихи другим офицерам-морякам. Младший Беляев тоже слушал чтение Завалишиным таких стихов [5].

В стихах Завалишина были между прочим такие строки:

Я песни страшные слагаю,
Моих песней не петь рабам...
Я в первый раз взял в руки лиру,
Славянско племя, пробудись:
Услышь мой глас, вооружись.
Воспрянь от сна и ободрись,
Яви себя великим миру.

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 268, 323 и др.; т. II, стр. 42.

[2] М. В. Довнар-Запо́льский. Тайное общество декабристов, стр. 289.

[3] Восстание декабристов, т. III, стр. 288, 324, 327.

[4] Там же, стр. 323 и сл.

[5] Там же, стр. 376 и сл., 388 и сл.

Утверждения Завалишина, что оба брата согласились доставлять ему сведения о моряках-офицерах, имеющих свободный образ мыслей, Беляевы решительно и настойчиво отвергали [1].

Завалишин повторял это показание много раз.

В одном случае назвал даже фамилии семи офицеров, сведения о которых доставили ему братья Беляевы [2].

Однако фамилии этих лиц не упоминаются в «Алфавите декабристов», куда включены все прикосновенные к процессу декабристов, даже в числе оправданных.

Решительно отрицал Петр Беляев, будто он «надоедал» Завалишину вопросами о том, кто состоит в Тайном обществе и кто является наиболее значительным из руководителей.

Старший Беляев признал, что вместе с Арбузовым обсуждал и даже составлял устав Тайного общества. Однако никому об этом не сообщали и никого не приняли. Даже младшему брату он открылся в этом после долгих колебаний [3].

Замышляемое А. Беляевым и Арбузовым Тайное общество имело целью «исправление нравов, защищение невинности и гонение разврата и злости». Оно должно было состоять «из людей твердых в нравственности, вере и непорочности; распространить круг действия хотели посредством знакомства» [4].

В «Алфавите» об Александре Беляеве сказано: «Членом общества не был, о существовании и цели знал; склонялся ко введению республики, разделяя мнение о необходимости истребить царствующую фамилию. Узнав о замышляемом возмущении, решился принять в оном участие; 14 декабря внушал нижним чинам сомнение в присяге; на площади находился с экипажем, но там ни в каких возмутительных действиях не замечен».

О младшем брате «Алфавит» сообщает: «О существовании общества слышал, но ни на вступление в оное, ни на ужасные меры Завалишина не соглашался, желая

---

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 270.
[2] Там же, т. III, стр. 245, 265 и сл., 280, 325 и сл.
[3] Там же, стр. 290, 232, 279, 297 и др.
[4] Там же, т. II, стр. 27, 52.

видеть в России представительное правление. Узнав о возмущении, решился участвовать в оном. 14 декабря ходил по ротам и, отклоняя нижних чинов от присяги, возбуждал их к неповиновению. На площади был впереди, кричал «ура!» и ободрял солдат».

В «Росписи» оба Беляевы отнесены в 4-й разряд преступников, осуждаемых в 15-летнюю каторгу и потом на поселение. В порядке «милосердия» царь сбавил им три года каторги.

Мичман Гвардейского экипажа Василий Абрамович Дивов был едва ли не самый молодой из декабристов-моряков. Нет точных данных о времени его рождения. В воспоминаниях декабристов — об этом разноречия. Одни считают ему к моменту суда по делу о восстании 16, другие — 19 лет. Сторожа Петропавловской крепости называли его младенцем.

Приходится признать вторую цифру более соответствующей действительности. Дивов поступил в Морской корпус кадетом в 1816 году, через два года был гардемарином, в 1821 году произведен в мичмана. Вряд ли он мог быть офицером во флоте двенадцати лет отроду.

Дивовы происходили из древнего и знатного боярского рода. Дядя декабриста, брат его отца, был сенатором. Сестра отца была любимой фрейлиной императрицы. При дворе Николая Павловича состоял другой родственник, Н. А. Дивов, отец которого также был сенатором.

Отец декабриста был скромным советником казанской палаты уголовного суда. Должность маленькая, но прибыльная в те времена. Абрам Гаврилович, однако, этим не пользовался. Его честность засвидетельствована официальным источником. Жена А. Г. Дивова осталась после его смерти без всяких средств к жизни: «пропитывалась трудами своими и вспоможением благотворительных людей». Умер А. Г. Дивов через несколько дней после рождения сына.

Строевая служба мичмана Дивова началась в архангельском порту. В 1822 году он перешел на транспорте «Урал» из Архангельска в Кронштадт. В следующем

году определен в Гвардейский экипаж. В последний год перед восстанием Дивов жил на одной квартире с братьями Беляевыми. Это ввело его в круг заговорщиков.

Слушая речи Беляевых, приходивших к ним Завалишина и Арбузова, мичман Дивов воспламенялся энтузиазмом, выражал готовность принять участие в самых решительных революционных действиях. Одобрял «истребление всей царствующей фамилии» [1].

Иногда революционность Дивова действительно носила ребяческий характер. На одном допросе он показал, что Завалишин говорил о необходимости начать переворот с головы. К этому Завалишин будто бы добавил:

— Прекрасно придумал мой знакомый Оржинский: сделать виселицу; первым повесить государя, а там к ногам его и братьев.

«Сия адская выдумка, по словам Дивова, заставила его радостно смеяться» [2].

Завалишин отвергал это показание целиком, говорил, что он не обращал внимания на Дивова, что последнего все остерегались. Дивов настаивал на своем показании. Оно подтверждено, в фактической части, показаниями других декабристов.

В дни междуцарствия Дивов проявлял живой интерес к событиям. Он был в Зимнем дворце в момент получения Николаем известия о смерти Александра I. По приглашению великого князя прошел с ним и другими офицерами в дворцовую церковь, где все они принесли присягу императору Константину. Все слышанное и виденное во дворце Дивов немедленно передавал заговорщикам [3].

В событиях 14 декабря Дивов принимал деятельное участие. Протестовал против вторичной присяги, требовал освобождения Каховского, задержанного генералом Шиповым в казармах. Звал матросов на площадь,

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 21.
[2] Там же, т. III, стр. 327 и сл.
[3] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 166.

предлагал признать Арбузова начальником восставшего экипажа. На площади стоял впереди батальона и кричал «ура!» [1].

После разгрома восстания Дивов пошел на квартиру дяди-сенатора. Тот велел ему уйти, угрожая отвезти в Зимний дворец. Дивов ушел в казармы батальона. Утром 15 декабря был там арестован Михаилом Павловичем. Сначала сидел на главной гауптвахте Зимнего дворца. 3 января переведен в Петропавловскую крепость, содержался в разных бастионах.

На первом допросе Дивов упорно отрицал какое бы то ни было участие в заговоре. К нему применили те средства увещания, которыми А. И. Чернышев угрожал А. П. Беляеву.

Завалишин рассказывает, что на перелом в настроении Дивова подействовали увещания священника. Он уверял своим пастырским словом, что за откровенные показания царь простит всех арестованных. «Выслушав священника спокойно, — сообщает Завалишин в Записках,— офицеры отвечали ему твердо то же самое, что говорили в следственном комитете. Но по уходе его заметили, что Дивовым овладело какое-то беспокойство. Спросили, неужели он поддался на льстивые речи. Он заклинался, что ни о чем подобном не думает. Вслед затем еще больше задумывался и все ходил до утомления по комнате. При уходе плац-адъютанта Дивов вышел с ним за двери в коридор Вечером его вызвали из комнаты, и он уже более не возвращался к товарищам» [2].

Вот тогда и перевели Дивова с гауптвахты в каземат крепости. А. М. Муравьев сообщает, что «плохое обращение довело Дивова до умственного расстройства. Он

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 263, 327, 339 и сл. Г. С. Габаев. Гвардия в... 1825 г., в кн. А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 г.». М.-Л., 1926, стр. 179 и сл., 203; Донесение следственной комиссии — всеподданнейший доклад, в сб. «Государственные преступления в России в XIX в.», ред. В. Я. Богучарского, т. I. Спб., 1906, стр. 41.

[2] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. М., 1906, стр. 231—233.

повинился в том, что постоянно видит один только сон, что он закалывает императора кинжалом» [1].

О расстройстве Дивова пишут и другие декабристы. В таком виде он сделал признания, удовлетворившие царских следователей. Назвал десятки имен офицеров, морских и сухопутных. Большинство из названных сами следователи отпустили после первого допроса. «Он был единственною причиною открытия преступлений Завалишина, Беляевых и некоторых из морских офицеров», — отмечено в «Алфавите» 1827 года.

Уличающие показания Дивова имеются в делах Рылеева, Оболенского, В. Кюхельбекера, Н. Бестужева, Каховского, Арбузова, А. Бестужева, Щепина Ростовского и многих других [2].

Совсем другим был Дивов до того, как попал в руки Николая Павловича и его помощника А. И. Чернышева. «Юный, прекрасный собою, умный, образованный, — характеризует его А. П. Беляев в Воспоминаниях, — он только начинал жизнь, жадно упивался ее наслаждениями, как внезапный порыв бури в одно мгновение разбивает ее обольщения и его самого» [3].

Дивов был хорошо образованным и политически развитым молодым человеком. На следствии он показал, что «заимствовал свободный образ мыслей из сочинения Рейналя, книги Делольма, которая возбудила в нем сильное сочувствие к английской конституции, и сочинения Вейсса. Читал путешествие Лафайета. Из ненапечатанных произведений ему были известны сочинения Пушкина, Рылеева и князя Вяземского на вельмож, где воспевается свобода» [4].

---

[1] Декабрист А. М. Муравьев. Записки. Перевод и редакция С. Я. Штрайха. М., 1922, стр. 23; есть другое издание — перевод и редакция П. А. Садикова, сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.», т. I. М., 1931.

[2] Восстание декабристов, т. II и III, по указателям; Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит членам... тайных обществ... Восстание декабристов, т. VIII, по указателю.

[3] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 437.

[4] В. И. Семевский. Политические... идеи декабристов, стр. 223.

Книги, упоминаемые в показании Дивова, имели также влияние на развитие политических идей других декабристов.

Рейналь — французский историк и философ XVIII в. Его социально-политические труды написаны в духе революционного просветительства. Были распространены так же широко, как сочинения Вольтера. В них горячо проповедывалось уничтожение рабства, обсуждались вопросы о деспотизме, о свободе и пр. Были русские переводы начала XIX в.

Делольм — швейцарский публицист XVIII в. В его книге об английской конституции (на французском языке) дан сравнительный очерк государственного строя различных стран, показано преимущество народного представительства перед самовластием. Книга была широко распространена в начале XIX в.

Вейсс — швейцарский генерал и писатель XVIII в. Его сочинение о политических, философских и нравственных началах увлекало читателей блестящим стилем и оригинальностью идей. Переведено на русский язык в начале XIX в.

Известный поэт и публицист князь П. А. Вяземский — один из ближайших литературных друзей Пушкина. В двадцатых годах принадлежал к наиболее прогрессивным литературно-политическим группировкам. К тайным обществам не примкнул, но был дружен со многими участниками восстания декабристов.

Дивов имеет в виду стихотворение Вяземского «Негодование». Написанное в 1820 году, оно появилось в печати лишь в советскую эпоху [1].

Стихотворение было широко распространено в списках. Принадлежит к самым ярким образцам русской политической поэзии 20-х годов XIX в. В нем около 200 строк, из которых приведу здесь несколько.

Я правде посвятил свой пламенный восторг...
Негодование! Огонь животворящий!..
С поруганным челом бесчеловечной славы
Бесстыдство председит в собрании вельмож...

---

[1] П. А. Вяземский. Избранные стихотворения, ред. В. С. Нечаевой. М.-Л., 1935, стр. 153 и сл., 491 и сл.

Я зрел изгнанницей поруганную честь...
Но где ж отечества граждане?
Для вас отечество — дворец!
Ищу я искренних жрецов
Свободы, сильных душ кумира!..
Свобода! пылким вдохновеньем,
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал...
Одну свободу пел на языке неволи...
Здесь власть в дремоте закоснелой...
Грозит цепьми и мысли смелой...
Свобода! О младая дева!..
Ты победишь!..
Он загорится день, день торжества и казни,
День радостных надежд...
Раздастся песнь побед...

После разгрома восстания в главное жандармское управление был прислан донос, в котором указывалось, что это стихотворение Вяземского служило «катехизисом заговорщиков». Поэт сам читал свои стихи в кружках передовой молодежи. А. П. Беляев рассказывает в Воспоминаниях об одной встрече с поэтом на море, при переходе из Ревеля в Кронштадт: «Плавание было очень приятно прибавлением нашего общества петербургскими пассажирами князем Вяземским, Пущиным. Знаменитый поэт оживлял нашу кают-компанию, говорил нам много своих стихов, между которыми были и очень либеральные» [1].

Упоминаемый здесь Пущин — Мих. Ив., брат руководителя Тайного общества. По делу декабристов разжалован из офицеров в солдаты. Талантливый военный деятель, он был одним из главных участников войн 1827—1829 годов. В шинели солдата руководил боевыми операциями армии. Впоследствии ему было возвращено офицерское звание.

Интересовался Дивов сочинениями по вопросам экономической политики. В упомянутом выше показании он заявил, что читал рукописное рассуждение о тарифе.

В ответах на вопросы комиссии от 11 мая Дивов заявлял, что в собраниях офицеров-моряков велись разго-

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 153.

воры о намерении американцев «сделать и во всей Америке федеративное правление». Говорили об «освобождении крестьян, о распространении промышленности и о раздаче земель нищим».

В показании 21 мая Дивов признал, что переписывал стихи, в которых Александр I «представлен злодеем, а императорская фамилия преступною». У него была специальная тетрадь, куда вписывал «свободные сочинения». Давал списывать такие стихи другим офицерам-морякам [1].

Вынужденная следователями откровенность Дивова и «совершенное раскаяние» не облегчили его участи, даже ухудшили ее. В донесении следственной комиссии 1826 года было заявлено во всеобщее сведение, что Дивов «старался превзойти» других «в изъявлениях кровожадности» [2].

В «Росписи... преступникам» Дивов отнесен к первому разряду. Был осужден «к смертной казни отсечением головы» за то, что «умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии с возбуждением других словами и лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов».

«Милосердие» царя «даровало» Дивову жизнь, заменив отсечение головы за юношеские мечты о счастье народа вечной каторгой.

Лейтенант 2-го флотского экипажа Николай Алексеевич Чижов пришел 14 декабря на Сенатскую площадь в строю Гвардейского экипажа. Он был в то утро одним из усердных агитаторов в столичных войсковых частях.

Нет точных данных о происхождении Чижова. Имя его в воспоминаниях современников встречается редко. Сообщения носят случайный характер, иногда неверны. Он был провинциал. В Балтийский флот попал незадолго до восстания. После событий 1825 года был оторван от основной массы декабристов, успевших за 10—15 лет совместной жизни в Чите и Петровске коротко узнать друг друга.

---

[1] Восстание декабристов..., т. III, стр. 340 и сл., 378, 387.

[2] Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит... Восстание декабристов. т. VIII, стр. 78 и 90.

Н. А. Чижов родился в 1800 году. Воспитывался в Николаеве — в частном пансионе учителя Черноморского штурманского училища Голубева. В 1813 году — гардемарин, в 1818 году — мичман. Плавал в Черном море на судах гребного флота в 1813—1820 годах. Затем прослужил год в Архангельске. В 1821 году плавал на бриге «Новая земля» под начальством Ф. П. Литке от Архангельска до Новой Земли. Напечатал топографическое — частичное — описание этой обширной группы русских островов Северного Ледовитого океана. Здесь имеются интересные исторические, этнографические и другие сведения. Любопытно следующее замечание Чижова: «Новая Земля известна была русским с давнего времени и еще древние новгородцы ходили на нее за промыслами» [1].

Вернувшись из новоземельской экспедиции, Чижов был переведен на службу во второй флотский экипаж. В 1824 году произведен в лейтенанты. В кругу Тайного общества вращался все время пребывания в Кронштадте и Петербурге. Формально принят в общество за месяц до восстания.

Преданность Чижова революционному делу характеризуется его поведением в решающие декабрьские дни 1825 года. Он служил и жил в Кронштадте, но 14 декабря находился в Петербурге в рядах восставших. Утром этого дня Чижов отправился поднимать Измайловский полк. Это ему не удалось. Выходя из казарм полка, встретил направлявшихся туда руководителей общества И. И. Пущина и К. Ф. Рылеева. Узнав, что они идут в полк за тем же, уверил их в безнадежности таких попыток. Рылеев и Пущин повернули обратно.

От Измайловского полка Чижов пошел в Гвардейский экипаж. Его появление в морских казармах положило конец колебаниям большинства младших офицеров. Взволнованное сообщение Чижова о восстании Московского полка повлияло на матросов и помогло Н. А. Бестужеву вывести батальон моряков на площадь.

После разгрома восстания Чижов отправился на

[1] Н. Чижов. О Новой Земле. «Сын отечества». № 4, 1823 г., стр. 169.

квартиру своего дяди — профессора Петербургского университета Д. С. Чернова, где и был арестован 17 декабря. Этой датой помечена записка Николая I коменданту Петропавловской крепости: «Присылаемого при сем Чижова посадить особо на гауптвахту».

Арест Чижова был решен 15 или 16 декабря. В «делах» морского ведомства, относящихся к восстанию 14 декабря, имеется рапорт главного командира Кронштадтского порта морскому министру о том, что на квартире лейтенанта Чижова произведен обыск. При этом отобрана шкатулка, которая отправлена в Петербург.

В «Росписи государственных преступников» Чижов отнесен в восьмой разряд осуждаемых к лишению чинов, дворянства и к ссылке на поселение. Вина его определена так: «Принадлежал к тайному обществу с знанием цели онаго и соглашался на мятеж». Согласно справке о Чижове в «Алфавите» 1827 года цель общества заключалась в «ограничении самодержавия». Указом 10 июля 1826 года, в котором Николай «желал согласовать долг правосудия с чувством милосердия», приговор Чижову оставлен без изменения.

Братья Борис и Михаил Андреевичи Бодиско могут быть, подобно братьям Беляевым, объединены в одном очерке. Они происходили из семьи служилого дворянства, связанной с передовыми кругами русской интеллигенции.

Борис Андреевич Бодиско родился в 1800 году. Его брат Михаил — в 1803 году. Оба воспитывались в доме родителей. Дочь младшего брата М. М. Левицкая сообщает в Воспоминаниях о своем отце, что он воспитывался в орловском имении отца. Детство его старшего брата «протекло в обычной обстановке богатого барского дома, под наблюдением иностранцев, гувернеров и гувернанток» [1].

Старший Бодиско был определен в 1809 году в Морской корпус кадетом. В 1814 году он — гардемарин. Ежегодно крейсировал в Балтийском море. В 1817 году —

[1] В. С. Арсеньев и Н. М. Картавцев. Декабристы-туляки. Тула, 1926, стр. 21.

мичман с назначением в Гвардейский экипаж. В 1819 году плавал на бриге «Олимп» к берегам Англии. В 1822 году — лейтенант. В следующем году плавал к Исландии на фрегате «Проворный» с Арбузовым, А. Беляевым и другими участниками движения 20-х годов.

Младший Бодиско поступил в Морской корпус кадетом также в девятилетнем возрасте, в 1812 году. В 1817 году он — гардемарин. Ежегодно совершал обычные практические плавания в Балтийском море. В 1820 году — мичман, зачислен в Гвардейский экипаж. Вскоре назначен адъютантом к морскому министру. О плавании на «Проворном» в 1823 году сообщалось выше. В следующем году плавал на том же фрегате от Кронштадта до Бреста и Гибралтара. Этот переход совершил совместно с Н. Бестужевым и несколькими другими моряками, арестованными в 1825 году по делу о декабрьском восстании.

Во время междуцарствия оба брата посещали собрания Тайного общества. Членами общества не были и не знали о существовании его. Принимали участие в рассуждениях о происходящих событиях, высказывались против революционного выступления. В собрании 13 декабря Арбузов предложил пойти на следующий день с экипажем к сенату и требовать предъявления акта об отречении Константина от престола. Б. А. Бодиско заявил, что он считает это безумием в виду безнадежности всей затеи вообще.

Мичман Бодиско накануне выступления метался в поисках решения, как поступить. Его сестра, Шарлотта Дольст, рассказывала племяннице Левицкой, что М. А Бодиско «весь вечер волновался. Несколько раз забегал к брату Борису, но не мог сосредоточиться и усидеть». М. М. Левицкая сообщает, что вопреки сообщениям официальных источников М. А. Бодиско — по семейным сведениям — был членом Северного общества. Под влиянием речей Рылеева он рвался в действие. Но его терзала мысль, что в случае неудачи восстания он подвергает матросов жестоким истязаниям и казням[1].

---

[1] В. С. Арсеньев и Н. М. Картавцев. Декабристы-туляки. Тула, 1926, стр. 20.

Утром 14 декабря братья Бодиско были в экипаже. Когда командир Гвардейского экипажа капитан 1 ранга Качалов пытался привести батальон к присяге, старший брат сказал матросам своей роты, что он не считает себя вправе приказывать им присягать. Пусть поступят, как им велит совесть. Младший брат проявлял кипучую деятельность. Он освободил Каховского из-под ареста, убеждал солдат не присягать. Был одним из усердных помощников Арбузову по выводу матросов на площадь.

Вопреки проявленной накануне умеренности и опасениям за исход восстания Б. А. Бодиско отправился на Сенатскую площадь перед своей ротой. Весь день простоял с нею. Младший брат на площади заявил великому князю Михаилу Павловичу, что не может изменить присяге Константину. Предлагал Михаилу Павловичу уйти, когда тот пытался уговаривать матросов оставить ряды мятежников [1].

По рассказам сестры, М. А. Бодиско был 14 декабря «в крайне возбужденном состоянии, как бы не помнил себя, кричал какие-то бессвязные слова, вообще необузданно горячился» [2].

Лейтенант Б. А. Бодиско был арестован ночью 14 декабря в казармах экипажа. После краткого допроса в Зимнем дворце отвезен в Петропавловскую крепость. Запиской на имя коменданта царь велел содержать его в одиночной камере. Заключен в Алексеевский равелин. 9 января 1826 года отправлен в Ревельскую крепость. Только 5 июня возвращен в Петербург и снова содержался в особом арестантском покое.

Мичман М. А. Бодиско арестован великим князем Михаилом Павловичем утром 15 декабря в помещении экипажа. До 3 января содержался на главной городской гауптвахте. С этого числа находился в заключении в Петропавловской крепости.

Допрашивали братьев мало, так как уличающих показаний на них почти не было. В «Росписи» Б. А. Бо-

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 168 и 172.

[2] В. С. Арсеньев и Н. М. Картавцев. Декабристы-туляки. Тула, стр. 22.

диско отнесен к восьмому разряду и осужден к ссылке на поселение с лишением прав. Обвинен в том, что «лично действовал в мятеже бытностью на площади». В порядке «милосердия» Николай заменил наказание разжалованием в матросы. М. А. Бодиско помещен в пятом разряде преступников; по «Росписи» подлежал ссылке в каторжную работу на 10 лет и на поселение за то, что «лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов». Царь рассортировал весь пятый разряд иначе, чем верховный суд. Мичмана Бодиско он послал «в крепостную работу» без обозначения срока.

Четвертый сын Александра Федосеевича Бестужева, Петр, родился в 1803 году. Как и старшие братья, он был талантлив, предан идее долга, готов был пожертвовать собой для блага отечества. В 1812 году принят в Морской корпус кадетом. В мае 1817 года — гардемарин. Три года плавал на практических судах между Петербургом и Кронштадтом. Исполняя обязанности матроса, проявлял отвагу. Однажды при уборке парусов лежал на самом конце марса-рея и едва не погиб вследствие неожиданного оседания спущенной рея [1].

В феврале 1820 года Петр Бестужев надел эполеты мичмана. Ежегодно крейсировал в Балтийском море. В 1824 году плавал на фрегате «Легкий» от Кронштадта до Исландии. Старания братьев отгородить Петра от политических кружков были безуспешны. На допросе он заявил, что «свободные мысли укоренились» в нем вследствие размышлений о судьбе крестьян.

Чтение распространенных в списках стихотворений Пушкина «Деревня», «Вольность», посланий, за которые он пострадал, стихотворения Вяземского «Негодование», записки Д. И. Фонвизина «О необходимости законов», сочинения Рейналя — вызвало в Бестужеве ненависть к угнетателям народа. Сильно повлияло на него «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева [2].

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 55.

[2] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 107, 221 и сл., 616.

В Тайное общество П. А. Бестужев вступил в 1825 году. Он был тогда адъютантом главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала Ф. В. Моллера.

Служа в Кронштадте, Петр Бестужев, как в свое время брат Николай, устроил театр. Там с успехом ставились большие пьесы. Обладал он также литературным дарованием. До декабрьских событий 1825 года, по свидетельству брата Михаила, «марал немало», но в печать не отдавал [1].

Приезжая в Петербург, мичман Бестужев посещал офицеров Гвардейского экипажа. Знал о готовящемся восстании. Когда П. А. Бестужев появился за несколько дней до 14 декабря в Петербурге, братья убеждали его вернуться в Кронштадт. Указывали, что нельзя рисковать всем братьям. Необходимо сохранить матери хоть одного сына — опору старости. Он ответил, что не может лишить себя «завидной участи разделить опасности славного предприятия» [2].

Накануне восстания братья снова пытались выпроводить Петра из Петербурга. Он обещал уехать, но отправился в Гвардейский экипаж. В полночь пришел к брату Александру. Тот послал его утром в экипаж, сам отправился поднимать Московский полк. Вскоре в полк явился П. Бестужев — узнать, как идут дела. Брат поручил ему передать морякам, что московцы выходят на площадь [3].

Придя с этой вестью в экипаж и увидев брата Николая у правого фланга батальона, во главе первой роты, П. А. Бестужев занял место рядом с ним. Вместе отправились с батальоном на Сенатскую площадь. Подходя туда, встретили на Исаакиевской площади брата Александра. Он стал уговаривать младшего брата «опомниться». Но Петр Бестужев, как он показывал на следствии, «решился на все» [4].

На площади П. А. Бестужев возбуждал матросов уговорами и криками «ура!». После подавления восстания

---

[1] Бестужевы. Воспоминания. М., 1931, стр. 134 и 319.
[2] Там же, стр. 130 и сл.
[3] Восстание декабристов, т. I, стр. 447.
[4] Там же, т. I, стр. 468; т. II, стр. 86.

он отправился на квартиру брата Николая. Здесь его арестовали в 6 часов утра 15 декабря, доставили в Зимний дворец. После краткого допроса заключили по приказу царя в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Допрашивали Петра Бестужева мало. Показания других участников процесса уличали его в немногом. Кроме общих вопросов об источнике вольных мыслей, о других членах Тайного общества, о целях и задачах последнего, спрашивали о стихах Завалишина. Он признал, что списывал их, но никому не передавал. Список лежит на кронштадтской квартире, в шкатулке «с прочими рукописными безделками» [1].

В показании о целях Тайного общества П. А. Бестужев заявил, что одной из важнейших он считает сокращение 25-летнего срока службы солдат. Вину свою старался уменьшить заявлением, что первый отвел руку В. Кюхельбекера, когда тот на площади целился из пистолета в великого князя Михаила Павловича [2].

В «Росписи преступникам» П. А. Бестужев включен в последний, одиннадцатый, разряд: «Принадлежал к тайному обществу и лично действовал в мятеже». За это верховный суд приговорил его «к лишению чинов с написанием в солдаты с выслугою». Николай не распространил на него свое «милосердие», велел отослать его «в дальнейшие гарнизоны».

Лейтенант Гвардейского экипажа Николай Павлович Окулов родился в 1797 году. Происходил из большого гнезда мелкопоместных дворян Пошехонского уезда Ярославской губернии. Отец его Павел Прокофьевич владел в общем имении с другими родственниками 14 ревизскими душами. За декабристом числилось 15 душ.

Н. П. Окулов был определен в Морской корпус кадетом в 1810 году. Через два года он — гардемарин, ежегодно крейсирует между Петербургом и Кронштад-

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 379.

[2] В. И. Семевский. Политические... идеи..., стр. 580; Б. Л. Модзалевский и А. С. Сиверс. Алфавит... Восстание, т. VIII, стр. 35.

том. В 1815 году — мичман и плавает в Балтийском море, находится при Свеаборгском, при Кронштадтском портах. В 1820 году лейтенант, в 1823 году определен в Гвардейский экипаж. В 1824 году плавал на фрегате «Легкий» от Кронштадта до Исландии. В следующем году командовал придворной яхтой «Церера».

Членом Тайного общества Окулов не был, об участии его в собраниях заговорщиков нет сведений. Из показаний других обвиняемых следственная комиссия знала, что Окулов говорил о «готовности» солдат Егерского полка «на все», если их заставят принимать вторичную присягу [1].

Из следственного «дела» видно, что 14 декабря Окулов внушал матросам «сомнение на счет действительности отречения» Константина и возражал ген. Шипову, когда тот пытался привести батальон к присяге Николаю. Выразил протест против приказа Шипова об аресте лейтенанта Вишневского. Пошел во главе своей роты на Сенатскую площадь.

Арестован был Окулов 15 декабря великим князем Михаилом Павловичем. До 3 января содержался на главной гауптвахте. Затем переведен в Петропавловскую крепость.

Окулов уверял следственную комиссию, что на площадь «увлекся со своею ротою, не смея оставить ее и надеясь обратить к своей обязанности старался удержать ее в порядке» [2].

Конечно, это говорилось в целях самооправдания. Однако оно помогло. По «Росписи» Окулов отнесен в одиннадцатый разряд преступников. Вина его определена так: «Быв увлечен обманом, лично действовал в мятеже». За это суд считал нужным «лишить его чинов с написанием в солдаты с выслугою». Николай утвердил приговор.

Лейтенант Гвардейского экипажа Федор Гаврилович Вишневский принадлежал к старинному дворянству.

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 39 и сл.
[2] Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит, стр. 22; Восстание... т. II, стр. 95.

Отец декабриста Гавриил Федорович женился на представительнице старинного рода Софье Михайловне Еропкиной. Недолго пробыл в военной службе при Екатерине II и вышел в отставку с небольшим чином подпоручика. Вел праздную жизнь и, по определению биографа, «успел промотать несколько состояний». Всегда был в больших долгах. Вынужден был пойти в чиновничью службу. Переменил несколько должностей, наконец, устроился при Казанском университете. Оплачивалась его служба мало. Семья была большая — девять детей. Жили стесненно [1].

Ф. Г. Вишневский родился в 1801 году. Домашнее воспитание детей велось матерью. С. М. Вишневская, по отзыву современника, была женщина умная, образованная. Обладала педагогическим талантом. Чтобы помочь мужу прокормить семью, содержала пансион для девиц. Два пожара уничтожили его. Своих детей хорошо подготовила к школьному учению.

Дед устроил Федю в Можайский кадетский (армейский) корпус. Но мальчик тотчас был переведен в Морской корпус — в 1811 году. В 1813 году он гардемарин, в 1816 — мичман и прямо назначен в Гвардейский экипаж. Два брата его остались мелкими гражданскими чиновниками. В 1819 году Ф. Г. Вишневский совершил заграничное плавание — к берегам Франции. Был в Гавре, вернулся в Кронштадт через Данциг.

В 1821 году Вишневский — лейтенант. В 1822—1825 годах совершил на фрегате «Крейсер» под командой М. П. Лазарева кругосветное путешествие. Товарищ его по этому плаванию Д. И. Завалишин дает плохую оценку его качествам как моряка. Так же отрицательно относился якобы к нему Лазарев [2].

Если этот рассказ не сплошь выдуман, то он чрезмерно преувеличен, как и многое другое в писаниях Завалишина. За отличную службу в походе 1822—1825 годах Вишневский награжден орденом.

---

[1] Е. Н. Щепкина. Помещичье хозяйство декабристов. «Былое», 1925, № 3 (31), стр. 15 и сл.

[2] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. М., 1906, стр. 58.

Членом Тайного общества Вишневский не был. С участниками движения встречался по службе, в товарищеских собраниях. 14 декабря действовал как убежденный участник заговора. Сам отказался от присяги Николаю и убеждал матросов своей роты держаться прежней присяги.

Когда генерал Шипов ввиду неудачи капитана Качалова стал доказывать батальону необходимость присяги, Вишневский выступил с решительным протестом.

— Мы не видим отречения императора, — сказал он, — и потому считаем своим долгом сохранять свою присягу Константину.

Генерал Шипов объяснил, что государь не может каждому полку в захолустье давать знать о своем отречении. Вишневский, как передает А. П. Беляев в Воспоминаниях, продолжал спор:

— Вы, генерал, забываете, что мы его гвардия, а потому имеем право ожидать разрешения данной ему присяги только от него самого [1].

Это выступление лейтенанта Вишневского было одним из главных пунктов обвинения против него. В «Алфавите» указывается по этому поводу, что Вишневский «даже осмелился потребовать оригинальный акт отречения».

Выводя свою роту с батальоном на площадь, Вишневский приказал фельдфебелю взять боевые патроны. Это не было исполнено. На площади стоял в бездеятельности, ожидая распоряжений со стороны руководителей восстания. Ушел с площади вместе с экипажем, когда увидел, что дело проиграно.

Арестован был Вишневский в ночь с 14 на 15 декабря и доставлен в Зимний дворец. После первого допроса отправлен утром в крепость с запиской царя: «Содержать под арестом в крепости на гауптвахте, не давая сообщаться с другими». Немедленно вслед за первой запиской Николай послал коменданту крепости вторую с приказанием посадить Вишневского в Алексеевский равелин. Сообщая Константину Павловичу в Варшаву

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 167 и сл.

о своей деятельности по допросу арестованных офицеров, Николай писал: «Показания Вишневского довольно любопытны» [1].

После этого Вишневского долго не допрашивали.

8 января в полночь он был увезен в Ревельскую крепость и лишь 5 июня возвращен в Петропавловскую крепость. В вину ему ставилось все указанное выше. Смягчающим обстоятельством послужило не опровергнутое никем заявление, что на площади он «старался удерживать нижних чинов в порядке».

В «Росписи» Вишневский отнесен к одиннадцатому разряду: «Быв увлечен обманом, лично действовал в мятеже». Николай утвердил приговор суда — «лишить чинов с написанием в солдаты с выслугою». Царь только добавил: «распределив в дальнейшие гарнизоны».

Лейтенант Гвардейского экипажа Епафродит Степанович Мусин-Пушкин принадлежал к одному из древнейших русских боярских родов. Эти бояре вели свое происхождение от Радши, которого считали своим родоначальником Шереметевы, Романовы, Пушкины (в их числе великий поэт), Пущины (среди них выдающиеся деятели флота, декабристы), Муравьевы и Муравьевы-Апостолы.

Одна ветвь Мусиных-Пушкиных шла вверх по придворно-административной линии, расширяла свои владения, пользовалась всякими почестями и графским титулом. Она же выделила нескольких замечательных деятелей культуры и науки. Другая ветвь оставалась в рядах мелкопоместного служилого несановного дворянства. Эти Мусины-Пушкины постепенно переходили на положение разночинцев.

Сестра декабриста Ольга была замужем за тверским помещиком штабс-капитаном Масловым, за которым числилось имение в 20 ревизских душ. Брат декабриста Степан Степанович был моложе его на год или два. Служил во флоте, в 1820 году уволен из службы с чином капитан-лейтенанта. Его дальнейшему продвижению

---

[1] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи, ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1926, стр. 180.

по службе помешала женитьба на дочери кронштадтского матроса Тимофея Горюнова. В его доме Ек. Тим. Мусин-Пушкина жила после смерти мужа в 1826 году с 6-летним сыном Степаном.

Отец декабриста, Степан Аггеевич, был человек предприимчивый. В конце XVIII в. он был отставным прапорщиком Преображенского полка. Владел в Новгородской губернии семью крестьянами. Видя, что ему не прокормиться трудами этих подданных, он перебрался с ними в Мензелинский уезд Уфимской губернии. Вскоре у него оказалось там имение с населением свыше 50 ревизских душ да за женой числилось свыше 120 душ. После смерти отца будущий декабрист получил в 1815 году на свою долю около 60 ревизских душ.

Е. С. Мусин-Пушкин родился в 1791 году. В 1804 году был принят в Морской корпус кадетом, а в 1808 году произведен в гардемарины. Практическое плавание совершал на каюерской лодке от Свеаборга до Аландских островов. В 1811 году — мичман. Через два года переведен в Гвардейский экипаж. В 1815 году совершил с экипажем сухопутный поход от Петербурга до Вильно и обратно. Через год произведен в лейтенанты. В 1819 году плавал на фрегате «Гектор» от Кронштадта до Гавра.

В 1820 году Мусин-Пушкин вступил в масонскую ложу «Орла российского». Участвовал в плавании до Бреста и Гибралтара на фрегате «Проворный» в 1824 году с Н. А. Бестужевым и другими членами Тайного общества. Формально в обществе не состоял, но был убежден в необходимости использовать создавшееся междуцарствием положение для уничтожения аракчеевщины и крепостничества.

Принимал Мусин-Пушкин деятельное участие в совещаниях членов Тайного общества 13 декабря у лейтенанта Арбузова. 14 декабря «внушал своей роте соблюдать верность клятвы, данной цесаревичу» Константину. Во главе своей роты вышел на площадь, где простоял весь день. Вместе с М. Кюхельбекером не допускал митрополита к батальону для увещания матросов. Вернулся в казармы Гвардейского экипажа со своей ротой

Когда матросов приводили после разгрома восстания к присяге, убеждал их не делать этого.

Арестован был Мусин-Пушкин лично Михаилом Павловичем 15 декабря в помещении экипажа. До 3 января содержался на главной гауптвахте, а затем переведен в Петропавловскую крепость. В «Росписи» числится по одиннадцатому разряду: «Быв увлечен обманом, лично действовал в мятеже». Царь утвердил приговор о написании в солдаты с добавлением о дальних гарнизонах.

Привлеченный к следствию по делу декабристов мичман Феопемпт Степанович Лутковский принадлежал к семье, давшей российскому флоту нескольких офицеров. Родился в 1803 году. В 1816 году поступил в Морской корпус кадетом. В следующем году — гардемарин.

В 14-летнем возрасте Лутковский отправился в кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка». Начальник экспедиции, знаменитый В. М. Головнин был женат на его сестре. Плавание продолжалось свыше двух лет. По возвращении из путешествия Лутковский произведен в мичмана (1819 г.). В 1821—1824 году совершил второе кругосветное путешествие на шлюпе «Аполлон» совместно с М. К. Кюхельбекером.

По возвращении из второго плавания Лутковский был назначен состоять для особых поручений при генерал-интенданте флота В. М. Головнине. В этой должности он приобрел практику в судостроительном деле, к которому мог применить свой большой практический опыт.

Из показаний арестованных моряков следственной комиссии стало известно, что Лутковский встречался с членами Тайного общества, «присутствовал при общих разговорах, где изъявляли желание революции и республиканского правления». Слушал предложения Завалишина: «Если начинать революцию, то с императорской фамилии, для верного успеха». Бывал на собраниях заговорщиков у Арбузова [1].

Одни декабристы заявляли на допросах, что Лутковский «имел свободный образ мыслей», другие старались

---

[1] Восстание декабристов..., т. II, стр. 35.

выгородить его. Говорили, что он, «кроме пустых разговоров, никаких более не имел», что он «ветрен и мало занят свободомыслием». Это облегчило его участь.

Попытки привлечь Лутковского к процессу остались безуспешными. Когда ему предъявляли уличающие показания, он отвергал их, требовал очных ставок. Так и выпутался. Его даже в «Роспись преступникам» не включили. Много помогли ему заявления Завалишина. Они были дружны. Вернувшись из Америки, Завалишин привлек Лутковского к разработке доклада царю о положении заокеанских колоний. На следствии Завалишин заявлял: «Лутковский и судил свободно о правительстве» потому, что «нашедши всех с свободным образом мыслей, должен был приноровляться к оному, но сей образ мыслей не свойствен ему» [1].

Следственная комиссия предложила перевести Лутковского на службу в Черноморский флот. Николай Павлович согласовал «долг правосудия с царским милосердием»: произвел Лутковского 1 января 1826 года в лейтенанты и послал его на Черное море под специальный надзор командующего флотом вице-адмирала А. С. Грейга.

Несколько братьев Лутковского были моряками. Нил Степанович (1790—1836) — адмирал. Петр Степанович (1800—1882) — был дружен с декабристом-писателем А. А. Бестужевым и другими членами Тайного общества. А. Бестужев посвятил ему напечатанный в 1831 году в «Московском телеграфе» рассказ «Страшное гаданье». С тем же посвящением, с полным обозначением имени, отчества и фамилии, рассказ перепечатывался в собраниях сочинений Бестужева. И это не вредило служебному продвижению П. С. Лутковского. В 1845 году он — капитан 1 ранга, в 1867 году — полный адмирал.

Но, повидимому, не без связи с событиями 1825 года П. С. Лутковский был переведен на службу в Сибирь. В 1827 году он был начальником Иркутского адмирал-

---

[1] Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит членам злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденной 17 декабря 1825 г. следственною комиссиею. Восстание декабристов..., т. VIII. Л., 1925, стр. 119.

тейства. Не побоялся притти на свидание с Д. И. Завалишиным, которого провозили через Иркутск в цепях на каторгу [1].

Еще один брат Ф. С. Лутковского, Ардальон, моряк. В 1807 году он — кадет; был с В. М. Головниным в 1817—1819 годах в кругосветном плавании; умер в 1821 году.

Мичман 7-го флотского экипажа Алексей Михайлович Иванчин-Писарев — сын бронницкого (Московской губернии) исправника. Год рождения его неизвестен. В Морской корпус кадетом принят в 1818 году. Судя по этому и сопоставляя с данными такого рода о других привлеченных к следствию по делу декабристов, а также с некоторыми фактами его биографии, можно считать, что он родился в 1803—1804 году. В 1819 году — мичман. В 1824 году — командир яхты у финляндской гаможни.

В Тайном обществе Иванчин-Писарев не состоял. С участниками его встречался и вел беседы на политические темы. В. А. Дивов показывал, что в Кронштадте у него часто бывал Иванчин-Писарев, с которым он «говорил свободно». Когда Дивов «осуждал что-либо из действий правительства», тот «соглашался с свободным образом мыслей и также говорил иногда против правительства». А. П. Беляев считал на своей душе «грех, что Писарев несчастлив», потому что своими разговорами имел влияние на него [2].

Николай Павлович «повелел перевести» Писарева на службу в Архангельск с тем, чтобы он «там состоял под бдительным надзором начальства».

Счастливая случайность спасла талантливого деятеля русскому флоту и русской науке в лице лейтенанта Владимира Павловича Романова. Многие моряки-офицеры, не бывшие членами Тайного общества, поплатились за

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Спб., 1906, стр. 258.

[2] Восстание декабристов..., т. III, стр. 323, 326; Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит..., стр. 149 и сл.

мечты о замене полицейского самовластия конституционным строем больше, чем Романов, формально присоединенный к заговору.

В. П. Романов родился в 1796 году. Поступил в Морской корпус кадетом в конце мая 1811 года. Через десять дней — гардемарин, в 1814 году — мичман. Практические плавания совершал в Балтийском море. В 1817 году совершил на фрегате «Поллукс» переход от Кронштадта до Копенгагена.

Через год Романов — лейтенант. В конце июля 1818 года он вышел на фрегате «Проворный» в составе эскадры из трех кораблей из Кронштадта в Кадикс (Испания). Во время плавания Романов проявил отвагу и мужество На Кадикском рейде он спас от потопления шесть испанцев, на Копенгагенском — пять датчан. По возвращении в Кронштадт в мае 1819 года награжден орденом.

Свое путешествие в Испанию Романов описал в очерке, напечатанном в журнале «Отечественные записки». Кроме интересного, легко читаемого описания всего виденного автором, здесь любопытно замечание о том, что очерк посвящен Испании, «которая теперь обратила на себя взоры Вселенной». В этих словах — намек на испанскую революцию, привлекавшую к себе внимание декабристов, игравшую видную роль в их планах и агитации.

В примечании к очерку Романова редакция журнала сообщала, что автор идет на корабле Российско-американской компании «Кутузов» в кругосветное путешествие. Он посетит Америку, и редакция ждет от него такого же интересного очерка, как описание похода в Испанию Это путешествие было совершено в 1820—1824 годах [1].

Лейтенант Романов обладал хорошей научной подготовкой, большой любознательностью, был проникнут желанием вывести родину на первое место в соревновании человечества во всех областях культурного строительства. Он объездил заокеанские колонии, внимательно изучил их состояние и нужды, ознакомился с географическим по-

[1] В. П. Романов. Отрывок из походных записок в Испанию, 1818 года. «Отечественные записки», ч. II. Спб, 1820, стр. 27 и сл.

ложением прилегающих к ним земель, с жизнью и бытом населяющих их народов.

Результатом этого всестороннего исследования явилось несколько докладов Романова начальнику Морского штаба. О напечатании их автор не думал. Н. А. Бестужев, ознакомившись с докладами Романова, убедил его опубликовать их, отредактировал его труд в литературном отношении. Таким образом появилось в печати несколько очерков, имеющих научно-историческое значение и представлявших большой интерес в географическом и этнографическом отношении. Три из них были напечатаны в 1825 году, два появились в печати несколько лет спустя.

В «Предначертании путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудсонова залива» Романов пишет: «Россия в продолжение последнего двудесятилетия сделала важные открытия по части географии. Но остался нерешенным вопрос, существует ли на Севере проход из Восточного океана в Западный, т. е. от Берингова пролива к Гудзонову заливу и проливу... Любовь к наукам и пламенное желание пользы и славы отечества заставили меня во время путешествия вокруг света собрать сведения относительно стран и народов, подвластных России в Америке. Вследствие таковых с моей стороны разысканий представились мне средства и удобства для совершения экспедиции, которая по сухому пути могла бы из нашей Америки достигнуть Ледовитого моря и Гудсонова залива и послужить к величайшему распространению географических познаний и торговых выгод отечества нашего».

В примечании к заглавию очерка издатель «Телеграфа» известный журналист Н. А. Полевой «усердно» благодарит «сочинителя за доставление сей любопытной и важной статьи». Автор обещал журналу «и другие, столь же любопытные и важные сочинения, которые» издатель «считает подарком просвещенным читателям».

Свою статью Романов заканчивает заявлением о готовности совершить новое путешествие для дальнейших изысканий. В примечании к этим строкам Полевой пишет, что Романов представил доклад об этом путешествии

«начальнику Морского штаба, а Российско-американская компания приняла на себя выполнение оного». «Таким образом, — подчеркивает Полевой, — благородное стремление Романова может быть сделает нас счастливыми участниками славы» [1].

Начальнику морского штаба В. П. Романов представил два проекта. Первый — «Мысли о путешествии, которое можно предпринять от реки Медной по сухому пути до Ледовитого океана и до Гудсонова залива» [2]. Второй — проект описания Ледовитого мыса к востоку с расчетом, чтобы русская экспедиция могла соединиться с предполагаемой английской экспедицией Франклина. «Ежели мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии, — пишет Романов во втором проекте, — то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства».

Этот проект вице-адмирал Моллер передал Российско-американской компании. Правитель дел последней К. Ф. Рылеев представил по поводу предложения В. П. Романова свои соображения. Осуществлением проекта по убеждению поэта и руководителя Северного тайного общества «принесется компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзоновскою компаниею, а может быть, еще откроется новая ветвь промышленности». При этом Рылеев обещал устроить назначение В. П. Романова начальником намечаемой экспедиции [3].

Романов стал часто бывать у директоров компании. Вскоре у него завязались близкие отношения с Рылеевым и другими руководителями Тайного общества. Рылееву не пришлось затрачивать усилий и красноречия, чтобы сначала вызвать сочувствие Романова идеям Тайного общества, а затем присоединить талантливого лейтенанта к заговору.

---

[1] «Московский телеграф», ч. 5-я, 1825, № 18, стр. 89 и сл.
[2] «Северный архив». ч. XVII, 1825, № 18, стр. 129 и сл.
[3] С. Б. Окунь. Российско-американская компания. Ред. и предисл. акад. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1939, стр. 102—106.

Как помещик Херсонской губернии, где находилось также имение родителей его жены, Романов был связан с югом России. Поэтому Рылеев возлагал большие надежды на Романова в смысле распространения на юге идей Северного общества. Он сообщил ему о существовании Южного общества, о взаимоотношениях между обоими центрами революционной организации. В переговорах с Романовым по этому поводу принимал участие Н. А. Бестужев.

В конце 1825 года Романов поехал на юг. Рылеев дал ему поручения в Киев. В делах следственной комиссии нет указаний на то, что Романов выполнил поручения Рылеева. На допросах он утверждал, что ничего не делал по этому поводу, так как сидел все время в деревне. 30 декабря следственная комиссия сделала постановление об аресте Романова. Военный министр сообщил об этом херсонскому губернатору, предложив ему доставить Романова прямо к царю. Губернатор командировал в Александрийский уезд чиновника своей канцелярии с полицейским жандармом. Вместе с тем он поручил исправнику «взять Романова под караул, опечатать все его бумаги и, не рассматривая содержания оных», передать Романова и бумаги чиновнику.

Поручение не могло быть исполнено, так как Романов был в отъезде, в Полтавской губернии. Интересно, что спустя две недели после постановления комиссии об аресте лейтенанта Романова он был уволен от службы. Приказ об отставке был, конечно, подписан царем, который еще до того утвердил решение комиссии об аресте. И тем не менее Романов был уволен в отставку с повышением в чине — капитан-лейтенантом.

За именем тещи Романова, «полковницы» Коншиной, в Александрийском уезде был установлен надзор. Романов появился там 7 января, и был немедленно арестован. Все бумаги его опечатали и сдали вместе с ним чиновнику «для доставления в Петербург к его императорскому величеству» [1].

[1] В. Стратен и Е. Трифильев. До материалов про декабристов, в сб. «Рух декабристов на Украини», Харьків, 1926, стр. 79—85.

Утром 28 января Романова привезли в Петербург, посадили на главную гауптвахту, а затем доставили к царю «без промедления». В 1 час пополудни его перевели в Петропавловскую крепость. Повидимому, Николай был удовлетворен ответами своего однофамильца, хотя Романов ни в чем не сознавался. В крепость его послали при следующей записке императора: «Присылаемого Романова посадить по усмотрению и содержать хорошо». Комендант посадил его в арестантский покой № 23 Трубецкого бастиона.

В крепости Романов сидел свыше шести месяцев. На допросы его водили редко. Сначала он отрицал всякое касательство к Тайному обществу. На очной ставке с Рылеевым признал свои сношения с ним, но заявил, что не вел никакой агитации в духе идей Тайного общества.

Серьезных улик против Романова не было. В бумагах его ничего предосудительного с точки зрения правительства не нашли. Но можно предполагать, что кое-что в них было.

Сын Романова Вадим, родившийся в 1841 году, был моряк. В 1864 году он вышел в отставку с чином лейтенанта. Служил чиновником в почтовом и других ведомствах. Принимал близкое участие в создании Добровольного флота (1878 г.). Он был писателем. Печатал очерки и рассказы, преимущественно консервативного направления.

После смерти В. В. Романова была напечатана его незаконченная повесть «Сестра декабриста»[1]. Написана она в духе большинства произведений В. В. Романова. В ней, по характеристике исследователя, «много сказочного и елейного», видна «стилизация декабрьского движения во вкусе мундирных судей 14 декабря, лишь сменивших чувства страха и ненависти к бунтовщикам обывательским коленопреклонением перед помазанником божим»[2].

Характеристика повести в художественном отношении дана исследователем правильно. Сочинение В. В. Рома-

---

[1] «Русский Вестник», 1893, № 10, стр. 150 и сл.

[2] Н. Л. Бродский. Декабристы в русской художественной литературе. «Каторга и ссылка», 1925, № 8 (21), стр. 215.

нова отнесено им в разряд произведений, в которых «напрасно искать поэтической портретности». И это верно. Но фактическая портретность в повести «Сестра декабриста» имеется. Это подтверждается архивными материалами, опубликованными после появления в печати работы Н. Л. Бродского.

Все подробности биографии героя повести — декабриста капитан-лейтенанта Владимира Павловича Р. документально совпадают с фактами из жизни В. П. Романова до его ареста. С этой стороны изложение автора, повидимому, основано на рассказах его отца. Повесть дает также ответ на интересующий нас вопрос о бумагах В. П. Романова. Узнав во-время о предстоящем аресте капитан-лейтенанта, сестра декабриста решает спасти его. Она проявляет энергию вполне в духе знаменитых жен декабристов М. Н. Волконской, Е. И. Трубецкой, А. Г. Муравьевой. Приезжает на юг и появляется в деревне, где живет брат, раньше офицера, посланного для его ареста. Капитан-лейтенант находится в отъезде. Сестра декабриста идет в его комнату. При содействии преданных слуг отпирает стол, находит бумаги, быстро просматривает их, выбирает опасные. Главные улики против декабриста уничтожены.

К сожалению, нет данных, подтверждающих эту часть рассказа В. В. Романова. Но имея в виду отмеченную выше фактичность повести, а также подробности интересующей нас части, можно считать, что и последняя соответствует действительности. В числе главных улик, забранных сестрой декабриста, имеются «письма от дружески преданных Бестужева и Рылеева». Из документов следственной комиссии мы знаем, что именно с этими руководителями Тайного общества В. П. Романов был близок. На допросах, кроме упомянутых выше показаний, он сообщил самые безобидные для других арестованных сведения. Рассказал, что Н. А. Бестужев отдавал бразильской конституции преимущество перед английской [1].

По докладу комиссии царь велел выдержать Рома-

---

[1] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 250.

П. П. Беляев (с портрета работы Н. А. Бестужева)

нова еще три месяца в крепости, а затем отправить на службу в Черноморский флот. Велено было доносить ежемесячно о его поведении.

Моряком был младший брат В. П. Романова Василий. Он родился в 1799 году. Был определен в Морской корпус кадетом одновременно с старшим братом. Звание мичмана получил в 1815 году, лейтенанта — в 1820 году. Из капитанов 1 ранга был в 1849 году переименован в генерал-майоры и назначен членом кораблестроительного департамента морского министерства. Умер в 1874 году. К делам Тайного общества никакого отношения не имел.

Лейтенант Василий Абрамович Шпейер родился в 1802 году. Отец его — петербургский чиновник небольшого ранга. В Морской корпус В. А. поступил кадетом в 1814 году. В 1819 году — мичман. В 1823 году переведен в Гвардейский экипаж. В 1824 году совершил на «Проворном» плавание от Кронштадта до Бреста и Гибралтара с Н. А. Бестужевым и другими членами Тайного общества. От последнего был в стороне, в совещаниях не участвовал. Близость с офицерами-заговорщиками сказалась на его поведении 14 декабря. На допросах заявил, будто искренно поверил Н. А. Бестужеву, что Константин от престола не отказывался и что объявление об этом — обман.

— Если действительно это обман, то и я не присягну.

Когда же Бестужев повел батальон на площадь, то Шпейер сначала будто бы «удерживал оный», уговаривал повиноваться начальству. А потом «последовал с прочими офицерами на площадь, где и оставался, полагая исполнить сим долг свой, не отходя от команды».

Обвиняли Шпейера в том, что он удерживал в строю мятежников унтер-офицера Хорошилова, который, «вняв убеждениям» Михаила Павловича, хотел оставить батальон. Лейтенант показал, что сделал это из опасения, что Хорошилова убьют, когда он уйдет из строя.

Шпейера арестовали утром 15 декабря при батальоне. Почему-то, однако, он числился с 16 декабря до 3 января «на карауле Семеновского госпиталя». С ука-

занного числа он содержался в Петропавловской крепости, а 15 февраля отправлен в Кронштадт — на морской пикет. Туда ему и посылали допросные пункты.

Николай Павлович решил, что юноша не опасен: вольные мысли выбиты из его головы совершенно. На всякий случай велел выдержать его под арестом еще шесть месяцев в Кронштадтской крепости и выписать на службу во флот.

Мичман Гвардейского экипажа Валериан Михайлович Тыртов происходил из старинной дворянской семьи. В Морской корпус поступил кадетом в 1815 году, через пять лет — мичман. С 1823 года Тыртов служил в Гвардейском экипаже. В 1824 году он плавал на «Эмгейтене» в Росток с великим князем Николаем Павловичем.

В Тайном обществе Тыртов не состоял, на собраниях заговорщиков не присутствовал. Никто на него — по нерешительности его характера — и не смотрел как на деятельного участника восстания. Но когда Н. А. Бестужев утром 14 декабря сказал в группе офицеров экипажа, что следовало бы съездить выяснить настроение в Измайловском полку, Тыртов вызвался на разведку. В казармы полка он не сумел проникнуть — отваги не хватило. Все-таки Тыртову не хотелось возвращаться в экипаж без сообщения. Он заехал к приятелю — измайловскому офицеру. Тот испуганно сидел дома — ничего не знал. Только показал Тыртову письмо другого офицера, такого же молодого, как они, но более их понимавшего смысл происходившего. Письмо измайловца было к отцу. Он писал, что, может быть, с отцом больше не увидится, но просит не огорчаться, так как погибнет за отечество.

С этими сведениями Тыртов вернулся в экипаж. Свое поведение он объяснил в следственной комиссии тем, что, «видя всех в каком-то восторге, немного и сам было воспламенился». Но когда батальон собрался на площадь, то он ушел со двора и среди мятежников не был. Другие офицеры экипажа подтвердили, что Тыртова на площади не было и что он не знал о намерениях восставших. Царь велел послать его на службу в Каспийскую ластовую роту и иметь за ним «бдительный надзор».

Лейтенант Гвардейского экипажа Дмитрий Николаевич Лермантов 2-й приходился близким родственником великому поэту. В их семье было несколько видных деятелей военно-учебного и артиллерийского ведомств. Старший брат Михаил Николаевич был капитан-лейтенантом Гвардейского экипажа.

Д. Н. Лермантов родился в 1802 году. 12 лет поступил в Морской корпус кадетом. В 1817 году совершил плавание от Кронштадта до Кале, во Францию. 16 лет — он мичман и в следующем году переведен в Гвардейский экипаж.

В 1823 году Д. Н. Лермантов произведен в лейтенанты и на фрегате «Проворный» совершил вместе с другими членами Тайного общества переход от Кронштадта до Исландии. В следующем году плавал на «Проворном» до Бреста и Гибралтара вместе с Н. А. Бестужевым.

В Тайном обществе Д. Н. Лермантов не состоял. Утренняя тревога 14 декабря застала его в экипаже. Он обходил офицеров экипажа, передавал им слухи о волнениях в других частях гвардии, говорил, что какой-то генерал подъезжал к казармам и предлагал не присягать.

Когда Н. А. Бестужев повел батальон на Сенатскую площадь, Д. Н. Лермантов пошел туда во главе своей роты. На следствии объяснял, что «считал своей обязанностью находиться при команде, но вскоре ушел с площади и явился к свому командиру».

Арестованный 15 декабря утром в помещении экипажа, Лермантов был отправлен «по болезни» в Семеновский госпиталь. Здесь он содержался под арестом до середины февраля 1826 года. Допрашивали его мало, показаний против него не было. В июне Николай велел вернуть его на службу в Гвардейский экипаж.

Таким благоприятным исходом дела лейтенант Д. Н. Лермантов, несомненно, обязан своему старшему брату.

Капитан-лейтенант Гвардейского экипажа Михаил Николаевич Лермантов 1-й родился в 1792 году. В 1807 году он гардемарин. В следующем году принимал участие в сражении с шведской гребной флотилией при о. Пальво. За отличие в бою получил знак военного

ордена. В 1809 году произведен в мичмана и через два года переведен в Гвардейский экипаж.

В строю Гвардейского экипажа М. Н. Лермантов принимал участие в отечественной войне 1812 года и во всех последующих боях. Он был в сражении под Смоленском и Бородином. Получил за отличие орден. За сражение при Бауцене произведен в лейтенанты. Участвуя в знаменитом сражении под Кульмом, М. Н. Лермантов был контужен. За проявленную храбрость получил орден. Участвовал при истреблении брандерами неприятельских мостов. Был при взятии Парижа. В 1814 году вернулся с экипажем в Кронштадт.

После того М. Н. Лермантов совершил несколько морских переходов в заграничные порты. Вместе с другими участниками Тайного общества М. Н. Лермантов плавал в 1823 году на «Проворном» до Исландии. В 1824 году произведен в капитан-лейтенанты и на «Эмгейтене» совершил переход от Кронштадта до Ростока. В 1825 году назначен командиром фрегата «Россия» с оставлением при Гвардейском экипаже.

В Тайном обществе М. Н. Лермантов не участвовал, но распространению свободных мыслей способствовал. Делалось это своеобразно. Близко знавший его брат лейтенанта Гвардейского экипажа А. Р. Цебрикова поручик Финляндского гвардейского полка декабрист Николай Цебриков показывал на следствии, что «книг либеральных никогда не читывал». «В доказательство тому» Цебриков заявил:

— Я знал, что капитан-лейтенант Лермантов премного их привез из Портсмута, однако ж, как не имел совершенно никогда никакой охоты читать их, я не только не покупал у него, но и не спрашивал [1].

Другое показание Н. Р. Цебрикова о том же еще характернее, если только оно справедливо:

— Капитан-лейтенант Лермантов либеральных книг премножество привез из Портсмута, дабы здесь продать их охотникам с барышем [2].

---

[2] Восстание декабристов, т. III, стр. 279.
[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 312.

Отрицательно характеризуется М. Н. Лермантов в показаниях некоторых других декабристов. Братья Беляевы и Арбузов жаловались, как показывал на следствии Д. И. Завалишин, что в Гвардейском экипаже не с кем говорить о планах Тайного общества. «В особенности бранили капитан-лейтенанта Лермантова за то, что он старается угождать его высочеству» [1].

Конечно, в показаниях арестованных имеются преувеличения. Но в известной мере характеристики М. Н. Лермантова соответствуют действительности. На другой день после восстания, кроме общего следствия по делу декабристов, было наряжено по приказу Николая I специальное следствие об отношении Гвардейского экипажа к революционному движению. Следствие было поручено капитан-лейтенанту М. Н. Лермантову, который заслужил доверие царя своим поведением 14 декабря.

Спустя много лет после 14 декабря М. Н. Лермантов составил очерк истории Гвардейского экипажа. Рассказывая о событиях 14 декабря, он пишет, что подошел на площади к Николаю I и сообщил ему о раскаянии матросов, возвращающихся уже в казармы экипажа. Царь «с доверием принял рапорт капитан-лейтенанта Лермантова. Он приказал командующему гвардейским корпусом генералу Воинову совместно с Лермантовым привести к присяге Гвардейский экипаж. Еще до 8 часов — до пробития вечерней зори — Лермантов доставил Николаю I присяжный лист» [2].

Следствие об участии Гвардейского экипажа в движении М. Н. Лермантов вел энергично и закончил его в 10 дней. Каждый вечер он доставлял царю выписки из протоколов. Выдвинутые против него в показаниях Цебрикова и Дивова обвинения были оставлены без внимания.

Нам остается познакомиться с несколькими молодыми офицерами-моряками, принимавшими участие в выступлении Гвардейского экипажа 14 декабря 1825 года, но из-

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 279.
[2] И. В. Егоров. Моряки-декабристы. Л., 1925, стр. 47 и сл.

бегнувшими тяжелого наказания вследствие того, что не были замешаны в делах Тайного общества. Все они служили в Гвардейском экипаже. Среди них было несколько лейтенантов — командиры рот Цебриков, Миллер, Колончаков, Литке, Баранцов. В эту группу попал и один младший офицер — мичман Овсов.

Александр Романович Цебриков — сын крупного чиновника коллегии иностранных дел, действительного статского советника и члена Российской академии Р. М. Цебрикова — родился в 1802 году. В Морской корпус был определен кадетом в 1811 году. 15-летним гардемарином он участвовал в заграничном плавании — до Кале. При выпуске из корпуса Цебриков был удостоен отличия за успехи в занятиях. В 1818 году произведен в мичмана и через год переведен в Гвардейский экипаж. В 1823 году Цебриков получил чин лейтенанта, а в следующем году плавал на шлюпе «Смирный», сопровождавшем корабль «Эмгейтен» в Росток.

К Тайному обществу Цебриков не принадлежал. Участники последнего считали его недостаточно развитым политически. Д. И. Завалишин встретил однажды у Беляевых поручика Финляндского полка Н. Р. Цебрикова. На вопрос, кто это, ему назвали фамилию последнего и добавили:

— Вот голова, не то, что его брат, которой у нас... этот на все готов [1].

14 декабря А. Р. Цебриков вышел с батальоном на площадь во главе своей роты. Вскоре, однако, он оттуда ушел и явился к командиру экипажа.

Арестован был лейтенант Цебриков утром 15 декабря в помещении экипажа лично Михаилом Павловичем и доставлен на главную гауптвахту. Там его продержали до 3 января, затем перевели в Петропавловскую крепость, а оттуда 16 февраля — в Нарвскую крепость и вернули в Петербург 14 июня.

На одном допросе Цебриков между прочим показал, что «капитан-лейтенант Бестужев, подойдя с братом своим мичманом Бестужевым к правому флангу баталь-

---

[1] Восстание декабристов, т. III, стр. 279.

она, конечно, сказал что-нибудь дурное, возмутительное, и повел за собою экипаж на площадь» [1].

Свой выход на площадь Щебриков объяснял тем, что «надеялся обратить матросов к порядку и считал обязанностью находиться при команде». 15 июня царь повелел освободить его «немедленно и отправить в Гвардейский экипаж».

Петр Федорович Миллер — сын чиновника министерства финансов. Родился он в 1801 году. Семи лет от роду определен в Морской корпус кадетом, в мичмана произведен в 1818 году. В следующем году получил чин лейтенанта и плавал на «Проворном» до Исландии. В 1824 году совершил на «Проворном» поход от Кронштадта до Гибралтара.

В Тайном обществе Миллер не состоял и — по его словам — даже не знал о заговоре. На площадь пошел в строю, так как подобно Щебрикову, надеялся «обратить свою роту к порядку». Но «потеряв к тому всю надежду, ушел». Арестованный на другой день после восстания, он сначала содержался на карауле Семеновского госпиталя. В начале января переведен в Петропавловскую крепость, а 15 февраля отправлен в Кронштадтскую крепость, где оставался до 15 июня. Царь велел освободить его «немедленно и отправить в Гвардейский экипаж». Миллер участвовал в войне 1828—1829 годов на Черном море. Умер в 1831 году.

Подобно Миллеру и Щебрикову, лейтенант князь Николай Алексеевич Колончаков ушел с площади, когда увидел, что «привести матросов к порядку» ему не удастся. Некоторые арестованные моряки-офицеры показали, что Колончаков (он же Колунчаков) не знал «о намерениях возмутителей». Однако следственной комиссии стало известно, что, прибыв с батальоном на площадь, он, увидев князя Д. А. Щепина-Ростовского, «целовал его» [2].

Было подозрение, что поцелуй Колончакова явился актом восхищения террористическими действиями Щепина-Ростовского в Московском полку. Но дальнейшие

[1] Восстание декабристов, т. II, стр. 86 и сл., 94.
[2] Там же, т. I, стр. 413.

расследования выяснили, что к Щепину-Ростовскому подходили здороваться все офицеры Гвардейского экипажа как своему бывшему сослуживцу. Кроме того, в сведениях, доставленных командующим гвардейским корпусом, следственная комиссия не усмотрела «никаких предосудительных поступков, со стороны Колончакова». Его дело решено было самой комиссией, оставившей Колончакова «без внимания».

В Морской корпус князь Колончаков поступил кадетом в 1814 году. В 1817 году он плавал на корвете «Орел» до Кале. Чин лейтенанта получил в 1823 году. В 1824 году плавал на «Эмгейтене» до Ростока.

Оставленный «без внимания» Колончаков участвовал в военных операциях на Черном море. В 1833 году произведен в капитан-лейтенанты, через год уволен из службы.

Александр Анисимович Баранцов родился в 1797 году. В мичмана произведен в 1811 году, чин лейтенанта получил в 1816 году. Александр Петрович Литке родился в 1798 году. В корпусе учился с 1810 года. В 1822 году совершил плавание к Новой Земле, а в 1825 году переведен в Гвардейский экипаж.

Баранцов и Литке объяснили на следствии, что были у своих рот на площади потому, что «пытались образумить» матросов. Видя безуспешность этого, они под «какими-то предлогами» ушли из рядов мятежников. После ареста содержались несколько дней в Семеновском госпитале и возвращены в экипаж. Старший брат лейтенанта Литке, известный ученый моряк, впоследствии президент Академии наук Ф. П. Литке сообщает в своей автобиографии, что его брат освобожден вместе с Баранцовым на 3-й или 4-й день после ареста: «Командиры поручились, что они непричастны к шайке» [1].

В конце сентября 1826 года Баранцов был произведен в капитан-лейтенанты и тогда же отправился в плавание к берегам Англии. 7 ноября он умер в Портсмуте.

Ф. П. Литке считал, что он и сам «чудесным образом спасся» от ареста. «Я был знаком со многими из

---

[1] Ф. П. Литке. Автобиография, в монографии акад. В. И. Безобразова — «Граф Ф. П. Литке». «Записки Академии Наук», т. 57, 1888, стр. 108 и сл.

заговорщиков, а с Бестужевыми даже в тесной дружбе с самого детства, — пишет он в автобиографии. — В зиму с 1824 на 1825 год мы с Врангелем (Ф. П. — известный ученый моряк) часто были приглашаемы на чашку чая в их кружки. После мы вспоминали, что из всех этих кружков мы с ним одни только не попали в декабристы. С Ник. Бестужевым я особенно был дружен» [1].

Что касается Ивана Степановича Овсова, то его привлекли к следствию по делу декабристов «из-за болезни тетки». Овсов поступил в Морской корпус в 1812 году, первый офицерский чин получил в 1820 году. Был в заграничном плавании на «Проворном» в 1823 году — к о. Исландия. Арестованный «по подозрению в участии в мятеже», он заявил на допросе генералу Левашеву: «14 декабря, идучи к тетке своей, отчаянно больной, увидел на площади московских солдат и из любопытства простоял на Адмиралтейском бульваре, доколе началась стрельба» [2]. Так как следственной комиссии не удалось собрать никаких улик против Овсова, царь велел освободить его. Умер он в июле 1827 года.

К движению декабристов имеют отношение еще две группы моряков по воспитанию и первоначальной службе. Первая группа — офицеры, перешедшие из Гвардейского экипажа в различное время перед событиями 1825 года на службу в другие гвардейские части. Вторую группу составляют участники общественного движения 20-х годов, находившиеся к моменту восстания в отставке.

Михаил Александрович Бестужев — третий участник восстания 14 декабря из пяти сыновей А. Ф. Бестужева. Родился в 1800 году. В Морской корпус вступил кадетом в 1812 году. Здесь он был товарищем П. С. Нахимова, с которым его связывала тесная дружба и о котором он сохранил память на всю жизнь [3]. Через два года — гардемарин. В 1817 году — мичман; тогда же плавал от

---

[1] Ф. П. Литке. Автобиография..., стр. 109 и сл.

[2] Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит... Восстание декабристов, т. VIII, стр. 140.

[3] См. его письмо к адм. М. Ф. Рейнеке от 1 января 1856 г. в сб. «Адмирал Нахимов», Воениздат, 1945, стр. 196 и сл.

Кронштадта до Кале. В 1819 и 1820 годах находился при Архангельском порту. В 1821 году перешел на фрегате «Крейсер» из Архангельска в Кронштадт. В 1822 году — лейтенант. В следующем году — командир яхты «Селигер».

В начале 1825 года М. Бестужев перешел в Московский гвардейский полк с чином штабс-капитана. К. П. Торсон принял его в Северное общество. В дни междуцарствия он был участником совещаний заговорщиков. В значительной степени благодаря его агитации Московский полк, где он командовал ротой, вышел 14 декабря на площадь. Здесь М. А. Бестужев вел себя решительно. Поддерживал бодрость восставших. Приказывал солдатам заряжать ружья. Командовал стрелять, когда на восставшие войска надвигались кавалерийские части, посланные Николаем. По рассеянии мятежников картечью пытался привести московцев в порядок.

Арестован М. А. Бестужев, по официальным сведениям, 14 декабря на месте восстания. По его рассказу выходит, что вечер 14 декабря и весь следующий день он провел с Торсоном и другими приятелями, побывал у матери и сестер и сам явился 16 декабря утром во дворец. Однако полученная комендантом Петропавловской крепости 15 января утром записка царя: «Присылаемого Бестужева посадить в Алексеевский равелин под строжайший арест» — относится к М. А. Бестужеву [1].

В одном из первых показаний М. А. Бестужев писал: «Кроме обширной морской части наук, в которой я старался усовершенствовать себя по долгу службы, я еще занимался литературою». На вопрос об «источнике свободных мыслей» ответил: «Самой переворот, бывший почти по всей Европе, был причиною, что полученные мною понятия и образ мыслей укоренялись». Влияли также на развитие свободомыслия среди моряков рас-

---

[1] Б. С. Пушкин. «Арест декабристов», в сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 386; Восстание декабристов..., т. I, стр. 494; Бестужевы. Воспоминания. М., 1931, стр. 149 и сл.; П. Е. Щеголев. Декабристы. М.-Л., 1926, стр. 267.

сказы «наших морских офицеров, каждогодно посещавших Англию, Францию и другие заграничные места».

На требование назвать принявшего его в Тайное общество М. А. Бестужев назвал умершего в сентябре 1825 года К. П. Чернова. Когда следственной комиссии стало известно, что Бестужева принял в общество К. П. Торсон, он объяснил прежнее, неверное, показание нежеланием «губить Торсона, который содержит всю свою семью». Решительно отвергал он обвинение в том, что на площади приказывал восставшим войскам стрелять [1].

На большинство вопросов М. А. Бестужев отвечал незнанием: «совершенно не знаю», «совершенно ничего не знаю», «они не имели ко мне доверия и от меня таились». Когда же предъявлялись уличающие показания других арестованных, он признавал коротко: «точно так».

Из показаний самого М. А. Бестужева и других участников заговора была составлена сводка его вины, включенная в «Алфавит членам злоумышленных обществ», с которым Николай I справлялся во все продолжение своего царствования. Здесь указано, что о цели общества М. Бестужев «знал только, что предполагалось ввести конституцию. В совещании был один раз, 13 декабря. Возбуждал солдат к мятежу. По утру 14 декабря приказывал людям заряжать ружья. Вместе с братом своим Александром, имея в руках пистолеты, говорили полковнику Хвощинскому, чтобы вел их за Константина. Командовал стрелять» [2].

Вместе с братом Николаем и Торсоном Михаил Бестужев отнесен ко второму разряду «государственных преступников» Снижая в порядке «милосердия» наказание для других осужденных по второму разряду, Николай Павлович только для Н. и М. Бестужевых оставил без сокращения вечную каторгу.

Второй сын А. Ф. Бестужева Александр (род. в 1797 г.) числился в гвардейском Драгунском полку, имел

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 480 и сл., 485 и сл.
[2] Там же, т. I, стр. 470 и сл.; Алфавит..., стр. 35.

чин штабс-капитана, был адъютантом царского дяди принца Александра Виртембергского. До 14 декабря 1825 года пользовался широкой известностью как писатель и журналист. По сводкам вины А. Бестужева он был членом Северного общества, состоял «в верхнем кругу»; «знал цель общества во всем пространстве»; пристал к мнению ввесть республику с изведением императора и всего царствующего дома, но уверял, что говорил сие, как крикун, а не злодей. 14 декабря по утру ходил по ротам Московского полка, возбуждая нижних чинов к мятежу» [1].

Много других обвинений предъявлено А. А. Бестужеву. Но одна сводка их заканчивается так: «Изъявляет совершенное раскаяние и в ответах был весьма чистосердечен». В другой приводится его заявление: «Я чувствую теперь, что во зло употребил свои дарования, что я мог саблею или пером принести честь своему отечеству, жить с пользой».

Искренность раскаяния и чистосердечие показаний, даже чрезмерная откровенность не избавили А. А. Бестужева от причисления к первому разряду «преступников». В порядке «царского милосердия» Николай заменил для него «смертную казнь отсечением головы» каторжной работой на 20 лет. Объясняется эта «милость» так: «по уважению того, что лично явился ко мне с повинною головою» [2].

Пострадал также за восстание декабристов пятый сын А. Ф. Бестужева Павел. Он родился в 1808 году. В 1825 г. был юнкером артиллерийского училища — в выпускном, офицерском, классе. По рассказу М. А. Бестужева, на другой день после 14 декабря великий князь Михаил Павлович во время парада обнял Павла Бестужева, поцеловал его и заявил при всех:

— Для меня ты не брат бунтовщиков. Я тебя знаю как хорошего офицера.

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 470 и сл.; Алфавит..., стр. 34 и сл.

[2] Указ Верховному уголовному суду 10 июня 1826 г.; опубликован в «Русском инвалиде», перепечатывался много раз; цитируется по сб. «Государственные преступления в России в XIX в.». Спб., 1906, т. I, стр. 61.

Но через полгода Михаил Павлович увидел на столике возле кровати П. А. Бестужева альманах «Полярная звезда», изданный его братом Александром и Рылеевым задолго до событий 14 декабря. Книжка была раскрыта на рылеевской «Исповеди Наливайки». Великий князь прочитал:

Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу...
Все преступления...
Я на душу принять готов...
Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!
Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне...
Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа...

— Арестовать его! — крикнул Михаил Павлович, не докончив чтения и швырнув книжку на пол.

По следствию, как сообщает Михаил Бестужев, оказалось, что книга принадлежала товарищу Павла. Тот же и читал ее, оставив раскрытой на их общем столике. «Но ясно было видно намерение правительства так и сяк удалить брата из училища. Эту скрытую идею, облеченную мраком формальностей суда, брат Павел вывел на свежую воду в своем ответе великому князю Михаилу, когда тот убеждал его сознаться в виновности:

— Ваше высочество, я сознаюсь! я кругом виноват, я должен быть наказан, потому что я — брат моих братьев.

Бедный брат обречен был искупить роковое имя Бестужевых. Он просидел около года в Бобруйской крепости и потом, точно по словам «милосердного» царя, был выпущен на службу, но спросите — куда?.. На Кавказ, где гарнизон постоянно вымирал» [1].

---

[1] Бестужевы — Воспоминания, стр. 132 и сл.

История с Павлом Бестужевым произошла 23 октября 1826 года. Михаил Павлович издал по этому поводу строгий приказ по управлению военноучебных заведений. «Прибыв в артиллерийское училище, — писал великий князь в приказе, — я к крайнему моему удивлению нашел в оном такой беспорядок, что если бы сие не своими глазами видел, то никак бы не мог вообразить, чтобы до сего можно было допустить». Начальствующие лица училища были уволены со своих должностей, некоторые из них были арестованы.

Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский принадлежал к древнейшему русскому княжескому роду, который вел свое происхождение от Рюрика. Формулярный список отмечает: «из владетельных российских князей».

При царе Иване Грозном один из предков декабриста был воеводою, при Михаиле Федоровиче — другой был стольником. Постепенно род Щепиных отдалялся от правящих кругов, земельные их владения распылялись. К началу XIX в. они совсем не были видны «на верхах». Отец декабриста капитан А. И. умер до 1826 года. По одним сведениям он оставил семье в разных уездах Ярославской губернии имения и 300 крепостных душ. По другим — немногим больше 100 душ.

Д. А. Щепин-Ростовский родился в 1798 году. Учился в Морском корпусе и после окончания его мичманом плавал в 1817 и 1818 годах на корабле «Нептунус» в Балтийском море. Совершил также переход от Кронштадта до Кадикса. В 1819 году переведен в Гвардейский экипаж, в котором прослужил три года, а затем был уволен от службы с чином капитан-лейтенанта. В 1823 году Щепин-Ростовский поступил на службу в в гвардейский Московский полк поручиком, через год произведен в штабс-капитаны и получил роту.

Об отношении Щепина-Ростовского к Тайному обществу следственная комиссия имела противоречивые сведения. В сжатом виде показания самого Щепина и нескольких видных участников движения — Рылеева, Н. и М. Бестужевых, Оболенского — сводятся к следующему. В круг заговорщиков он был привлечен 11 декабря

М. Бестужевым. Присутствовал на собраниях. Сознательно воспринял только разговоры о необходимости быть верными присяге Константину, о лживости заявления Николая, будто его старший брат отрекся от власти. Членом Тайного общества не был, даже не знал о его существовании.

Соглашаясь препятствовать вторичной присяге, Щепин, по его показанию, «полагал, что делает святое дело». Слыша рассуждения о конституции, полагал, что «Михаил Бестужев энтузиаст, которыми Петербург изобиловал прежде». Сам он «свободных мыслей и вредных правительству никогда не имел, ни в какие тайные общества не вступал». «Хотя и говорили при мне, — писал Щепин, — что будут просить о конституции, я никак не полагал, чтобы это было их главною целью. Думал: почему же? Пускай просят хотя личных себе наград, мне до того дела нету. А от меня только требовалось итти за моего государя» [1].

Только эти заявления Щепина, никем не опровергнутые, спасли его от казни, которой Николай Павлович обрек его в самом начале следствия. Еще 4 января император писал брату Константину, что думает «покончить возможно скорее с теми, которые не имеют никакого значения по признаниям, которые могут сделать, но, будучи первыми, поднявшими руку на свое начальство, не могут быть помилованы. Это Бестужев и Щепин Московского полка. Я думаю, что их нужно попросту судить, притом только за самый поступок, полковым судом в 24 часа и казнить» [2].

Михаилу Бестужеву царь заменил казнь вечной каторгой потому, что следствием была установлена непричастность его к террористическим действиям. С Щепиным дело обстояло иначе. Свои поступки в день 14 декабря он объясняет так же, как и самое выступление на стороне восставших, т. е. желанием во что бы то ни стало сохранить верность первой присяге.

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 400 и сл., 419 и сл.

[2] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи, ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1926, стр. 175.

Когда московцы, выйдя из полкового двора, «заметили, что нет впереди знамя», они «воротились» за ним. Произошел беспорядок. Щепин хотел привести солдат «в повиновение». Думая, что рядовой Красовский хочет отнять знамя у восставших, Щепин «ткнул его саблею и ранил его».

Красовский крикнул офицеру:

— Ваше сиятельство, вы ошиблись: я за императора Константина. Хотя вы меня ранили, я иду умереть с вами.

Получив знамя, восставшие московцы «вторично двинулись в ворота, чтобы выйти». Тут их пытался остановить полковой командир генерал-майор Фридрихс. «В эту минуту, — показывал Щепин, — я не упомню как, нанес я ему рану. Потом показался Шеншин, генерал-майор, бригадный командир, с полковником Хвощинским и атаковали меня; будучи окружен солдатами и стремительным ударом на них они опрокинуты. Ранен ли был Шеншин при сем или нет, не помню».

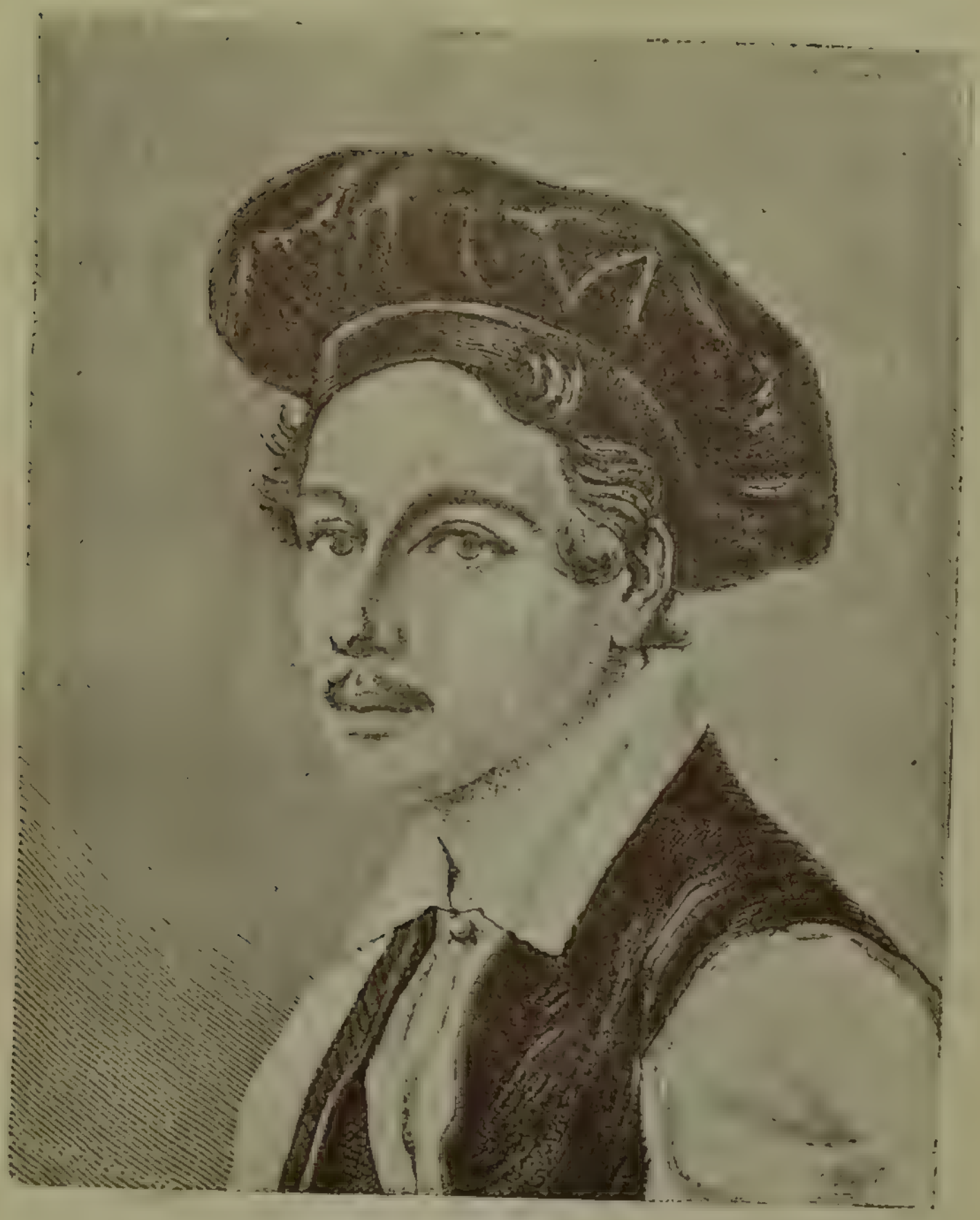
Хвощинский был сильно изранен. Щепин признает, что «ударил его по руке в пылу, не помня себя». О ране Шеншина «верно не могу сказать, — пишет Щепин, — но так как генералу угодно сложить эту вину на меня, то и принимаю на себя — может быть, что и я его ранил, но лежащего его по ногам отнюдь не рубил». Щепин выступил против названных лиц, во-первых, потому, что «тогда почитал их не начальниками, а преступниками». Во-вторых, он «действовал, защищая себя, ибо генералы бросились» на него. «Доказательством тому то, что генерала Нейдгарта, который не вынимал шпаги, я не тронул» [1].

На площадь Щепин, действительно, повел полк, потому что «признан обоими Бестужевыми Александром и Михаилом начальником всего и всеми людьми вообще».

Когда восстание было подавлено, Щепин «при втором картечном выстреле был увлечен толпою во двор» частного дома. Вскоре он «отдался под арест и претер-

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 397 и сл., 402 и сл.



М А. Бестужев (с портрета работы Н. А. Бестужева)

певал поругание на площади и во дворце, конечно, несравненно более, чем кто-либо из участвовавших» [1].

В «Росписи» Щепин-Ростовский отнесен к первому разряду за то, что «лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов, коими предводительствовал на площади, с пролитием крови и с нанесением тяжких ран генералам Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтер-офицеру и гренадеру». Николай заменил смертную казнь вечной каторгой.

Член Северного тайного общества барон Владимир Иванович Штейнгель — самый старый по возрасту участник событий 1825 года среди моряков-декабристов. Он также один из старейших участников всего движения, игравших в нем выдающуюся роль или занимавших видное общественное и служебное положение. К моменту восстания он был отставным подполковником. Имел за собой долголетнюю службу во флоте и проявил себя на гражданской службе крупным администратором.

Родился В. И. Штейнгель в 1783 году в г. Обве, Пермского наместничества, где отец его был капитан-исправником. Детство провел в сильной нужде. В Морской корпус поступил в 1792 году. Учился при знаменитом П. Я. Гамалее и всегда с благодарностью вспоминал о нем. Окончил корпус первым по успехам. В 1799 году — мичман, плавал у берегов Англии и Голландии.

В 1802 году Штейнгель был командирован в Охотский порт. Отсюда началось изучение быта и нужд Сибири, давшее ему материал для нескольких ярких статей, напечатанных до 1825 года. Он командовал транспортами, на которых плавал ежегодно в Охотском море. Одно время был начальником Иркутского адмиралтейства, которое привел в блестящее состояние. В 1807 году произведен в лейтенанты, а в 1810 году вышел в отставку с чином капитан-лейтенанта.

Морская служба дала Штейнгелю много в смысле специального и общего развития. Изучив состояние русских владений на Востоке, он смотрел на это дело с

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 398 и сл., 404 и сл.

общегосударственной точки зрения. «Ознакомившись с Кяхтою и Нерчинским краем, — рассказывает он в Записках, — я имел случай в С.-Петербурге в 1812 году сообщить адмиралу Мордвинову свою мысль о возможности разведать Амур» [1].

В отечественную войну 1812 года Штейнгель вступил в петербургское ополчение, с которым принимал участие в боях за освобождение родины от врага. Был при осаде Данцига. В 1814—1815 годах напечатал «Записки... похода против врагов отечества... во время бедствия и спасения нашего отечества... с описанием осады и взятия Данцига», в двух частях.

По окончании войны Штейнгель занял крупный пост управляющего военной и гражданской канцелярией московского главнокомандующего. Был фактическим начальником древней столицы. Много сделал для восстановления и украшения Москвы после пожара 1812 года. Желая исполнять служебные обязанности с пользой для государства, продолжал свое образование усиленным чтением книг по наукам юридическим, историческим, богословским, политическим, нравственным и литературным. Решительная борьба Штейнгеля со взяточничеством аракчеевских ставленников повела к его вынужденной отставке в 1817 году.

Штейнгеля очернили перед царем, который до самой своей смерти не позволял принимать его на службу. Оставшись с семьей без средств к жизни, образованнейший подполковник с кругозором государственного деятеля был вынужден занять должность управляющего частным винокуренным заводом. Это дело было, конечно, не по нем. Вскоре Штейнгель оставил завод. Открыл в Москве в 1820 году школу для юношества. Влиятельные враги сумели помешать этой деятельности бывшего московского администратора.

Начались скитания Штейнгеля по России в поисках заработка. Между прочим он составил для астраханского

---

[1] В. И. Штейнгель. Записки, ред. П. Е. Щеголева, с биографическим очерком В. И. Семевского, в сб. «Общественное движение в России в 1-ю половину XIX в.», т. I. Спб., 1905, стр. 377.

губернатора официальные записки. Болея страданиями народа, желая использовать свои знания и опыт на благо отечества, Штейнгель представлял правительству докладные записки об уничтожении жестоких наказаний кнутом и плетьми, о запрещении торговли крестьянами, о причине упадка торговли, об отмене суровых наказаний по делам вероисповедным и т. п.

Некоторые члены правительства пытались вернуть Штейнгеля к государственной службе. Новосильцов хотел привлечь его к составлению конституции. Министр финансов решил назначить его директором варшавской таможни. Александр I отвечал отказом на все такие представления своих министров. Даже Аракчеев подумывал об использовании административных способностей Штейнгеля. Отказался от этой мысли после того, как прочитал представленную ему Штейнгелем записку о тогдашних гражданских законах. В записке указывалось, что в России «все права даны деньгам, всякий бесчестный богач предпочтен честнейшему бедняку». Предлагалось уравнять мещан и купцов в правах с дворянами. Записка была возвращена с резолюцией: «По ненадобию». И автор записки был поэтому «ненадобен».

Свои писательские способности Штейнгель использовал для литературной работы. Кроме статей о Сибири, он печатал исследования и очерки о времяисчислении (о старом и новом календарном стиле), о воспитании, исторические очерки на разные темы — в журналах и отдельными брошюрами. Все это не давало полного удовлетворения [1].

За Штейнгеля хлопотали у Константина Павловича, но получили ответ: «Пусть подождет». «Печальный жизненный опыт и неудача попыток содействовать легальным путем улучшению общественного строя, естественно, должны были вызвать в Штейнгеле недовольство существующими порядками», — пишет во вступительном очерке к его Запискам В. И. Семевский.

Предлагали Штейнгелю — еще до отставки — вступить в масонскую ложу. Он отказался. По его заявле-

[1] Восстание декабристов. Библиография. Составил Н. М. Ченцов, ред. Н. К. Пиксанова. М.-Л., 1929, стр. 566 и сл.

нию, «масоны разделяются на два рода людей: обманывающих и обманываемых. Подвергать себя испытаниям, похожим на шуточные, противно человеку здравомыслящему» [1].

Другие пути открылись Штейнгелю для восстановления справедливости и возрождения человечества, в первую очередь — родины. На вопрос следственной комиссии по делу о восстании 1825 года, что заставило его примкнуть к декабристам и в чем источник его вольномыслия, Штейнгель ответил: «Теперь трудно упомнить все то, что читал и какое сочинение наиболее способствовало развитию либеральных понятий. Я читал Княжнина «Вадима», Радищева «Поездку в Москву», сочинения Фонвизина, Вольтера, Руссо, Гельвеция. Из рукописных разные сочинения Грибоедова и Пушкина.

Я увлекался более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, неведение коих было многих зол для человечества причиною. Ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением. Сто лет от Петра Великого до Александра Первого сколько содержат в себе поучительных событий к утверждению в том, что называется свободомыслием!» [2].

В 1823 году Штейнгель познакомился с Рылеевым. Поэт-революционер «совершенно обворожил» его [3].

Приехав в Петербург в следующем году, Штейнгель узнал о Тайном обществе. Через Рылеева сблизился со всем кругом Российско-американской компании, с морскими офицерами. Рылеев дал ему письмо к И. И. Пущину, который возглавлял московскую управу Тайного общества.

В Москве Штейнгель сблизился с тамошними декабристами, посещал их собрания, вел с ними политические беседы. Пущин дал ему проект конституции Н. М. Муравьева, тот самый, на который Торсон написал приведенные выше замечания.

---

[1] В. И. Штейнгель. Записки, 1905, стр. 292—293.
[2] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909, стр. 219.
[3] В. И. Штейнгель. Записки, стр. 410.

Штейнгель также написал на этот проект замечания. Исследователь муравьевской конституции считает их наиболее интересными из всех замечаний, написанных на конституцию Муравьева. Замечания Штейнгеля «обличают в авторе чрезвычайно внимательного и вдумчивого читателя, который обращал внимание не только на содержание, но и на форму проекта; не только высказывался по существу, но удачно подмечал противоречия, исправлял стилистику. Он затрагивал и основные государственные вопросы и частные подробности.

Заметен интерес критика и к государственно-правовым конструкциям и к социально-экономическим проблемам. Его одинаково занимают и формы будущего правления, и вопрос об экспроприации собственности, и приемы финансового обложения. Автор имеет самостоятельные и продуманные государственные воззрения»[1].

На теоретических основах конституции Штейнгель не останавливается. Главное внимание его обращено на конкретное, жизненное содержание муравьевского проекта. Замечания на последний во многом совпадают с высказываниями Штейнгеля в упомянутых выше докладных записках. Имеются, конечно, и такие суждения, которых он не мог высказывать в записках, представленных царскому правительству.

Соглашаясь на сохранение монархического образа правления, Штейнгель возражает против оставления за императором верховного начальства над армией и флотом. «Худо вверять такую силу такому человеку, с которым надобно быть в беспрестанной борьбе». По поводу статей проекта об имущественном цензе для народных представителей он пишет: «Почему богатство только определяет достоинство правителей? Это несогласно с законами нравственными».

Высказывается Штейнгель в своих замечаниях за введение всеобщего подоходного налога. Требует установления сильной власти вообще.

Осенью 1825 года Штейнгель снова в Петербурге. Теперь он даже поселился в доме компании, где жили

[1] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 154.

Рылеев и А. Бестужев, принимал деятельное участие в совещаниях заговорщиков.

Сочувствуя конституционным стремлениям Тайного общества, Штейнгель вступил в него. Скоро стал одним из видных деятелей в подготовке переворота. В период междуцарствия говорил, что надо воспользоваться сложившейся обстановкой, в частности ненавистью солдат к жестокому Николаю, что «никогда не представится для России более благоприятного случая отыскать права».

Конституционные убеждения Штейнгеля были умеренные. Он считал необходимым сохранить на первое время монархию. А потом, «если бы то уже необходимо было нужно», можно подумать о республике.

За несколько дней до 14 декабря Штейнгель написал проект приказа по войскам. «Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставя Россию в бедственном положении», — заявлялось в приказе, который извлек В. И. Семевский из следственного «дела» Штейнгеля. После сообщения о присяге Константину, об отказе последнего в приказе говорится: «Итак, они не умеют быть отцами народа». Поэтому предлагалось объявить правительницей вдову Александра — императрицу Елизавету Алексеевну. А потом, как объяснял Штейнгель в совещаниях, можно будет убедить ее дать конституцию.

Пока судили да рядили, подошел день 13 декабря. Николай назначил на 14 декабря новую присягу. Заговорщики решились на восстание. Штейнгель написал проект манифеста от имени сената. В нем повторено то, что говорилось о великих князьях в приказе по войскам. Затем сообщалось, что так как они отказываются от престола, то народу приходится самому себе выбирать правителя. До съезда депутатов сенат назначает временное правительство, которому народ должен присягнуть.

14 декабря утром Штейнгель был у Рылеева. Затем пошел на Сенатскую площадь. Постоял там некоторое время. К концу дня снова навестил Рылеева. Там собралось несколько человек. Среди них — П. Г. Каховский, убивший выстрелом из пистолета генерала М. А. Милорадовича, пытавшегося уговорить восставшие войска разойтись.

Каховский, как показывал Штейнгель в следственной комиссии, сидел у столика. Держа в руке кинжал, он рассказывал о событиях на площади. Затем обернулся к Штейнгелю и сказал:

— Вы, полковник, спасетесь, а мы погибнем. Возьмите этот кинжал на память обо мне и сохраните его.

Штейнгель взял кинжал и «положил его потихоньку на стол». Каховский заметил это и сказал выразительным голосом:

— Так вы не хотите взять кинжал мой?

Ответив: «Нет, возьму», Штейнгель пожал Каховскому руку и поцеловал его в щеку [1].

Скоро после этого Штейнгель ушел от Рылеева. И во-время: иначе попал бы в руки пришедших арестовать Рылеева. Несколько дней провел в Петербурге. 20 декабря выехал в Москву.

27 декабря следственная комиссия узнала — из показаний С. П. Трубецкого — о причастности Штейнгеля к Тайному обществу. Проверили это на других показаниях. 30 декабря состоялось постановление об аресте Штейнгеля. 3 января 1826 года его арестовали в Москве и 6-го, в 5 часов утра, привезли прямо в Зимний дворец. Здесь Николай разыграл перед арестованным одну из многочисленных ролей, менявшихся в зависимости от личности допрашиваемого.

У Штейнгеля была в Москве большая семья: жена, пять сыновей и четыре дочери, старуха-теща. Все жили, как сообщал московский генерал-губернатор после осуждения Штейнгеля, «в крайней бедности». Была еще сестра с мужем — незначительным чиновником — и тремя детьми. Приходилось помогать и этой семье.

На вопрос царя об участии в революционных замыслах Штейнгель ответил отрицательно, добавив:

— Мог ли участвовать, имея кучу детей!

— Дети ничего не значат, — прервал государь, как рассказывает Штейнгель в Записках. — Твои дети будут мои дети! Так ты знал о их замыслах?!

Услышав утвердительный ответ, царь сказал:

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 354 и сл.

— Знал и не сказал — не стыдно ли?

— Государь, я не мог и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецом!

Николай отослал Штейнгеля в крепость с запиской на имя коменданта: «Посадить по усмотрению под строгий арест». Комендант поместил арестанта в 7-й каземат Никольской куртины. Здесь просидел он до конца следствия.

Допрашивали Штейнгеля часто. Показания он давал обширные, но своеобразные. Выставляя свое участие в Тайном обществе далеким от какой-либо революционности, старался уверить следователей, что говорит искренно и откровенно. Обличительные показания других арестованных заставляли его признаваться в действиях, направленных к замене крепостнического строя конституционным.

Комиссии стало известно, что Штейнгель соглашался на устранение династии. Он предлагал оригинальный план, вызвавший восхищение других заговорщиков. В первые дни после смерти Александра один из руководителей Тайного общества сказал, что царскую фамилию следует истребить в Москве, в день коронации. На это Штейнгель заметил:

— Лучше перед тем днем захватить их всех у всенощной в церкви Спаса за золотой решеткой [1].

Выяснилось также на следствии, что в проекте манифеста, составленном Штейнгелем накануне восстания, предполагалось арестовать царскую фамилию [2].

Не в этих отрицаниях, признаниях и обличениях заключаются особенности следственного «дела» В. И. Штейнгеля. Ими полны протоколы заседаний комиссии и «дела» почти всех декабристов. Большое историческое значение имеют письма В. И. Штейнгеля из крепости к Николаю I.

После слов царя об усыновлении его детей и различных угроз во время допроса Штейнгель пришел к убежде-

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 199, 376, 445.

[2] В. И. Семевский. Политические... идеи декабристов, стр. 499.

нию, что должен готовиться к смерти. Мысли о благе отечества выступили на первый план. В обширных записках он выясняет причины возникновения и развития тайных обществ, указывает необходимые преобразования в государственном строе.

Самым замечательным из этих произведений Штейнгеля, даже самым ярким из всех его сочинений вообще, является письмо к царю от 11 января 1826 года. Оно распространялось в России в списках. Опубликовано Герценом в Лондоне в 1859 году. Перепечатывалось много раз в нелегальных изданиях. Впервые напечатано в России главным вдохновителем правительственной реакции, обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Правда, он счел возможным познакомить русское общество с этим письмом лишь в 1895 году — спустя 70 лет после его составления, когда многое из того, что предлагал Штейнгель, было проведено в жизнь. После Победоносцева оно перепечатывалось в России много раз. Воспроизведено с подлинной рукописи в виде приложения к Запискам Штейнгеля.

Приведу из этого документа несколько выдержек. Начинается письмо заявлением, что оно вызвано «духом любви к отечеству». В нем представлена «обнаженная истина», которая «в миллион раз полезнее, нежели та лесть, которою возносят владык земных до небес для того, чтоб они не видели, что на управляемой ими земле делается». Вопреки всем либеральным заявлениям Александра в начале царствования оно причинило России много зла, главным образом потому, что «в управлении государством не было никакого положительного, твердого плана».

Финансовой политикой правительства «народ поощрялся пропивать потовым трудом наживаемые деньги». В судебном ведомстве — злоупотребления. Крестьяне изнемогают от непосильных трудов. Солдаты страдают от непорядков в управлении армией. Устройством военных поселений не облегчено положение народа и не усилена оборона государства. «Одна несправедливость естественно рождает другую». «Правительство отделяло себя от государства. Имело правилом, что развратным и бедным

народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим. Не прислушивалось к народному мнению».

В числе других мер к возвеличению России Штейнгель предлагает воскресить коммерцию и промышленность, водворить правосудие; преобразовать города введением гражданских прав; улучшить состояние земледельцев; уничтожить уничижительную для нации продажу людей; воскресить флот и т. д.

В заключительных строках Штейнгель заявляет, что пишет «в последнем порыве любви к отечеству, не желая уподобиться евангельскому рабу, сокрывшему талант свой в землю».

Только поэтому он «дерзнул представить все то, что по бытности при делах и по обращению в среднем состоянии» знает «относительно положения России, которую имел случай видеть от Камчатки до Польши, от Петербурга до Астрахани». Письмо заканчивается надеждой, что, может быть, царь удостоит Штейнгеля «состраданием». Таково в общем содержание других заявлений Штейнгеля следственной комиссии и самому Николаю. В письме от 29 января он рекомендует царю поставить «у кормила государственного мужей с глубоким умом, с характером твердым». Они должны иметь «полное и безошибочное сведение о своем отечестве, питать к нему любовь, себялюбие превозмогающую». Арестант готов представить царю проект манифеста, возвещающего преобразования. Такой манифест сильнее всего привлечет население к полезному труду, спасет «любезнейшее отечество наше от бедствия и возвеличит Россию» [1].

Себя самого Штейнгель и здесь предает «милосердию» царя. Но это совсем не входило в программу царствования Николая I. Милосердия к авторам патриотических записок Николай I не проявил и не хотел проявлять. Наоборот, старался искоренить их вместе со всеми участниками движения. В. И. Штейнгель отнесен в «Росписи» к «преступникам третьего разряда, осужденным к ссылке вечно в каторжную работу». Его обвинили в

---

[1] В. И. Штейнгель. Записки, стр. 493 и сл.

том, что он «знал об умысле на цареубийство и лишение свободы с согласием на последнее; принадлежал к Тайному обществу с знанием цели и участвовал в приготовлении к мятежу планами, советами, сочинением манифеста и приказа войскам». Утверждая приговор, Николай вместо вечной каторги назначил ему 20-летнюю с последующим поселением.

Семья Сенявиных (Синявиных) принадлежит к одному из древнейших русских дворянских родов. Она также дала первых офицеров русского флота. Ее представители занимали видное место в разных отраслях управления страной: были воеводами, директорами строений, министрами и пр. Братья Иван и Наум Акимовичи Сенявины прошли замечательный путь морской службы от рядовых матросов до адмиралов. Оба оправдали надежды великого основателя русского военно-морского флота. Иван Сенявин был контр-адмиралом, командиром Каспийской флотилии. Умер в 1726 году. Наум Сенявин был вице-адмиралом, начальником Днепропетровской флотилии, членом адмиралтейств-коллегии. Он пользовался расположением Петра, дававшего ему многообразные поручения. Умер в 1738 году. Сын его Алексей Сенявин прославился в войну 1768—1774 годов как командующий Азовской флотилией.

Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин (1763—1831 годы) — сын моряка. В 1780 году он окончил Морской корпус с званием мичмана. Отличился успешными действиями в войну 1787—1791 годов на Черном море. Был одним из ближайших сподвижников великого русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова, который высоко ценил его как моряка. Записки Д. Н. Сенявина о его морской службе издавались несколько раз [1]. Сенявин работал по устройству Севастопольского порта, а затем участвовал в войне 1798 года на Средиземном море. Прославился так же как командующий флотом в войну 1806—1807 годов на Средиземном море.

[1] Адмирал Д. Н. Сенявин — Записки, под ред. и с предисловием Н. В. Новикова, в книге В. Гончарова — Адмирал Сенявин, Военмориздат, М.-Л., 1945, стр. 97—142.

Имя адмирала Сенявина связано с общественным движением пушкинской эпохи. В 1820 году он даже вынужден был объясняться с министром внутренних дел по поводу распространенных в обществе слухов о том, что он является «главным орудием» тайных обществ.

Неблагоприятные для служебного положения адмирала Сенявина слухи были и раньше распространены в правительственных кругах. Повидимому, этим объясняется отношение к нему Александра I в начале отечественной войны 1812 года. Царь в оскорбительной форме отклонил тогда просьбу прославленного адмирала о разрешении ему принять участие в защите родины от нашествия врага. «Где он хочет служить? — спросил царь с иронической наивностью. — В каком роде службы? Каким образом?» Адмирал, бывший командиром Ревельского порта, сообщил через морского министра маркиза де-Траверсе, что готов служить хотя бы в ополчении, в должности, какую ему дадут, и «служить таким точно образом, как служил всегда и как обыкновенно служат верные и приверженные русские офицеры своему отечеству». Император повторил отказ и уволил доблестного адмирала от службы [1].

Вся эта история стала широко известна в кругах моряков. Члены Тайного общества возмущались отношением царя к любимцу русского флота, его устроителю и руководителю. С этой печальной историей связана уверенность заговорщиков в сочувствии адмирала Д. Н. Сенявина их движению. В показаниях привлеченных к делу о восстании 14 декабря 1825 года имя адмирала Сенявина встречается в числе тех либеральных сановников, которых имелось в виду привлечь в состав Временного правительства.

Однако, и Николай Павлович возлагал надежды на адмирала Сенявина. Возможно, что они также основывались на опале, постигшей адмирала при Александре I, и царь хотел превратить Д. Н. Сенявина в своего сто-

[1] Подробности в очерке В. Гончарова — Адмирал Сенявин. Военмориздат, М.-Л., 1945, стр. 87 и сл.; в очерке Н. Д. Каллистова — Флот в царствование Александра I. «История русской армии и флота», т. IX, М., 1913, стр. 169 и сл.

ронника. Оставив заявления арестованных декабристов «без внимания», Николай Павлович 24 декабря 1825 года повелел определить Д. Н. Сенявина на службу вице-адмиралом. «Принять прежним старшинством, — написал царь в приказе, — и объявить, что я радуюсь видеть опять во флоте имя, его прославившее». Вместе с тем Сенявин был пожалован званием генерал-адъютанта. Это почетное придворное звание царь раздавал тогда лишь тем генералам, которые отличились при разгроме восстания 14 декабря. Это был первый случай назначения генерал-адъютантом моряка. Тогда же царь повелел выдать Сенявину 25 тысяч рублей в виде единовременной награды. В начале 1826 года Д. Н. Сенявин был произведен в адмиралы с оставлением генерал-адъютантом и назначением к присутствию в сенате.

Вся эта история с адмиралом Д. Н. Сенявиным носит непонятный характер. Он не только не имел никакого касательства к подавлению мятежа, но в его семье оказался даже соучастник «государственных преступников».

Старший сын адмирала Сенявина Николай Дмитриевич родился приблизительно в 1797—1798 году. В 1810 году определен кадетом в Морской корпус. Через год — гардемарин. В 1814 году — мичман. Через два года переведен в Гвардейский экипаж. Практические плавания совершал в Балтийском море. В 1818 году Н. Д. Сенявин произведен в лейтенанты, а через два года он перешел в гвардейский Финляндский полк поручиком. К моменту восстания он был там капитаном.

Членом Тайного общества Н. Д. Сенявин не был, в собраниях заговорщиков участия не принимал. Однако имя его, так же как имя отца, еще с 1820 года связано с движением декабристов. Его вызывал к себе петербургский генерал-губернатор Милорадович и допрашивал на очной ставке с двумя молодыми офицерами, утверждавшими, что Сенявин предлагал им вступить в какое-то тайное общество. Несмотря на повторные заявления обличителей, Сенявин утверждал, что никакого тайного общества не знает. Граф Милорадович сделал внушение доносчикам, а Сенявина признал невиновным.

Арестованный по делу 14 декабря 1825 года Г. А.

Перетц заявил на следствии, что с разрешения Ф. Н. Глинки он принял Сенявина в Тайное общество. 11 марта 1826 года комиссия сделала постановление об аресте Сенявина. В тот же день он был арестован и содержался при главном штабе. На допросе капитан Сенявин решительно отверг заявление Перетца. Тот стоял на своем. Глинка заявил, что Сенявина не знает и разрешения на принятие его в члены общества не давал. Руководители заговора показали, что Сенявин членом общества не был и они даже не знакомы с ним.

Однако у Николая Павловича осталась уверенность, что Сенявин в чем-то виноват. Повелев 15 июня «немедленно освободить» Сенявина, царь приказал зачесть ему трехмесячный арест в наказание.

Но и это не повредило Сенявину в служебном отношении. Не в пример очень многим, замешанным в деле 14 декабря, по официальным данным, не меньше Сенявина, Николай произвел его 6 декабря 1826 года — в день своего тезоименитства — в полковники. При этом он был переведен в гвардейский Егерский полк. Спустя два месяца император оказал Сенявину новую «милость». 14 февраля 1827 года он предписал управляющему Главным штабом выдать «полковнику лейб-гвардии Егерского полка Сенявину на необходимые по настоящему чину его обзаведения 3000 рублей». Н. Д. Сенявин умер в 1833 году.

Внимание царя к адмиралу Сенявину не ограничилось пожалованием придворного звания. Указом сенату от 1 июня 1826 года генерал-адъютант Д. Н. Сенявин назначен, в числе других, членом верховного уголовного суда по делу о злоумышленных обществах.

Сын Сенявина в это время находился еще под арестом и над ним тяготело обвинение в соучастии в заговоре против царя. При таких обстоятельствах назначение адмирала судьей по этому делу было не актом доверия царя к беспристрастию адмирала, а своеобразным наказанием за крамольность сына и за слухи о либерализме его самого. Такое же наказание Николай придумал для знаменитого М. М. Сперанского, которого руководители Тайного общества намечали главным деятелем Временного

правительства в случае успеха восстания. Понимая, что Сперанский ему не опасен, ценя в то же время знания и способности этого выдающегося государственного деятеля, царь решил «оставить без внимания» личные связи Сперанского с некоторыми участниками заговора. Но Сперанский должен был «искупить» эту вину. Николай «доверил» ему распределение арестованных по разрядам с указанием размера наказания для каждого. Это была тонкая и злая месть за популярность в оппозиционных общественных кругах. Сперанскому доверие царя причинило большие нравственные страдания.

С движением декабристов связано имя другого выдающегося деятеля русского флота, знаменитого ученого путешественника, адмирала Василия Михайловича Головнина. Он происходил из старинной дворянской фамилии. Родился в 1776 году. Шести лет его записали сержантом в Преображенский полк, где служили его отец и дед. Ребенок числился в службе — по тогдашнему обычаю — для получения чинов. Вскоре умерли родители Головнина и его спределили в Морской корпус кадетом.

Юным гардемарином участвовал Головнин в 1790 году в сражении с шведским флотом и получил награду за храбрость. Курс учения окончил в 1792 году, но «по малолетству» оставлен в корпусе еще на год. В 1793 году произведен в мичмана. Участвовал в сражении 1799 года у берегов Голландии.

В 1807—1811 гг. Головнин совершил кругосветное плавание с целью описи северной части Тихого океана. Намеченный план исследований полностью не выполнил, так как был вероломно захвачен в плен японцами. После полуторагодичных страданий Головнин и его спутники — два офицера и четыре матроса — вернулись на родину. В 1817—1822 гг. он совершил новое кругосветное путешествие. Еще во время первого плавания Головнин разработал военные морские сигналы, которыми русский флот пользовался много лет.

В. М. Головнин обладал значительным литературным дарованием. Описания его путешествий переведены на многие иностраные языки, издавались много раз в Рос-

сии полностью и в изложении для юношества. Есть Собрание сочинений Головнина в пяти томах (1864 г.). О его путешествиях и научно-исследовательской деятельности написано много статей и книг. Рассказы и повести о нем появляются вплоть до нашего времени.

В 1821 году Головнин был привлечен к воспитанию русских моряков в качестве помощника директора Морского корпуса. Здесь он проявил большой педагогический талант. Через два года Головнин был назначен генерал-интендантом морского ведомства. В этой должности он заведывал строительством судов. Его энергией и умением был возобновлен флот, почти уничтоженный наводнением 1824 года. Под руководством Головнина было за короткий срок построено 26 линейных кораблей, 21 фрегат, 2 шлюпа, много мелких судов. В 1827 году ему было поручено заведывание тремя самыми ответственными департаментами морского министерства: кораблестроительным, комиссариатским и артиллерийским. И эти части он привел в отличное состояние.

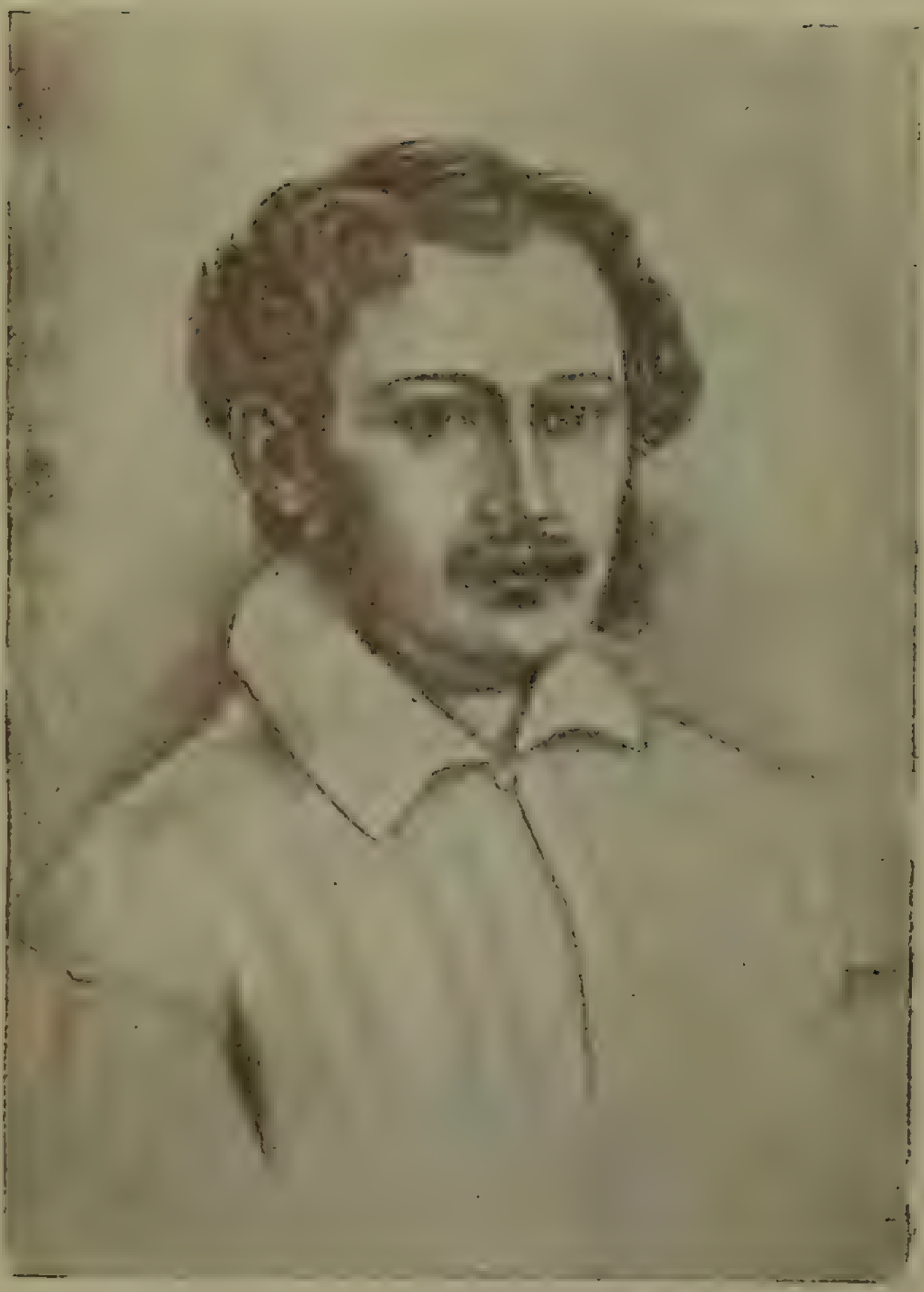
Полезная для русского флота деятельность Головнина прервалась в 1831 году. Он умер от холеры буквально в расцвете творческих сил. Заслуги Головнина перед родиной и наукой, кроме многочисленных литературных произведений, отмечены в мировой географии. Его имя носят залив в Беринговом море, пролив в Курильских островах, мыс близ Лисбурна (в Америке), гора на Новой Земле.

Об отношении Головнина к Тайному обществу рассказывает Д. И. Завалишин. Встретились они в 1821 году, когда адмирал Головнин был помощником директора корпуса, а мичман Завалишин — преподавателем. «Я тогда не знал, — пишет декабрист, — о его участии в Тайном обществе. Нас сблизило общее негодование против вопиющих злоупотреблений. Мы сделались друзьями, насколько допускало это огромное различие в летах» [1].

Говоря о своих дружеских отношениях с Ф. С. Лутковским, на сестре которого Головнин был женат, Зава-

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Спб., 1906, стр. 49 и сл.



Д. А. Щепин-Ростовский (с портрета работы Н. А. Бестужева).

лишин пишет: «Зять его, адмирал Головнин, был также из числа тех, которые ускользнули от исследований комитета, хотя и принадлежал к числу членов Тайного общества, готовых на самые решительные меры. По показанию Лунина, это именно Головнин предлагал пожертвовать собой, чтобы потопить или взорвать на воздух государя и его свиту при посещении какого-нибудь корабля» [1].

Показание Лунина, о котором сообщает Завалишин, неизвестно. Следственной комиссии он не говорил и не мог говорить ничего подобного. Но какая-то правда в рассказе Завалишина есть.

Михаил Сергеевич Лунин — один из выдающихся русских людей эпохи отечественной войны. А. С. Пушкин хорошо знал и ценил его как «человека весьма замечательного». А. И. Герцен знал Лунина по рассказам его современников. Он писал о Лунине как об «одном из тончайших умов и деликатнейших», отмечал в статьях его «гордую непреклонность, подавляющую отвагу, замечательную храбрость».

Участник войн с Наполеоном, начиная с 1805 и кончая 1815 годом, во время которых он проявил поразительное хладнокровие и храбрость, Лунин был одним из основателей первого Тайного общества. Во время разгрома восстания он был в Варшаве, где служил с 1822 года. Его сильно любил великий князь Константин Павлович и долго не хотел выдавать Николаю. Он настойчиво защищал Лунина в письмах к царю и его приближенным, предоставлял Лунину возможность скрыться за границу. Лунин вернул Константину заграничный паспорт со словами:

— Я разделял с товарищами их убеждения, разделю их наказание.

Эти слова приводит авторитетный свидетель, сын декабриста С. Г. Волконского, М. С. Волконский, который воспитывался в Сибири под ближайшим руководством

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 245.

М. С. Лунина, нежно любил его и хранил до конца своей долгой жизни родственную любовь к нему [1].

Лишь в середине апреля 1826 года Николаю Павловичу удалось добиться от Константина выдачи Лунина. На допросах он держался исключительно смело и как зрелый политический деятель.

— Я постановил себе неизменным правилом никого не называть поименно, — заявлял Лунин несколько раз в следственной комиссии.

Выяснилось также, что Лунин предлагал составить группу заговорщиков в масках и устроить засаду на пути Александра I. Хотя это предложение было сделано еще в 1816 году и в дальнейшем не обсуждалось, но оно характерно для Лунина. Кроме того, он завел литографский станок для распространения воззваний и других документов Тайного общества.

Из всего этого видно, что Лунин мог сочувствовать плану взорвать императора на корабле и мог знать о нем от самого автора. Ни под каким видом он не проговорился бы об этом в следственной комиссии, но мог рассказать это Завалишину, с которым — один из немногих — поддерживал в Сибири хорошие отношения.

Головнин вообще пользовался большим уважением в кругах деятелей Тайного общества.

Несколько раз упоминается имя В. М. Головнина в произведениях декабриста В. К. Кюхельбекера. В очередной критической статье о «текущей словесности», напечатанной в феврале 1820 года, Кюхельбекер писал по поводу Записок Головнина о его приключениях в плену у японцев: «Между прозаическими статьями первое место занимает путешествие капитана Головнина. Статьи занимательные, написанные без пустых украшений, восторгов и восклицаний».

Об этих Записках Кюхельбекер неоднократно упоминает в сибирском Дневнике. Под 24 мая 1832 года у него записано: «Целый день читал Записки В. Головнина. Книга такова, что трудно от нее оторваться». Спустя два

---

[1] М. Н. Волконская. Записки с предисловием и приложениями издателя князя М. С. Волконского. Спб., 1906, стр. 176.

дня он пишет: «Записки В. Головнина, без сомнения, один из лучших и умнейших на русском языке и по слогу и по содержанию». Сравнивая в Дневнике от 31 мая Записки Головнина с другими такого же содержания, Кюхельбекер пишет: «Записки В. Головнина мне более нравятся; они проще, в них нет никакого притязания на витиеватость, и тем-то именно они так хороши». Под 25 июля 1833 года он отмечает, что «с наслаждением прочел» другое произведение В. М. Головнина [1].

С движением декабристов тесно связано имя знаменитого государственного деятеля адмирала Николая Семеновича Мордвинова. О его деятельности в правлении Российско-американской компании говорилось выше. Сын адмирала С. И. Мордвинова (1701—1777), командовавшего кораблями и служившего в центральном управлении морского ведомства, Николай Семенович родился в 1754 году. Он был отдан отцом на службу во флот в юные годы, участвовал в морских войнах при Екатерине II. При Александре I был короткое время морским министром, затем назначен в Государственный совет. Прославился смелыми выступлениями в защиту интересов казны и частных лиц, страдавших от несправедливости судебной и административной.

Имя адмирала Н. С. Мордвинова упоминалось не только в произведениях участников общественного движения — в стихах, дневниках, сочувственных воспоминаниях. Много говорится о его политической неблагонадежности в письмах и дневниках Николая I. В первые месяцы царствования императора сильно занимал вопрос об отношении знаменитого адмирала к планам заговорщиков.

В первый раз встречается имя Н. С. Мордвинова в «делах» следственной комиссии в показании К. Ф. Рылеева от 19 декабря 1825 года. Повидимому, это ответ на устный вопрос генерала В. В. Левашева: «Господина Мордвинова узнал я по собственному его желанию и был

---

[1] В. К. Кюхельбекер. Дневник, ред. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929, стр. 53 и сл., 120.

у него с Ф. Н. Глинкою. Поводом сего была ода, мною написанная» [1].

Ф. Н. Глинка — поэт, один из учредителей и деятельный участник Тайного общества. Занимал видное служебное положение как полковник, состоящий для поручений при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче. Сообщал заговорщикам важные сведения из правительственных кругов, предупреждал их о принимаемых против них мерах, защищал их. Был связующим звеном между руководителями Тайного общества и высокими сановниками. Глинка повез Рылеева к Мордвинову для того, чтобы устроить поэта-революционера на службу в Российско-американскую компанию. Сделано это было в интересах заговора.

Николай Павлович повелел комиссии выяснить вопрос о причастности Мордвинова (и М. М. Сперанского) к Тайному обществу. 24 декабря Рылеева привели в следственную комиссию. Его спросили: «На чем основывали вы надежду, что в высших трибуналах появятся люди для поддержания цели общества?» Рылеев ответил, что «сенат надеялись принудить силою назначить Временную правительственную думу и стараться, чтобы в нее попали люди, уважаемые в России: Мордвинов или Сперанский». Но оба они, добавил Рылеев, не были членами Тайного общества.

С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, Н. М. Муравьев, П. Г. Каховский, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, А. Н. Сутгоф, М. Ф. Митьков, П. И. Пестель, А. Н. Бестужев, Д. И. Завалишин и другие допрашивались по этому поводу. В общем из их ответов выяснилось, что заговорщики рассчитывали на Мордвинова потому, что он имел репутацию либерала. Они полагали, что по совершении переворота адмирал не откажется участвовать во Временном правительстве. Слышали, что он и Сперанский готовят конституцию. Читая «мнения» Мордвинова в Государственном совете, распространявшиеся в десятках и сотнях списков по России, они были уверены, что

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 155.

адмирал — сторонник представительного образа правления [1].

Есть одно показание, интересное для характеристики Мордвинова. Уезжая в Зимний дворец для принятия присяги Николаю, Мордвинов сказал помощнику статс-секретаря Государственного совета Ф. П. Львову: «Может быть, я уже более не возвращусь, ибо решился до конца жизни противиться сему избранию». Обратясь затем к двум сыновьям Львова, адмирал добавил: «Теперь вы должны действовать» [2].

Эти показания немедленно доставлялись царю. В письме к брату Константину от 23 декабря 1825 года о ходе следствия по делу Тайного общества Николай Павлович сообщил: «У меня весьма основательные подозрения, чтобы быть уверенным, что все это восходит до Госуд. совета, именно до Мордвинова. Но я ничего не ускоряю». 28 декабря Николай Павлович писал брату: «Подозрение падает на Мордвинова из Совета, поведение которого в эти печальные дни было примечательно; но это пока только подозрения, которые выясняются помощью документов и справок, которые каждую минуту собираются у меня в руках» [3].

Примечательного в поведении Мордвинова было немало с точки зрения Николая Павловича. Достаточно привести только одно обстоятельство, чтобы понять, какие чувства вызывал адмирал у царя. Когда в Зимнем дворце было получено известие о смерти Александра I, в правительственных и придворных кругах произошло замешательство. Было известно, хотя и неофициально, что Константин отрекся от власти и что престол передан великому князю Николаю. Если бы тотчас было вскрыто хранившееся в высших государственных учреждениях завещание Александра Павловича, то государ-

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 45, 155, 159, 232, 292, 324 и сл., 364 и сл., т. II, стр. 61 и сл., 127 и сл.; т. III, стр. 191 и сл., 229 и сл.; т. IV, стр. 149 и сл., 345 и сл.

[2] Восстание декабристов, т. II, стр. 23 и др.; Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит..., стр. 75, 119 и др.

[3] Междуцарствие 1825 года, ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1926, стр. 168 и сл., а также по указателю.

ственный совет должен был бы первым присягнуть Николаю Павловичу. Но последний, под влиянием дошедших до него слухов о замыслах Тайного общества и под давлением Милорадовича, сам «приглашал членов совета присягнуть императору Константину I».

Члены совета колебались. У вел. князя появилась надежда, что ему удастся стать царем без помехи с чьей бы то ни было стороны. Он ждал предложения занять престол. Но тут выступил Мордвинов.

— Господа, — сказал он, — коль скоро император Николай повелевает нам присягнуть на верность подданства императору Константину, наш долг — повиноваться. Пусть же он идет с нами в церковь, и принесем требуемую им от нас присягу [1].

Известно, что заговорщики возлагали надежды на то, что им удастся заставить Константина принять конституцию. При дальнейшем отказе Константина от престола они рассчитывали использовать междуцарствие. При наличии этих планов Тайного общества выступление Мордвинова своим острием направлялось против Николая Павловича. Понятно, что новый император припомнил это выступление старого адмирала, когда его имя стало появляться в показаниях заговорщиков.

Как же собирались в царских руках справки об отношении Мордвинова и других высших чинов государственного управления к Тайному обществу? Ведь среди них, кроме Мордвинова, были названы сенаторы А. А. Столыпин, Д. О. Баранов, П. И. Сумароков, адмирал Д. Н. Сенявин, М. М. Сперанский, отец трех декабристов, воспитатель Александра I, известный дипломат И. М. Муравьев-Апостол, знаменитый генерал А. П. Ермолов, начальник штаба Южной армии и фактический ее главнокомандующий генерал-адъютант П. Д. Киселев. Было над чем призадуматься.

Не только арестовать большую группу сенаторов и членов государственного совета, даже вызывать их в следственную комиссию для допроса было неудобно. В

---

[1] М. В. Муравьев. Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты, сб. «Тайные общества в России в начале XIX ст.». М., 1926, стр. 75.

первые дни после восстания было арестовано 11 военных и штатских генералов. Установлено, что к Тайным обществам были прикосновенны 12 генералов, «оставленных без внимания» за недостаточностью улик. Было арестовано 35 полковников и несколько полковых командиров в чине подполковника. 24 полковника «оставлены без внимания». Среди арестованных и «оставленных без внимания» подполковников, майоров и младших офицеров было много лиц, принадлежавших к княжеским, графским и баронским фамилиям. Их отцы и старшие братья занимали видные места в правительстве и при царском дворе.

При таких обстоятельствах приходилось вести следствие о сановниках с величайшими предосторожностями. Вот что рассказывает об этом делопроизводитель следственной комиссии А. Д. Боровков: «Изыскание об отношении этих лиц к злоумышленному обществу было произведено с такою тайною, что даже чиновники не знали. Я сам собственноручно писал производство и хранил у себя отдельно, не вводя в общее дело. По точнейшем изыскании обнаружилось, что надежда на участие сановников в перевороте была только выдуманною и болтовнею для увлечения легковерных».

Это — официальное объяснение, имеющее целью затушевать правду. Не потому велел Николай уничтожить секретнейшее следствие о сановниках, что не было доказательств их вины. Ниже будет приведено несколько авторитетных заявлений противоположного свойства. Менее определенных обвинений было в глазах императора достаточно для суровой расправы с некоторыми участниками общественного движения 20-х годов.

Результаты расследования о виновниках не были включены в донесение следственной комиссии из опасения, чтобы они, «сделавшись известными, могли бы обратиться в орудие зложелательства, дать повод к неосновательным толкам или быть причиною какого-либо, даже самого малейшего, волнения в умах непросвещенных, наипаче же в низших состояниях» [1].

---

[1] Сб. «Тайные общества в России...». М., 1926, стр. 70 и сл.

Н. С. Мордвинов для подкрепления официальной точки зрения и в интересах своей личной безопасности заявлял в автобиографической записке 1841 года, что царь «не видя ничего, могущего навлечь подозрение, приказал истребить все вопросы и ответы вопрошаемых». В этой же записке рассказывается, как старались в 1826 году «приключить» адмирала «в число изменников». Для этого, пишет Мордвинов, — «брали под стражу людей моих, не прикосновенных к возмущению, никем не осуждаемых».

Уменьшающим, но не снимающим вину Мордвинова с точки зрения царя было показание П. Г. Каховского об одном его разговоре с Рылеевым. Руководящая дума намерена была, по заявлению Рылеева, после переворота удержать некоторое время управление государством за собой. Каховский сказал, что он считает необходимым до избрания депутатов передать управление людям, известным в государстве. На это Рылеев заметил, смеясь:

— Ты хочешь от аристократов чего доброго. Мордвинова, что ли, сделать правителем? [1]

Это имело существенное значение в глазах Николая Павловича. Но еще долго вспоминались ему показания декабристов о сановниках, на которых они возлагали надежды перед восстанием. В «Записках о вступлении на престол», составленных много лет спустя после декабрьских событий, Николай писал: «Подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться» [2].

Сомнения царя не могли рассеяться несмотря на то, что в общем делопроизводстве следственной комиссии показания декабристов о сановниках почти всегда оканчивались уверениями, что от самих сановников они ничего определенного не слышали, лично с ними не говорили о своих планах и надеждах. Но, конечно, до царя доходили отклики рассказов, нашедших впоследствии отражение в Воспоминаниях участников тайных обществ.

---

[1] Восстание декабристов, т. I, стр. 364 и сл.
[2] Междуцарствие..., ред. Б. Е. Сыроечковского, стр. 30.

М. А. Фонвизин сообщает в своих Записках, что Мордвинов и Сперанский знали о «существовании тайного общества и сокровенной его цели» [1].

Н. И. Тургенев был с 1816 года статс-секретарем двух департаментов Государственного совета, в которых председательствовал Мордвинов. Таким образом Тургенев был ближайшим сотрудником адмирала в течение нескольких лет. Он был близок к Мордвинову, хорошо знал его взгляды. Они часто беседовали на политические темы. Адмирал говорил с Тургеневым свободнее, чем с кем бы то ни было. «Добрый адмирал не признавал рабство большим злом, — рассказывает в своих записках Тургенев, — но восставал с благородным и горячим негодованием против неограниченной царской власти».

— Начать следует с трона, а не с крепостных, — говорил Мордвинов. — Пословица говорит, что лестницу метут сверху [2].

С. П. Трубецкой — один из основателей первого тайного общества, член директории Северного общества, по личному положению, по всем родственным и дружеским связям принадлежал к верхам правящего придворного и дипломатического кругов столицы. В своих Записках он говорит определенно: «Члены Тайного общества уверены были в содействии некоторых из высших сановников государства, которые являли себя готовыми пристать, как скоро увидели бы, что достаточная военная сила готова поддержать их».

В другом месте Записок Трубецкой уточняет это общее заявление. «Общество намеревалось предложить во временное правление Мордвинова, Сперанского и Ермолова». Было «обещано содействие некоторых членов Государственного совета, которые требовали, чтобы их имена остались неизвестными» [3].

---

[1] М. А. Фонвизин. Обозрение проявлений политической жизни в России со вступит. статьей В. И. Семевского, сб. «Общественные движения в России в 1-ю половину XIX в.», т. I. Спб., 1905, стр. 193.

[2] Н. И. Тургенев. Россия и русские, ч. I, М., 1907, стр. 73.

[3] С. П. Трубецкой. Записки. Спб., 1906, стр. 34.

В следственной комиссии Трубецкой этого не говорил. Большой интерес представляет его рассказ о том, как производилось сверхсекретное следствие о связи сановников с Тайным обществом. Он упоминает здесь только Сперанского. Но это в равной мере относится к Н. С. Мордвинову. Рассказ Трубецкого ярко характеризует инквизиторские приемы Николая I как главного следователя по делу декабристов.

28 марта 1826 года, после некоторого перерыва в допросах, явился в каземат Трубецкого, в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, генерал-адъютант Бенкендорф. Выслав из каземата караульного офицера, Бенкендорф сказал:

— Я пришел к вам от имени его величества. Вы должны представить себе, что говорите с самим императором... Разговор наш останется тайной для всего света, как будто бы он происходил между вами и самим государем. Его величество очень снисходителен к вам и ожидает от вас доказательства вашей благодарности... Вы не знаете, что государь делает для вас... Государь хочет знать, в чем состояли ваши сношения с Сперанским.

— У меня не было с ним особенных сношений, — ответил Трубецкой.

— Позвольте, я должен вам сказать от имени его величества, что все сообщенное вами о Сперанском остается тайной между им и вами. Ваше показание не повредит Сперанскому, он выше этого. Он необходим, но государь хочет только знать, до какой степени он может доверять Сперанскому...

Долго еще убеждал Бенкендорф арестованного сообщить что-нибудь о Сперанском, но Трубецкой стоял на своем.

— Не могу же я клеветать на кого бы то ни было, — говорил он, — не могу же я говорить то, что никогда не случалось. Государь не может надеяться, чтоб я выдумал разговор, которого вовсе не происходило. Да если бы я и был достаточно слаб для этого, надо еще доказать, что я имел этот разговор.

— Государь знает, что вы рассказали его одному лицу, и он узнал об нем именно от этого лица.

— Могу вас уверить, генерал, что это лицо солгало государю.

— Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью...

— Совершенно невозможно, генерал, вспомнить о разговоре, которого никогда не было.

— В этом роде, — пишет Трубецкой, — разговор продолжался еще долгое время, сначала по-французски, потом по-русски: генерал Бенкендорф, стараясь меня уговорить рассказать мой разговор с Сперанским, а я, требуя очной ставки с доносчиком. Наконец, он ушел, потребовав от меня, чтобы я написал сей же час к нему все, что я знаю о Сперанском, и сказал мне, что он будет ожидать моего письма в крепости [1].

Трубецкой решил изложить свой разговор с Батеньковым и Рылеевым о привлечении в состав Временного правительства Сперанского и других лиц. Показание это было, повидимому, истреблено вместе с другими. Обещание Бенкендорфа о царской «милости» оказалось обманом. Что касается Сперанского, то ему царь поручил распределить наказание декабристам. Среди них были друзья и знакомые Сперанского, которых он не мог пощадить, опасаясь, что снисходительность к заговорщикам будет в глазах царя свидетельством его вины.

Для Мордвинова его сношения с декабристами прошли безнаказанно. Царь ничем не выказывал ему своего недовольства. После событий 14 декабря адмирал прожил еще 20 лет. В 1834 году — в связи с 80-летием рождения Н. С. Мордвинова — император возвел его в графское достоинство.

Известный русский художник граф Федор Петрович Толстой родился в феврале 1783 года и тотчас был зачислен сержантом в Преображенский полк. В 1798 году он был принят кадетом в Морской корпус, который окончил в 1802 году и был выпущен мичманом в гребной флот. Тогда же совершил на фрегате «Архипелаг» пла-

---

[1] С. П. Трубецкой. Записки, стр. 55 и сл.

вание к берегам Дании и Норвегии, сделал много научных наблюдений.

Морская карьера Толстого продолжалась недолго. Ему хотелось стать художником. Еще гардемарином он проявил умение пользоваться карандашом и кистью. Затем стал лепить из воска.

Толстому посоветовали посещать классы Академии художеств. Здесь он совершенствовался в названных областях искусства, учился резать на стали, работал в медальерном классе.

Академию художеств Толстой посещал как любитель в мундире морского офицера. На него обратил внимание профессор скульптуры, талантливый И. П. Прокофьев. Он осмотрел работы Толстого и спросил:

— Вы как хотите учиться художеству, основательно, как художник, или, как вся ваша братья, дворянчики, для забавы?

— Тут я почувствовал свое настоящее призвание, — рассказывает Толстой в Записках, — и что в нем я могу, по моему всегдашнему желанию, быть обязанным самому себе. С этой минуты я решил посвятить себя в художники и ответил:

— Хочу знать и научиться художеству основательно и сделаться, если буду в силах, настоящим художником.

— Когда так, — сказал Прокофьев, — то оставьте все прочие занятия и начинайте учиться с самого начала.

В конце 1804 года Ф. П. Толстой вышел в отставку с чином лейтенанта. Занятие представителя аристократии искусством как профессией имело для своего времени большое политическое значение. Этим шагом Толстой возвысил в глазах общества значение артистической профессии.

Кроме учения в Академии художеств, Ф. П. Толстой слушал лекции университетских профессоров по статистике и политической экономии. Поддерживая близкие отношения с передовой офицерской молодежью, он был учредителем и мастером ложи «Избранного Михаила», в которой состояли многие учредители первого Тайного общества — Союза спасения.

Ф. П. Толстой был первым председателем Союза спасения. Затем он был членом Союза благоденствия. В Тайном обществе Толстой, по свидетельству И. Д. Якушкина, был одним из «самых значительных и ревностных» деятелей. Но его занимала главным образом благотворительная и просветительная деятельность общества.

После закрытия Союза благоденствия Толстой отошел от Тайного общества. В Северное общество он не вошел, но поддерживал отношения с его руководителями. Накануне 14 декабря он был в собрании на квартире К. Ф. Рылеева. В день восстания находился с утра вблизи Сенатской площади — в рядах зрителей.

В начале января 1826 года Толстого по требованию следственной комиссии доставили в крепость — на допрос. А. И. Чернышев грозно спросил его:

— Как могли вы бунтовать против царя?

Толстой спокойно ответил, что прежде надо доказать это, а потом обвинять. Так как он был предупрежден друзьями о предстоящем допросе и в общем знал о степени осведомленности комиссии, то назвал своих товарищей — устроителей Союза спасения. От него потребовали назвать фамилии других членов общества. Толстой заявил, что никого больше не знает, и был отпущен.

В докладе комиссии царю сообщалось, что Толстой был председателем Коренной думы, присутствовал в совещании 1820 года, где высказывался за республиканское правление. Последнее обстоятельство Толстой отрицал. Так как Пестель и другие руководители общества заявили, что Толстой не был в тех совещаниях, где обсуждался план цареубийства, то Николай повелел «оставить его без внимания».

Во все продолжение царствования Николая I Ф. П. Толстой принимал видное участие в художественной жизни России. Родившись и поступив в Морской корпус при Екатерине II, Ф. П. Толстой пережил Павла I, Александра I и Николая I. Умер он в 1873 году, в 90-летнем возрасте.

Из бывших моряков, перешедших в пехоту, состоял в Тайном обществе полковник Александр Федорович Мол-

лер. Он принадлежал к семье моряков, занимавших в 1825 году высшие командные должности во флоте.

По окончании Морского корпуса, в 1812 году, Моллер служил в Балтийском флоте, совершив ряд заграничных походов к берегам Англии, Франции и Голландии.

В 1820 году А. Ф. Моллер перешел на службу в Московский гвардейский полк с чином поручика. В декабре 1825 года он в чине полковника командовал 2-м батальоном Финляндского гвардейского полка. Давнишний член Тайного общества, он не проявлял в последнем никакой деятельности. Но по его разговорам устроители восстания рассчитывали, что он выведет свой батальон на Сенатскую площадь.

В последние дни перед восстанием руководители Тайного общества тщетно искали Моллера. Он явно избегал их. Наконец, Н. Бестужев и Торсон нашли его у дяди — начальника главного морского штаба. Моллер вышел к ним и сердито спросил, что им нужно. Услышав, что его ждут 14 декабря на площади, он вспылил и сказал, что «не намерен служить орудием и игрушкой в деле, где голова нетвердо держится на плечах». Повернулся и ушел.

Так показывали о Моллере несколько участников Тайного общества. Николай I в Записках о вступлении на престол отмечает, что «сперва» улики против Моллера «казались важными в знании готовившегося», но царь признал, что доказательств этого не было, и повелел оставить его «без внимания».

С рядовыми участниками декабрьских событий 1825 года — матросами и солдатами — расправлялись без следствия и суда. Несколько десятков солдат, главным образом наиболее сознательные участники восстания Черниговского полка на юге, были прогнаны сквозь строй шпицрутенов. Они получили от 2000 до 12 000 ударов длинными гибкими палками по обнаженной спине. Царский приговор выполнен точно и неукоснительно над грудами окровавленных клочьев мяса, в которые превращались наказываемые после первых тысяч шпицрутенов.

Много сотен рядовых были переведены в различные полки, преимущественно на Кавказский театр войны. Здесь их ставили на передовую линию огня, в ряды, где «представлялось наиболее опасности». Тех, которые не погибали от неприятельских пуль или тяжелых болезней, считали лишенными всяких человеческих прав. Малейшего повода было достаточно, чтобы подвергнуть их наиболее жестокому виду смертной казни — прогулке по зеленой улице — сквозь строй шпицрутенов.

Рядовых моряков постигла та же участь, что и сухопутных солдат. К сожалению, имеющиеся материалы дают очень мало для их характеристики. Но отрывочность данных, случайность сведений об отдельных матросах, о степени их участия в движении 1825 года, об их выступлении в день 14 декабря, об их судьбе после разгрома восстания, — все это не может заслонить огромного значения выхода на Сенатскую площадь Гвардейского экипажа почти в полном составе.

Не все матросы — участники событий 14 декабря 1825 года — растворились бесследно в многотысячной безымянной массе «нижних чинов», погибших в борьбе с полицейским произволом помещиков-крепостников. Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла архивные тайники и дала возможность присоединить к нескольким десяткам моряков-офицеров имена более чем ста матросов, принесших в жертву все, даже самую жизнь, ради пламенной любви к отечеству.

Дошедшие до нас имена матросов, участвовавших в первом революционном выступлении русских войск, приведены в списке, напечатанном в приложении к основному тексту. Этим списком мы почтим память тех тысяч рядовых моряков, которые на протяжении столетия — от восстания 14 декабря 1825 года до Октябрьского восстания 1917 года — своею кровью и своими страданиями искупили свободу народов нашего великого отечества.

Приведем некоторые итоговые данные, характеризующие участие рядовых мореков в восстании 1825 года. Всего сообщены в нашем списке имена 101 матроса. Из них 98 принадлежали к Гвардейскому экипажу. Точно установлено, что 6 матросов убиты на площади во время

восстания. Имеются сообщения, что убито на площади еще 4 матроса. По официальным сведениям в день 14 декабря пропало без вести 15 матросов. Повидимому, они брошены в проруби убитыми или тяжело ранеными. Возможно, что двум-трем из них удалось скрыться и они скитались по великой нашей стране под чужими именами.

Так или иначе по официальным спискам 14 декабря 1825 года военно-морской флот потерял убитыми 25 матросов. К ним надо причислить 7 матросов, тяжело раненых на площади и умерших в течение ближайших дней в госпиталях. Число жертв, принесенных флотом в связи с восстанием декабристов, возрастает до 32. К ним надо присоединить 3 человека, вышедших из госпиталей полными инвалидами.

Несомненно, что из общего числа раненых в день 14 декабря, которое определяется цифрою 31, кое-кто умер в ближайшее время в крепостях или в частях, куда направлялись выпущенные из госпиталей.

Нет данных о числе матросов, убитых или искалеченных на Кавказском театре войны. Общая статистика военного ведомства показывает, что процент смертности в этих рядах был очень велик.

Приведенными цифрами, конечно, не исчерпывается число матросов, пострадавших за участие в восстании 14 декабря. С большой вероятностью можно полагать, что из 1000 матросов Гвардейского экипажа, вышедших за своими офицерами на Сенатскую площадь и оставленных в строю, многие подвергались впоследствии наказаниям за самые ничтожные провинности.

Из общего числа матросов — участников восстания 14 декабря, имена которых установлены по официальным данным, 7 человек принадлежали к младшему командному составу флота. Это были наиболее квалифицированные моряки, обладавшие, кроме общего развития, хорошей подготовкой в специальной области. Из 94 рядовых моряков 11 человек имели звание матросов 1-й статьи. На площади было 5 нестроевых моряков-рядовых.

В. И. Штейнгель (с литографии Эстеррейха).

гус
сн
пр
шо
ро
зн
те

ве
то
пе
во
бр

ни
Е
а
мо
вп

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

А. С. Пушкин (Послание
в Сибирь)

ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ

Расправившись с декабристами, царь устроил 22 августа 1826 года свое коронование в московском Успенском соборе. Из множества описаний этого царского праздника, оставленных современниками, приведу небольшой рассказ А. И. Кошелева, умеренного либерала, сторонника конституционной монархии, имевшего родных и знакомых в придворной аристократии и в высших правительственных кругах.

Говоря о потрясающем впечатлении, которое произвела в русском обществе казнь Рылеева, Пестеля и их товарищей, Кошелев замечает: «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности; словно каждый лишался своего отца или брата.

Вслед за этим известием пришло другое — о назначении дня коронования императора Николая Павловича. Его въезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых московских вельмож, — все происходило под тяжким впечатлением совершившихся казней. Весьма многие оста-

вались у себя в деревнях; принимали участие в торжествах только люди, к тому обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен; вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным» [1].

Днем коронования помечена новая «милость» императора революционерам: почти всем декабристам было сбавлено от трех до пяти лет каторжных работ, а вечная каторга ограничена двадцатью годами. В этом отношении участь моряков-декабристов, дальнейшая их судьба сходны с участью всех других осужденных по делу о тайных обществах. Существенное отличие заключалось в обряде исполнения приговора.

Сухопутные офицеры были разжалованы и превращены в арестантов в пределах Петропавловской крепости. Для моряков Николай Павлович выработал сложный церемониал разжалования в Кронштадте.

Еще 11 июля 1826 года генерал И. И. Дибич сообщил начальнику главного морского штаба, что царь повелел «взять из крепости под должным морским караулом послезавтра весьма рано всех преступников, о коих министр юстиции представит список». Моряков надлежало отвезти в Кронштадт на адмиральский корабль «Князь Владимир» и безотлагательно 13 июля разжаловать по обрядам морской службы. Предусматривая возможность противного ветра и задержку в доставке осужденных офицеров, царь приказал взять пароход для буксирования арестантской яхты.

Командующему эскадрой в Кронштадте адмиралу Р. В. Кроуну предписано было следующее: как только с крепости увидят яхту, поднять на крюйс-брам-стеньге «Владимира» черный флаг при пушечном выстреле. Немедленно после этого должны прибыть на адмиральский корабль с каждого военного судна один старший офицер, один лейтенант, один мичман и несколько матросов. Когда осужденные будут введены на корабль, им должен быть прочитан приговор суда. Затем над их головами

---

[1] А. И. Кошелев. Записки (1812—1883 гг.) Берлин, 1884, стр. 18.

надо сломать их шпаги, предварительно надпиленные, сорвать с мундиров эполеты и вместе с мундирами побросать за борт.

Вечером 12 июля офицеров-моряков вывели из крепости на набережную Невы. Здесь их посадили в арестантское закрытое судно, ввели в каюту с двумя маленькими окнами, с железными решетками. «И мы поплыли в Кронштадт, — рассказывает А. П. Беляев, — чтобы исполнение приговора совершилось на флагманском корабле. Адмирал Кроун, у которого мы служили прошлый год и который был очень расположен к нам, увидев нас, судорожно сложил свои руки, подняв глаза к небу, а потом прочел приговор. Затем над каждым из нас были сломаны наши сабли, сняты наши сюртуки и потоплены в море, как мундиры сухопутно-военных товарищей были преданы огню, так что мы могли сказать, что прошли огонь и воду. На нас надели матросские бушлатики и, посадив в ту же арестантскую лодку, повезли обратно в крепость. На набережной судно зачем-то остановилось, и тотчас собралась несметная толпа, в которой многие узнали своих родных и знакомых, но это только издали, так как лодка стояла по середине Невы. В казематы мы вошли ночью»[1].

Д. И. Завалишин описывает сцену разжалования более красноречиво. Возможно, что он, по своему обыкновению, несколько увлекается, но рассказ его интересен. «В шесть часов утра мы прибыли в Кронштадт, но прошли его и направились к стоявшему на большом рейде флоту под командою адмирала Кроуна. Все люди на иностранных военных и купеческих кораблях находились на мачтах, чтобы удобнее рассмотреть, что будет происходить на адмиральском корабле.

Пароход пристал к парадному всходу флагманского корабля. Мы стали всходить на палубу, и тут ожидало нас новое торжество. Командир корабля и офицеры встречали нас пожатием руки, а стоявшие вдали приветствовали знаками. Началось чтение приговора. Старик-

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. Спб., 1882, стр. 198 и сл.

адмирал не выдержал и зарыдал. Плакали навзрыд матросы и офицеры; многие из последних не могли перенести сцены и, замахав руками, бросались вниз. В числе осужденных видели они многих, которые принадлежали к цвету и надеждам флота.

Многие из матросов, державшие ружья на караул, как следует по положению при чтении указа, взяли ружья под курок и утирали кулаками слезы, буквально потоками лившиеся по их мужественным лицам, — и начальники не решались взыскать с них за такое нарушение военных правил» [1].

Вернувшись на свою арестантскую шхуну, разжалованные моряки, по словам Завалишина, нашли там вкусный завтрак, присланный офицерами «Владимира».

Из Петропавловской крепости осужденных стали рассылать в разные места заключения и на каторгу.

Одержав кровавую победу над декабристами в Петербурге и на юге, царь Николай I пытался искоренить в русском обществе следы сочувствия к ним. Хотел уничтожить самую память о них. Но это было невозможно. Сосланные в Сибирь заговорщики оставили в России жен, отцов, матерей, сестер, братьев, детей, друзей, единомышленников, которым удалось избежать кары.

Правда, сановная знать из родни «государственных преступников» старалась не огорчать победителя. Мать С. Г. Волконского Александра Николаевна исправно выполняла обязанности первой придворной дамы. Мать жены С. П. Трубецкого графиня А. Г. Лаваль продолжала давать балы для высшего столичного общества. Родители П. И. Пестеля скрыли свое горе под покровом лояльности и преданности государю и осуждения идей повешенного сына. Брат его Владимир Иванович успешно делал карьеру и старался заслужить флигель-адъютантские аксельбанты, данные ему императором одновременно с приказом о повешении главных заговорщиков. Отец Муравьевых-Апостолов Иван Матвеевич после гибели двух его сыновей и ссылки на вечную каторгу третьего не ослабил темпа своей эпикурейской жизни и только ста-

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки, 1906, стр. 246 и сл.

рался сохранить расположение властей, чтобы не лишиться сенаторского места, необходимого ему ради жалованья. Мать И. А. Анненкова Анна Ивановна не изменила своих привычек барыни-рабовладелицы и отстаивала перед правительством все свои права собственницы на людей, оставленных ей отцом, знаменитым генерал-губернатором Сибири в конце XVIII в. И. В. Якобием.

Все эти Волконские, Голицыны, Давыдовы, Трубецкие, Орловы, Оболенские старались угодить императору, заслужить его милость. В лучшем случае они съеживались, чтобы их не видели, прятались в своих захолустьях, чтобы о них забыли.

И все-таки «мои друзья по 14 декабря», как называл Николай I сосланных заговорщиков, беспокоили царя в продолжение всего его 30-летнего царствования.

Началось это сразу после суда, когда в Сибирь устремились жены декабристов. Вопреки стараниям родных и отрицательному отношению императора, которому усердно помогали его министры, съехались в каторжную тюрьму — одна за другой — М. Н. Волконская, Е. И. Трубецкая (графиня Лаваль), А. Г. Муравьева (графиня Чернышева), Е. П. Нарышкина (графиня Коновницына), А. В. Розен, А. В. Ентальцева, М. К. Юшневская, П. Е. Анненкова, К. П. Ивашева, Н. Д. Фонвизина (Апухтина), А. И. Давыдова. После долгой и настойчивой борьбы с императором им удалось добиться разрешения поехать к мужьям. Их не остановили ни угрозы уравнения с мужьями в бесправии, ни опасности пути, ни тяжкие лишения на месте.

Русские женщины преодолели все препятствия. Они облегчили участь не только своих мужей, но и всех товарищей их по судьбе. Поэт-декабрист А. И. Одоевский посвятил этим женщинам, в лице М. Н. Волконской, стихотворение, в котором писал:

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край...
Луч радостный...
Не услаждал страдальческих очей...
Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны...
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли...

Декабристки боролись за облегчение тюремного быта государственных преступников, за лучшее устройство мест заключения, заставляли тюремщиков относиться к бывшим членам тайных обществ с уважением. Они доставляли утешение родственникам осужденных, лишенных права переписки, сообщая им непосредственно и через своих родных в России сведения о положении политических изгнанников. Наконец, они оказывали помощь другим каторжникам и всему населению Сибири.

Поездка жен декабристов к мужьям на каторгу окружила их в русском обществе ореолом преклонения. В политических и бытовых условиях тогдашней России эта поездка была поступком героическим. Сами они смотрели на это как на исполнение долга. Княгиня М. Н. Волконская заявляет в своих Записках: «Что же тут удивительного? Пять тысяч женщин каждый год делают добровольно то же самое».

А. И. Одоевский посвятил женам своих товарищей, кроме цитированного выше, стихотворение «Дальний путь». Оно написано по поводу приезда в Сибирь невесты В. П. Ивашева, повенчавшейся с ним в тюрьме. Приведу из него строки, выражающие в стихах то самое, что говорила много лет спустя М. Н. Волконская:

— С другом любо и в тюрьме! —
В душе молвит красна девица.
— Свет он мне в могильной тьме...
Встань, неси меня, метелица,
Занеси в его тюрьму.
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я и к нему
Притаюсь, людьми забытая[1].

Борьба жен декабристов за право разделить участь их мужей имела большое политическое значение. Отъезд в Сибирь, на каторгу, княгинь, графинь, баронесс — дочерей храбрых генералов, видных правительственных и придворных чинов, — женщин, связанных родством со всем окружением царя, рассматривался как протест про-

[1] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем, ред. Н. А. Кубасова и Д. Д. Благого. М., 1934, стр. 151 и 201.

тив отношения Николая Павловича к тем, кто мечтал об ограничении полицейского самовластья и крепостнического гнета.

Знаменитая поэма Н. А. Некрасова «Декабристки» печаталась вплоть до революции 1917 года с цензурными урезками, искажениями и под измененным названием «Русские женщины». Реакционная печать встретила произведение поэта русской революционной демократии клеветой и злобной руганью.

Их утверждения вызвали отпор со стороны лица, принадлежавшего к верхам русской аристократии и занимавшего крупные посты в царском правительстве, князя М. С. Волконского. Об этом он писал в предисловии к Запискам своей матери. Там же М. С. Волконский сообщает подробности создания Некрасовым его знаменитой поэмы. Гениальный поэт буквально придерживался в своем произведении фактического положения вещей.

В 1871 году Волконский прочитал Некрасову Записки своей матери, с которыми до 1904 года не хотел знакомить никого. «Вспоминаю, — пишет Волконский, — как при этом Николай Алексеевич по нескольку раз вскакивал и с словами: «Довольно, не могу», бежал к камину, садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэт жил нервами и какое место они должны занимать в его творчестве».

Когда «Русские женщины» появились в печати, поэт послал экземпляр Волконскому, жившему в Италии. В письме от 14 (26) марта 1873 года он сообщал Некрасову: «Поэму вашу я прочел несколько раз сам, потом прочел ее своим, в том числе моей сестре. Поэма произвела самое лучшее впечатление. Как сестра, так и я можем сказать все в ее пользу. Прочел я также нападки газет. Конечно, я не их мнения, и моего взгляда они не поколебали».

Сестра Волконского Елена Сергеевна родилась в Сибири в 1835 году. Она хорошо помнила и знала по рассказам декабристов обстановку, при которой приехали в Сибирь их жены. Нападки газет, о которых пишет

М. С. Волконский, — злобные выходки русских реакционных критиков, которым вторил французский писатель.

Клевета врагов не могла повредить ни поэме, ни ее автору, ни памяти декабристок. Вот что писал Некрасов брату Федору в 1873 году: «Моя поэма «Княгиня Волконская» имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний. Литературные шавки меня щиплют, а публика читает. Подписка на «Отечественные записки» так повалила, что печатаем второе издание» [1].

К списку жен декабристов следует присоединить имена нескольких сестер и матерей — членов тайных обществ. В 1838 году к Торсону приехали в Селенгинск его мать Шарлотта Карловна и сестра Екатерина Петровна. В 1844 году хотела поехать в Сибирь престарелая мать Бестужевых Прасковья Михайловна. Царь запретил. П. М. Бестужева умерла в октябре 1846 года, не повидав сыновей. После ее смерти, в 1847 году, приехали к Бестужевым их сестры Елена, Мария и Ольга. Просились в Сибирь жены и матери других декабристов: А. В. Якушкина, В. А. Муравьева, Н. Д. Шаховская, С. М. Бригген и другие, но получали отказ.

Тотчас после осуждения началась отправка декабристов в Сибирь. Население встречало их сочувственно почти на всем пути следования.

Не обходилось, конечно, без грубых придирок к декабристам со стороны конвоировавших их фельдъегерей. Некоторые подвергались опасности быть искалеченными вследствие стремления фельдъегерей доставить «преступников» как можно скорее к месту назначения. На примере братьев Бестужевых можно видеть, как везли декабристов в Сибирь.

Измученные тяжелым переездом «по сквернейшей Ярославской дороге, мощенной бревнами, истомленные тюремною жизнью и едва держась на тряской тележке, притом закованные», подъехали декабристы А. П. Баря-

---

[1] В. Е. Евгеньев-Максимов. Поэма «Русские женщины» в отзывах современников (по неизданным материалам). «Красная Нива», 1928, № 1.

тинский, И. И. Горбачевский, Н. А. и М. А. Бестужевы к одной крутой горе в Пермской губернии. Каждый был в отдельной тележке с одним или двумя жандармами. Все четверо — под общим наблюдением фельдъегеря. «Наш фельдъегерь, — рассказывает М. А. Бестужев, — по обычаю, саблею наголо до того избил ефесом ямщика, что когда лошади подскакали к спуску в $1^1/_2$ слишком версты и он, в ужасе ухватившись за ямщика, закричал: «Держи!», ямщик, бросив ему вожжи, ответил: «Ну, барин, ваше благородие, теперь держи сам!».

Фельдъегерь схватил вожжи, направил коней на первую к нему повозку Барятинского, спускавшуюся шагом. Брат Николай, сидевший с ним, тщетно кричал ему, что он всех погубит: фельдъегерь, как утопающий, хватался за соломинку. Вся тройка буквально вскочила в тележку Барятинского, который едва успел броситься на свою коренную и тем едва спасся от неминуемой смерти. Вся масса шести сцепившихся коней, бесясь и обрывая упряжь, спускалась тучею на телегу Горбачевского, кони которого в испуге шарахнулись, понесли под гору и, задев за мою телегу, опрокинули ее. Я, падая, повис своими железами на задней оси, а кони, испуганные падением телеги, понесли в свою очередь и повлекли меня, как Гектора за колесницей Ахиллеса.

Спасением от неминуемой смерти я обязан был только тем, что упавший ямщик, переломав правую руку в двух местах, не мог уже ее высвободить от запутавшихся около нее вожжей и, тащась под колесом, затянул левую вожжу коренной так сильно, что, притянув ее голову к самой оглобле, принудил ее завороти́ть поперек дороги и упереться в скалу, где пролегала дорога. Изнемогая от боли, я не мог шевельнуться, а между тем с ужасом видел, как масса сцепившихся лошадей повозок брата Николая и Барятинского катится на меня. И эта масса точно на меня надвинулась: поперек дороги стоявшая моя повозка их остановила, и взбешенные кони неистово били надо мною.

Три раза острые шипы подков коренной задевали мою голову, но только один раз пробили череп: два удара я получил вскользь и только сорвало кожу. Брат

Николай бросился и, с опасностью быть смятым в свою очередь, кое-как меня вытащил из-под копыт лошадей. Повозка же Горбачевского мчалась с такою быстротою, что на повороте, встретив воз с сеном, быстро повернув, выбросила далеко в сторону его, двух сидевших с ним жандармов и ямщика. Горбачевский страшно разбил все лицо, ямщик переломил руку, а один из двух жандармов, переломив крестец, умер на дороге.

Пешком, изломанные и окровавленные, мы кое-как добрались до деревни, где, благодаря брату Николаю, уцелевшему в этой катастрофе, все раненые получили первую помощь, какую возможно было получить при содействии сострадательных поселян» [1].

Ссылая декабристов в Сибирь, Николай повелел, «дабы сии преступники были употребляемы, как следует, в работу, и поступлено было с ними во всех отношениях по установленному для каторжников положению». Велено было назначить «для неослабного и строгого за ними смотрения надежного чиновника и чтобы он о состоянии их ежемесячно доносил в собственные руки» царя.

Каторжную работу осужденные должны были отбывать на различных сибирских заводах и рудниках. «Если бы мы были разосланы по заводам, как гласил закон и как уже было поступлено с семью из наших товарищей [2], — то не прошло бы и десяти лет, — пишет М. А. Бестужев, — как мы бы все, наверное, погибли, или пали бы морально под гнетом нужд и лишений, погибли бы под гнетом мук, коих история уже начиналась с нашими первыми семью нерчинскими мучениками, или, наконец, сошли с ума от скуки и мучений. Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге и, наконец, через наших ангелов-спасителей, дам, соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью, соединил нас с родными, дал нам охоту жить, чтобы не убивать любящих нас и любимых нами,

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 205 и сл.

[2] Упоминаемые Бестужевым семь декабристов: С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, А. З. Муравьев, Л. И. Якубович, А. И. и П. И. Борисовы. Был еще восьмой — В. Л. Давыдов.

наконец, дал нам материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти» [1].

Начальник Нерчинских каторжных заводов Бурнашев, по определению Бестужева — «истый заплечных дел мастер», правильно понял повеление царя. Он назначил декабристов на работы в Благодатский рудник.

Княгиня М. Н. Волконская, дочь знаменитого героя отечественной войны генерала Н. Н. Раевского, прибывшая в Благодатск вслед за своим мужем, рассказывает в Записках об этом поселении. «Тюрьма находилась у подножья высокой горы: тесная, грязная, отвратительная. Состояла из двух комнат, разделенных холодными сенями. Одна была занята беглыми каторжными. Другая комната была предназначена нашим государственным преступникам. Входная ее часть занята была солдатами и унтер-офицером, нимало не заботившимися о чистоте помещения. Вдоль стен находились сделанные из досок некоторого рода конуры или клетки для заключенных. Надо было подняться на две ступеньки, чтобы войти в них. Отделение Сергея имело только три аршина в длину и два в ширину. Оно было так низко, что в нем нельзя было стоять. Он занимал его вместе с Трубецким и Оболенским. Там было темно» [2].

Маленькое дополнение к этому описанию из Воспоминаний М. А. Бестужева: «Подчиненные постарались угодить Бурнашеву. Всех семерых заперли в темную, грязную, вонючую конуру, где они не только не могли двигаться, но даже должны были спать в три яруса от недостатка помещения. Постоянные жильцы всех тюрем, три рода насекомых, питающихся кровью и плотью несчастных, буквально покрывали их с головы до ног, мучили их днем и ночью, лишали сна, лишали силы, необходимой для тяжелой работы в глубоких рудниках; они промыслили скипидару, натирали все тело; несмотря на то, что их тело горело, как в огне, что их кожа схо-

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 209.
[2] М. Н. Волконская. Записки, 1906, стр. 44 и сл.

дила лоскутками, — голодные тунеядцы не оставляли своих жертв. О их пище, о их жизни, о грубом унизительном обращении с ними я уже не говорю»[1].

К счастью для восьми декабристов, отправленных в Сибирь сразу после объявления приговора, и для других членов тайных обществ все они вместо разных заводов и рудников направлялись с сентября 1827 года в одно место. Императору доложили, что для удобства надзора за государственными преступниками следует содержать их вместе. Назначив главным начальником сосланных декабристов генерала С. Р. Лепарского, царь поручил ему выбрать место их заключения и способ использования их на каторжных работах.

Лепарский остановился на Чите, местности с очень здоровым климатом. Здесь он начал строить тюрьму. До окончания постройки декабристы были расселены в двух домиках, огороженных высоким тыном.

К апрелю 1827 года в Чите собралось, как рассказывает в своих Записках декабрист Н. В. Басаргин, более 70 человек. «Помещение было чрезвычайно тесно. В первой комнате, аршин осьми длины и пяти ширины, жило человек 16, во второй, почти того же размера, тоже 16, а в третьей маленькой — 4 человека. В другом домике было, кажется, еще теснее. На нарах каждому из нас приходилось по три четверти аршина для постели, так что, перевертываясь ночью на другой бок, надобно было непременно толкнуть одного из соседей своих, особенно имея на ногах цепи, которых на ночь не снимали и которые при всяком неосторожном движении производили необыкновенный шум и чувствительную боль.

Теснота эта еще была ощутительнее днем. Пространства для движения было так мало, что всем нам не было никакой возможности сходить с нар, притом шум от желез был так силен, что надобно было очень громко говорить, чтобы слышать друг друга.

В обеденное время вносились в комнату козлы, на них клались доски, покрывались кое-как салфетками и

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 209 и сл.

скатертями, и на этом столе становилось кушанье. Садились же мы где было только можно, и около стола, и на нарах, одним словом, в самом разнообразном беспорядке. Ужинали тоже кое-как, и стоя, и ходя. Всякий брал свой кусок вареного мяса и ел, как и где хотел. Часто

Читинский острог

случалось, что улегшись ночью на узенькой постели своей, состоявшей из войлока, вдруг почувствуешь что-то твердое под боком и вынешь кость, оставшуюся после ужина или обеда»[1].

К осени была закончена постройка тюрьмы. Декабристы были размещены в четырех камерах. В Чите не было заводов и рудников. Каторжные работы декабристов заключались летом в засыпке на краю городка большой ямы — Чертовой могилы — землей, которую возили в тачках. Зимой мололи рожь на ручных мельницах с жерновами.

---

[1] Н. В. Басаргин. Записки, ред. П. Е. Щеголева. Петроград, 1917, стр. 105 и сл.

М. Н. Волконская сообщает, что, кроме этих работ, декабристов заставляли выполнять другие, исключительно с целью унизить их. Приказывали «чистить казенные хлевы и конюшни, давно заброшенные, как конюшни Авгиевы мифологических времен. Так было еще зимой. Когда настало лето, они должны были мести улицы» [1].

Совместная жизнь отразилась благотворно на всех декабристах. Среди осужденных членов тайных обществ было много людей, разносторонне и высокообразованных. В свободное от работ время в камерах устраивались курсы лекций, публичные чтения, занятия математикой и другими отраслями точных наук. Успешно велось преподавание языков. Значительная группа декабристов владела в совершенстве всеми новыми и древними языками культурного мира.

Большое значение имела совместная жизнь декабристов в материальном отношении. Правительство отпускало на содержание каждого государственного преступника от двух до шести копеек в день и по два пуда муки в месяц. Многие члены тайных обществ, главным образом «славяне», не получали помощи от родных вследствие их бедности. Декабристы Волконский, Трубецкой, А. и Н. Муравьевы, Нарышкины, еще кое-кто получали от своих родных денежные суммы, огромные обозы продуктов, разной утвари и вещей.

В тюрьме возникла мысль о распределении получаемых декабристами благ, если не в равных долях между всеми заключенными, то хотя бы так, чтобы обеспечить жизненные потребности неимущих. Были образованы две артели с определенными задачами и взносами соответственно средствам каждого.

Декабристов привезли в Сибирь, на каторгу, в оковах. По тогдашним законам их нельзя было заковывать в цепи. Но царю, как благодушно вспоминали декабристы в старости, «угодно было подвергнуть» их и «этой мере наказания». Цепи были сняты в конце сентября 1828 года.

---

[1] М. Н. Волконская. Записки, стр. 70.

Читинская тюрьма была временной. Для декабристов строилась постоянная большая тюрьма в поселке при Петровском железоделательном заводе, близ Верхнеудинска, Забайкальской области. Еще до завершения постройки, в начале лета 1830 года, читинцам было объявлено, что надо собираться в путь.

Многие декабристы рассказывают в своих Записках о переходе из Читы в Петровское. Двое — В. И. Штейнгель и М. А. Бестужев — оставили дневники этого путешествия. Из Читы вышли 7 августа. Переход в 600 километров совершили пешком. Заключенных разделили на две группы. Каждую окружили огромным отрядом пеших и конных войск с примкнутыми штыками и пиками на перевес. Группы шли на некотором расстоянии одна от другой. Женам разрешили следовать издали своими средствами.

Указанные меры были приняты для предупреждения побегов. Еще в Чите декабристы обдумывали план массового бегства с каторги. Рассчитывали, что солдаты охотно отдадут оружие, а частично даже присоединятся к беглецам. Имелось в виду построить судно, спуститься по системе местных рек в Амур и выйти в океан. Здесь надеялись встретить торговый корабль и переправиться в Америку.

Но декабристы недолго тешились мечтами о собственном освобождении из каторжной неволи. Было много причин, заставивших их отказаться от побега. Во-первых, в начале сибирской жизни декабристы надеялись на скорую амнистию. Эту надежду поддерживали приближенные императора Николая в беседах с родными государственных преступников. Николай Павлович распространял такие слухи для успокоения общественного мнения, сильно возбужденного жестокой расправой с конституционными мечтателями. Когда прошла острота первого тяжелого впечатления, прекратились слухи о скором возвращении декабристов к их семьям.

Во-вторых, людям, вступившим в заговор из самых высоких патриотических побуждений, трудно было представить себе возможность существования вдали от ро-

дины. Русская история не знала еще тогда примеров массового ухода из отечества по мотивам политическим.

В-третьих, было трудно рассчитывать на единодушие среди 70—80 человек, резко различавшихся между собой по своему прошлому, по всей жизненной подготовке. Могло столковаться большинство. Можно было надеяться, что меньшинство не помешает их уходу. Но читинские каторжане понимали, что положение остающихся товарищей ухудшится во всех отношениях. Этой жертвы собиравшиеся бежать не могли принять.

Наконец, осложнение внес вопрос о судьбе жен, прибывших в Сибирь. Не решались взять их с собой, чтобы не подвергать опасностям, связанным с бегством после вооруженного восстания против царских властей. Боялись оставить в руках мстительного правительства женщин, пожертвовавших очень многими житейскими благами и перенесших невероятные тяготы ради соединения с мужьями.

Декабристы решили покориться своей участи. Путешествие из Читы в Петровск длилось полтора месяца. Было много трудностей — от дождей, грязи, ночевок в юртах и т. п. Но переход имел хорошие стороны. Все время находились на вольном воздухе. Любовались природой «не через железные решетки тюрьмы». Занимались ботанизированием и астрономическими наблюдениями. Беседовали с бурятами, записывали их сказки, в которых «много оригинального остроумия». Толковали бурятам о «выгоде грамоты».

На походе и дневках государственные преступники «мечтали» об оставленных в России семьях. С грустью смотрели «на даль, ведущую туда», где «все свое». Но шли бодро. Поддерживала мысль о любимой родине. М. А. Бестужев записал стихотворение А. И. Одоевского на переход из Читы в Петровский завод. Его распевали в пути:

...В юртах засыпая, узники
Видят во сне Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь...

Камера декабристов в Читинском остроге (1829 г., рисунок декабриста Н. П. Репина)

Славим нашу Русь, в неволе поем
Вольность святую.
Весело ляжем живые
В могилу за святую Русь[1].

В пути, как было заведено еще в Чите, декабристы получали через жен иностранные газеты и журналы. Делились впечатлениями о событиях на родине и за рубежом. С большим опозданием, в середине сентября, прочитали об июльской революции 1830 года во Франции. Известие об изгнании короля «всех оживило». Торжественно отпраздновали события во Франции радостными восклицаниями, пением революционных песен.

Так подходили «к мрачной тюрьме, но все шли с веселым духом». Вот открылся «мрачный Петровский завод». Декабристы «с пригорка смотрели на свою будущую обитель и — шутили!»

На переходах члены тайных обществ беседовали о событиях, «до 14 декабря касающихся». В товарищеском обмене взглядами, взаимными поправками и дополнениями создавали исторические очерки и мемуарные произведения. Сначала в рукописном, затем в печатном виде они знакомили русское общество с задачами и целями первого русского массового революционного движения.

23 сентября прибыли в Петровский завод. За полтора месяца прошли 600 километров. Сделали 31 переход. «Весело вошли в стены своей Бастилии». Всех развели по кельям. Вступили в них, «как в преддверие гроба, но сердце было спокойно, душа тверда». «Всеобщим хохотом» встретили правила поведения в тюрьме. «Даже солдаты смеялись тем наставлениям, которые им читали».

Смех и веселье исчезли, едва декабристы разместились в своих клетках. По прибытии узников в Читу окна их тюрьмы — тогдашние, крошечные окна — заколотили на две трети досками, а снаружи приставили железные решетки. В камерах стало темно. Декабристы —

[1] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М., 1934, стр. 190.

с трудом, постепенно, завоевали дневной свет. В Петровском не пришлось заколачивать окон. Вопрос о свете был разрешен заблаговременно самим царем.

Император Николай считал себя большим специалистом в инженерно-строительном искусстве. Действительно, он имел в этой области изрядные для своего времени знания. Все проекты общественных зданий, особенно церквей и тюрем, обязательно представлялись на его утверждение. План тюрьмы для декабристов в Петровском заводе был составлен по указанию царя. Камеры в Петровской тюрьме совсем не имели окон. «Совершенно темные номера, железные запоры, четырехсаженный тын, не допускающий ничего видеть, кроме неба, должны были ужаснуть каждого», — записал В. И. Штейнгель в заключительных строках дневника 1830 года. «Я вошел в свой номер. Темно, сыро, душно. Совершенный гроб!» — так заканчивается дневник М. А. Бестужева.

В письмах к родным из Петровского за сентябрь 1830 года — легальных и нелегальных — жены декабристов открыли настоящий ураганный огонь по царскому правительству. Письма, посылавшиеся через губернатора и жандармское управление, не менее резки по содержанию, чем доставлявшиеся по оказии. Приведу несколько отрывков из писем, не отданных ввиду их содержания, адресатам. Полностью они опубликованы мною в 1925 году по архивным подлинникам в сборнике, посвященном пребыванию декабристов на каторге и в ссылке [1].

«Итак, дорогой батюшка, — писала А. Г. Муравьева знатному вельможе и царедворцу графу Г. И. Чернышеву, — все, что я предвидела, все, чего я опасалась, все-таки случилось, несмотря на все красивые фразы, которые нам говорили. Мы — в Петровском и в условиях, в тысячу раз худших, нежели в Чите. Во-первых, тюрьма выстроена на болоте, во-вторых, здание не успело просохнуть, в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не дает тепла, и это в сентябре, в-четвертых,

---

[1] Сб. «Декабристы на каторге и в ссылке». М., 1925, стр. 9 и сл.

здесь темно; искусственный свет необходим днем и ночью; за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты».

Дети Муравьевой и других декабристок находились вне тюремных камер — в домиках, которые им разрешено было выстроить в ограде тюрьмы. Это ухудшало положение матерей. Они, как пишет Муравьева, «целый день бегают из острога домой и из дому в острог». Но, если бы даже разрешили взять детей в тюрьму, — «все же не было бы возможности их там поместить: одна маленькая комнатка, сырая и темная и такая холодная, что мы все мерзнем в теплых сапогах, в ватных капотах и колпаках. Наконец, моя девочка кричала бы весь день, как орленок, в этой темноте».

«Я сообщаю это тебе потому,— добавляет Муравьева, — что я не могу выносить, что тебя под старости этак обманывают. Я нахожу, что это жестоко. Извести меня, дорогой батюшка, получишь ли ты это письмо от 1 октября, чтобы я знала, разрешено ли мне сообщать вам правду».

В таких же мрачных красках описывали жизнь в Петровской тюрьме Е. П. Нарышкина, А. И. Давыдова, М. К. Юшневская, Е. И. Трубецкая, Н. Д. Фонвизина и др.

Нападение было единодушное, стремительное, организованное. Правительство вынуждено было сдаться. Но царь постарался сделать хорошую мину «монарха милосердного» в плохой игре тюремщика.

Задержав письма, глава жандармского ведомства граф Бенкендорф сообщал генералу Лепарскому:

«В письмах от жен государственных преступников после перевода из Читы в Петровский завод к родным и даже посторонним содержатся, кажется, преувеличенные о дурном будто бы помещении их в сем остроге известия, кои должны крайне встревожить и опечалить несчастных родственников их и произвести неблагоприятное впечатление на посторонних лиц.

Я счел долгом доложить о сем государю, который повелел просить вас, дабы внушили состоящим в ведомстве вашем женам государственных преступников, что им не следовало бы огорчать родителей своих и чужих род-

ственников плачевным описанием участи, коей их мужья со своими соучастниками подвергнуты в наказание, ими заслуженное, коей нельзя переменить и к облегчению коей сделано уже все, к чему только августейшие чувствования человеколюбия, сострадания и снисхождения могли побудить монарха чадолюбивого, милосердного и правосудного. Что государь, получив рапорт о Петровском заводе, сам повелел сделать светлые окна, что жены должны помнить убедительные пламенные просьбы, с которыми обращались ко мне и другим особам о разрешении ехать под какими бы то ни было условиями, должны покориться смиренно своей судьбе и безропотно пользоваться дарованною им возможностью разделять и услаждать участь своих мужей. Что особенного помещения для их детей нельзя сделать, ибо нельзя предвидеть, сколько будет еще сих несчастных жертв любви необдуманной».

В заключение этого фарисейского письма начальник жандармского ведомства просит генерала Лепарского сообщить, как будет принято «помянутыми женами» его описание забот чадолюбивого монарха о спокойствии родителей и родственников государственных преступников.

Все прелестно в этом письме: и августейшие чувствования человеколюбия; и участь мужей, к облегчению коей сделано уже все; и грубое напоминание о том, каким издевательствам подвергались жены декабристов со стороны «особ», от которых зависело дарование им возможности «услаждать участь» своих мужей; и ложь о том, что правосудный монарх сам велел сделать светлые окна; и, наконец, наглое заявление о детях декабристов как о «несчастных жертвах любви необдуманной».

В действительности, Николай Павлович велел прорубить в Петровской тюрьме окна лишь после того, как в столичном обществе прошел гул возмущения по поводу дикого отношения царских тюремщиков к своим жертвам. Окна пробили под потолком, узкие — в четверть аршина высотой, летом 1831 года. Не было возможности читать и писать. Декабристы нашли выход. Устроили нары, на которых занимались лежа или сидя, сгорбившись. Нары приспособили так, что на ночь их опускали к полу.

Что касается несчастных жертв «необдуманной любви», то судьба посмеялась над сердобольным шефом жандармов: дочь графа Бенкендорфа вышла замуж за сына сестры декабриста — Софьи Григорьевны Волконской, а дочь этой дочери, внучка шефа жандармов Елизавета Григорьевна Волконская вышла замуж за сына декабриста М. С. Волконского, родившегося в Петровском заводе вскоре после переезда туда декабристов.

Еще в Чите декабристы, наряду с изучением математики, астрономии, биологии, языков, занялись освоением различных ремесел. Очень скоро бывшие дивизионные генералы, гусарские полковники, императорские кавалергарды, майоры генерального штаба, капитаны и лейтенанты военно-морского флота показали превосходное искусство во всех ремеслах, от тончайших — оптического и часового — до кузнечного и сапожного. Проявили при этом находчивость и блестящую изобретательность в приспособлении первобытных и грубых инструментов к сложным техническим работам. Все это облегчало им пребывание в тюрьме, скрашивало годы заключения, улучшало бытовые условия, создавало популярность в Сибири. Все это имело большое воспитывающее влияние на местное население.

Братья Николай и Михаил Бестужевы были переведены 8 августа из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую, где просидели свыше года. Указом 22 августа вечная каторга была заменена 20 годами. В октябре 1827 года их отправили в Нерчинские рудники — на каторжную работу.

Николая Бестужева можно было разжаловать, лишить всех прав, заковать в цепи, называть его в документах каторжником. Полуграмотный, полупьяный начальник конвойной команды мог говорить ему «ты», замахиваться на него саблей, заставить его мести улицу и выносить парашу. Но никто не мог отнять у Бестужева его образования, талантов, горячего патриотизма, который поддерживал бодрость духа. Пожертвовав идее освобождения родины от крепостничества и аракчеевщины своим материальным благополучием и свободой, он продолжал

служить отечеству всеми помыслами, большими знаниями.

Родной флот занимал в мыслях и сердце Н. А. Бестужева первое место. Еще в Чите, «в период нашего хаотического существования, — рассказывает в Воспоминаниях М. А. Бестужев, — брата Николая занимала задушевная его мысль, запавшая в его душу с тех пор, как он посвятил себя морю. Эта заветная мысль, преследовавшая его до последней минуты жизни, была — упрощение хронометров. Следя за развитием мореплавания, он с прискорбием видел, что год от году крушение кораблей умножается и главною причиною крушений была, почти всегда, неверность определения пункта корабля в критический момент крушения от неимения хронометра, который, по дороговизне, был доступен только богачам. Он замыслил упростить его и сделать всем доступным. Время было вдоволь, но недоставало средств. Добыл всякими неправдами нож и маленький подпилок, начал с устройства токарного станка, необходимого для устройства часов. С такими ничтожными средствами, посреди бесчисленных лишений и препятствий от праздных и любопытных зрителей, он сделал часы, соответственные его идее, и подарил их А. Г. Муравьевой в благодарность за ее внимание к его труду, в благодарность за выписку полного часового инструмента, даже без его ведома. Комендант Лепарский, сочувствуя делу и ослабляя постепенно строгую инструкцию, позволил брату Николаю пользоваться инструментами» [1].

Научно-исследовательская деятельность Н. А. Бестужева в Сибири вообще связана с его основной профессией моряка. В Селенгинске он устроил обсерваторию, где производил метеорологические, астрономические и сейсмологические наблюдения. Вот как описывает Николай Александрович устроенный им сейсмический прибор: «Частые землетрясения навели меня на идею повесить на проволоке 20-фунтовое ядро со шпилькой внизу. Эта шпилька опущена концом в ящик с мелким песком и при каждом землетрясении чертит его направление; но тут

---

[1] Бестужевы. Записки, стр. 213 и сл.

открылось другое: шпилька показывает тихое колебание почвы, и как я веду метеорологический журнал, где записываются также возвышение и понижение воды в Селенгинске, то согласие убыли и прибыли воды поразительно. Сверх того я устроил верные часы: погрешности их точно так же соответствуют колебаниям почвы. Если шпилька неподвижна, часы мои делают погрешности, не превосходящие нескольких десятых секунд, но за секунду не переходят. Я поверяю их еженощно по звездным наблюдениям, для чего у меня род пассатного инструмента с трубою».

Занимало его также состояние отечественного торгового флота. В своей статье о свободе торговли (см. ниже) Н. А. Бестужев с горечью писал об отсутствии в России «собственного торгового мореплавания». Между тем оно могло бы способствовать развитию благосостояния нашей страны вообще и отечественного флота в частности.

При всем многообразии своих интересов и занятий в Сибири декабристы-моряки всегда помнили и любили родной флот. Он занимал в их мыслях первое место. Читинские и петровские каторжники, сибирские поселенцы радовались победам русского флота, писали о его улучшении. В 1841 году М. А. Бестужев писал сестре из Селенгинска от себя, от имени брата Николая и К. П. Торсона: «Усердно прошу прислать «Ученые записки морского департамента». Мы все трое служили в море, все мы интересуемся знать состояние нашего флота. Нам бы очень было приятно следить за развитием этого морского гиганта. Если можно, то не худо бы прислать хоть за несколько лет назад» [1].

Во время Крымской войны братья Бестужевы, как и все декабристы, волновались за судьбу родного флота и Севастополя. Их письма отражают эти волнения, вызванные горячим патриотизмом и страстною любовью к родине.

В Сибири получили широкое развитие многосторонние и всеобъемлющие способности Н. А. Бестужева

---

[1] М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири, ред. М. К. Азадовского и др., вып. I. Ирк., 1929, стр. 102 и сл.

в области искусства и ремесел. Там он сумел выявить свои незаурядные дарования, большие познания в естественных науках, изобретательность, граничащую с гениальностью, замечательную трудоспособность.

Он устраивал мельницы, выделывал земледельческие орудия, приспособлял средства передвижения к сибирским путям, занимался показательным земледелием, садоводством и скотоводством, оптическим, часовым, ювелирным, слесарным, кузнечным, токарным ремеслами, портняжством и мн. др. Все эти работы Николай Александрович выполнял не как любитель, а как настоящий, признанный мастер. Он заботился о распространении технических знаний в стране, обучал местных жителей тончайшим ремеслам. Один из таких учеников Бестужева делал превосходные оптические приборы.

По свидетельству современника декабристов П. И. Першина «дельный, умный Н. А. Бестужев не раз говорил и советовал барыням, чтобы они вместо мелкого благотворения положили куш денег, на проценты с которого содержалось бы ремесленное училище на 50 человек».

— Вот этим вы сделаете истинно доброе дело, — говорил он, — и оставите по себе хорошую память.

Николай Александрович любил охоту и сам сделал для себя все охотничьи принадлежности. Разрабатывая ружейный замок, Бестужев довел его до высокой степени совершенства. Его изобретение было через генерал-губернатора послано в Петербург для использования в армии.

Распространяя культуру на местах ссылки, декабристы старались передать всему народу все то хорошее, что находили или сами устраивали в Сибири. Н. А. Бестужев печатал в Трудах вольного экономического общества — через посредство своих друзей и от их имени — статьи по вопросам земледелия и др. В предисловии к статье о сидейках — легкий экипаж, приспособленный к трудно проходимым и плохо устроенным дорогам, изобретенный обоими братьями, — Николай Александрович писал: «Вовсе не желаю, чтобы эта выдумка была под нашим именем, но приятно бы было видеть, если бы она пошла на пользу соотечественникам русским, как она оказалась полезною, легкою и удобною сибирякам». При статьях

были чертежи, наглядно показывающие, как сооружать данные приспособления и как ими пользоваться.

В Сибири Н. А. Бестужев продолжал литературную деятельность в различных жанрах. В письме к брату Павлу от 11 декабря 1836 года он заявлял: «Всякий может писать, когда знает предмет, о котором говорить намерен, какого бы он роду ни был. Если ты знаешь хорошо людей, изобрази оттенки их характеров; если познакомился с сердцем человека — покажи его темные уголки, а их еще много и не все изведаны физиологами; первое условие — пиши только то, что хорошо знаешь. Говорят, что поэты могут описывать то, чего они не знают и не видывали; могут изобретать или угадывать интуитивно, но их письмо — гиероглифы; их образа — подобия; их истина — только сравнение; часто своею фантасмагориею они наводят нас на правду; мы как будто начинаем чувствовать ее близость, предвкушать ее присутствие».

В том же году Н. А. Бестужев писал брату Александру о русском литературном языке: «Мнение твое насчет усвоения языку нашему различных размеров (если можно так выразиться, говоря не о стихах) совершенно справедливо. Наш звучный язык также и гибок, но он имеет удивительное логическое свойство: он гнется во все стороны как угодно до тех только пор, пока это не противно его природе. Ты знаешь его природу очень хорошо; ты выгнул из него множество новых форм; но иногда на тебя приходит каприз ломать его, полагая, что и это тебе также сойдет с рук; но в этих случаях видна трещина, спай, вставка — и об этих-то капризах у нас и идет с тобою спор. Эти-то противные логике русского языка вставки часто и портят все дело».

В других письмах много интересных критических замечаний Н. А. Бестужева о литературной деятельности А. А. Бестужева-Марлинского. В Сибири Н. А. Бестужев написал очерк событий 14 декабря 1825 года и характеристику поэта-революционера К. Ф. Рылеева.

Большой интерес представляет статья Н. А. Бестужева «О свободе торговли и вообще промышленности», написанная в 1831 году. Бестужев имел в виду напеча-

тать ее, но это ему не удалось. Она опубликована в 1933 году в собрании статей и писем Николая Александровича. «Странно, что по какому-то естественному ходу человеческих понятий самые простые и ощутительные истины открываются после, нежели многосложные и мудреные проблемы, которыми человек сам загораживает себе дорогу на пути к этим истинам, — так начинает Бестужев свой очерк.

Отметив, что «величайшая и вместе простейшая истина политической экономии» — свобода торговли (для России крепостнической) — «заменяется различными системами и теориями», Бестужев пишет: «До сих пор история писала только о царях и героях; политика принимала в рассуждение выгоды одних кабинетов (правительств); науки государственные относились только к управлению и умножению финансов — но о народе, его нуждах, о его счастии или бедствиях мы ничего не ведали и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастие государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений; нынешний только век понял, что сила государств составляется из народа, что его благосостояние есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство» [1].

Дальше автор разъясняет, что государство — «это не несколько лиц, управляющих оным, не несколько сословий, находящих выгоду в стеснении прочих, но вообще народ».

Своими целями и действиями «правительство должно сближаться с народом, а не удалять его своими мерами».

Свою статью о торговле и промышленности Бестужев читал товарищам в казематах. Декабрист А. П. Беляев рассказывает о таких чтениях в Петровской тюрьме. «В середине устроено было особое большое здание для обширной кухни. Оно разделялось на две половины; в одной были кухни, а в другой большая зала для обеда

[1] Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М., 1933, стр. 93

и для собраний как по делам артелей, так и по другим совещаниям, касавшимся нашего хозяйственного и общественного порядка.

В этой зале происходили также публичные чтения из разных отраслей знания. Здесь читал математику по Франкеру Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин, который был преподавателем еще в муравьевском училище. Спиридов читал свои записки на историю средних веков, Оболенский читал философию, Одоевский курс, им составленный, русской словесности, с самого начала русской письменности, и русскую грамматику его сочинения. Сколько могу припомнить, Никита Михайлович Муравьев и Репин читали из военных наук. Другие читали свои переводы, в том числе и мы с братом, Петр Александрович Муханов читал своего сочинения повесть «Ходок по делам». Свои статьи читали и другие, как то: Басаргин, Николай Бестужев и еще не помню.

Это устройство так называемой академии было самою счастливою мыслью достойно образованных и серьезных людей, и она давала настоящую работу тем, которые принимали на себя чтение какого-нибудь предмета. Тут также были прочтены некоторые песни из поэмы «Василько» Одоевского и другие его стихотворения»[1].

Еще одна сторона деятельности Н. А. Бестужева занимает видное место в его биографии — изобразительное искусство. Многие декабристы сообщают о большом мастерстве Николая Александровича в этой области, о сходстве написанных им портретов с оригиналами, о быстроте его работы. Он писал портреты маслом, большей частью акварелью, часто карандашом. Несколько портретов его работы воспроизведено автотипически в настоящей книге.

Известно около 80 портретов декабристов работы Н. А. Бестужева. С некоторых он писал по два-три различных портрета. Он написал не меньше 10 портретов жен, сестер и других родственников декабристов, свыше 20 портретов посторонних лиц. Последних было неизмеримо больше, так как в 40-х и 50-х годах Николая

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста, стр. 240 и сл.

Александровича приглашали в крупнейшие сибирские центры для писания портретов представителей местной администрации и купечества.

Написал также Н. А. Бестужев много картин на исторические темы. Некоторые находятся в сибирских музеях. Известно несколько десятков видов Читы, Петровска и других местностей, зарисованных Бестужевым.

При Николае I и в начале 60-х годов портреты декабристов работы Бестужева распространялись разными способами вопреки запрету правительства и преследованию жандармов. После 1905 и 1918 годов огромное большинство бестужевских портретов и тюремных видов воспроизведено в различных изданиях, посвященных декабристам.

М. А. Бестужев также проявил значительные способности в различных технических производствах. Одним из его изобретений в области мореходства было предложение «заменить гребные колеса и винты пароходов другим двигателем — двумя закрытыми цилиндрами в кормовую подводную часть корабля, во внутренности коих два глухие пистона, попеременно действующие, выгоняя воду из одного цилиндра и втягивая воду в другой, должны неминуемо сообщить кораблю поступательное движение вперед» [1].

В каторжных тюрьмах М. А. Бестужев возобновил прерванное событиями 1825 года занятие литературой. Однако и теперь он не решался отдавать свои рассказы и повести в печать. Памятником литературной деятельности Михаила Александровича являются содержательные, написанные хорошим литературным слогом воспоминания. В них рассказы о событиях 1825 года, о заключении декабристов в российских крепостях, об их жизни в Сибири — на каторге и в ссылке. Дает он яркие характеристики братьев, особенно Николая, и многих лиц, с которыми встречался.

В 1839 году кончился срок каторжных работ братьев Н. и М. Бестужевых. Местом их поселения был назначен

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 318 и сл.

маленький городок Селенгинск, Иркутской губернии. Ныне это большой культурный центр Бурят-Монгольской АССР.

Н. А. Бестужев умер, как жил, жертвуя своим личным благополучием для других. В 1855 году Николай Александрович возвращался из Иркутска в Селенгинск. Переезжая в сильный мороз Байкал по льду, он отдал свою теплую верхнюю одежду плохо одетой женщине. Простудившись дорогой, он по приезде домой слег и 15 мая умер. Последние его слова были:

— Держится ли Севастополь?

М. А. Бестужев надолго пережил старшего брата. После амнистии 1856 года он по семейным обстоятельствам оставался в Селенгинске. В 1867 году он выехал в Москву. Умер 21 июня 1871 года.

Константин Петрович Торсон после суда был оставлен в Петропавловской крепости. Царь снизил ему вечную каторгу в июле до 20 лет, а в день своего коронования — до 15 лет. В начале 1827 года его привезли в Сибирь.

В Чите, как впоследствии в Петровске, Торсон преподавал в казематных «академиях». Читал лекции о сельском хозяйстве, о финансах и политической экономии и др. Декабрист А. П. Беляев пишет в Воспоминаниях: «В Чите мы одно время занимались изучением земледелия и вообще хозяйства, читали по этому предмету книги с Константином Петровичем Торсоном, который основательно изучил этот предмет и написал несколько весьма интересных проектов об улучшении экономического положения России. Не знаю, сохранились ли где эти рукописи, но они были замечательны по своей строгой отчетливости, новизне взгляда и показывали, какими разнообразными сведениями обладал этот человек» [1].

Упоминаемые Беляевым рукописи Торсона хранились у декабриста А. Е. Розена. До настоящего времени они не обнаружены.

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста, стр. 310 и сл.

О содержании сибирских рукописей Торсона сообщает в своих Воospминаниях М. А. Бестужев: «В Чите и Петровском каземате он исписывал целые груды бумаги о преобразовании флота, даже о преобразовании самого правления — утопия, где он хотел соединить самодержавие с конституционными порядками. Он заставлял меня выслушивать их по целым часам. Таинственно сообщал мне свое намерение переслать все это к государю. Не сомневался, что Николай Павлович примет его проекты как дар неба, простит его, приблизит к своей особе. Открывал мне свою душу и признавался, что это он делает для меня, и просил сказать откровенно: чего я хочу? О чем он должен ходатайствовать у царя?» [1].

В этих утопиях отразился душевный недуг, овладевший Торсоном после суда. Заключение в крепости положило начало болезни. Тяжелая обстановка тюремной жизни в Чите и Петровске усилила ее. Некоторое утешение принесла Торсону работа над проектом земледельческой машины, которой он занимался для облегчения труда крестьянина и улучшения отечественного сельского хозяйства. Проект был разработан во всех подробностях.

Идея захватила Торсона полностью. Но пока он числился в каторжниках, не было возможности приступить к постройке машин. Готовясь к выходу на поселение, он заказал в Петровском заводе различные металлические части к ним. Он и сам занимался в тюрьме различными ремеслами, хорошо понимал процессы производства и руководил изготовлением заказанных частей.

Срок каторги Торсона кончился в 1835 году. Он вышел на поселение в Акшинскую крепость, Иркутской губернии. Еще раньше там был поселен декабрист полковник П. В. Аврамов. Вскоре после приезда Торсона в Акшу Аврамов тяжело заболел. Константин Петрович забросил все проекты, проводил дни и ночи в уходе за товарищем.

Сообщая Н. А. Бестужеву о болезни Аврамова, причина которой, по его словам, заключалась в условиях

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 304.

жизни декабристов на каторге и в ссылке, Торсон писал в 1836 году другу о своих машинах. «Мое желание было сделать машину на пользу живущих в нашем селении и при этом лучшим моим мастеровым показать и рассказать все так, чтоб в другом месте сами без меня могли сделать подобную». Между тем находились люди, которые готовы были действовать против Торсона как врага. «Впрочем, — пишет он, — ежели в Англии Аркрайта за изобретение Муль-джени едва не убили камнями, то мне должно считать себя благополучным, что за желание доставить машиною пользу им они не поступили со мною еще хуже» [1].

В следующем письме Торсон дает Бестужеву поручения по своим техническим проектам. Все — в интересах местного населения. «Узнай и уведомь, — пишет он, — может ли Морозов сделать машину для резки соломы, или, как называют, делать сечку; чего она будет стоить и к какому времени может поспеть, дабы устроиться присылкою. Такая машина необходима для здешнего скотоводства. Осведомься, если мне понадобится токарный станок чугунной, какой сделан в заводе по англин. чертежу, можно ли будет его заказать в заводе и чего будет стоить. Быть может, что такой станок обойдется дешевле из Петербурга; на такой случай я попросил бы у тебя чертеж; у меня не знаю, как случилось, а его нет».

Так как в Акшинской крепости невозможно было даже приступить к постройке машин, Торсон просил перевести его оттуда. «Я просил поместить меня поближе к хорошим заводам на Урале, — передавал он Бестужеву содержание своего обращения к генералу Бенкендорфу. — Но если мне должно оставаться в Восточной Сибири, тогда я желал бы заниматься в небольшом городке, селе, по близости Петровского завода. Меня тотчас поместили за Байкалом. Если явно показывают мне пред всеми прочими особенное желание недоброжелательства, то на это скажу от чистого сердца: «Бог с ними, пусть делают,

---

[1] К. П. Торсон. Письма к Н. А. Бестужеву, в сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 35.

что хотят, только бы не мешали мне заниматься, как бы я желал на пользу людей вообще».

В то же время Торсон продолжает знакомить правительство со своими проектами. Чтобы придать своей мечте единственно доступный жандармскому пониманию вид, приходилось выдвигать на первый план интересы материальные. Мы видели, что меньше всего Константин Петрович имел в виду извлечь выгоду из своего изобретения.

«Имея мать в преклонных летах, — писал Торсон иркутскому губернатору, — подверженную частым болезненным припадкам, и сестру, находящихся в бедном состоянии, я в течение моего 10-летнего заключения искал возможности доставить им какое-либо вспомоществование. Для этого занимался механическими упражнениями. Испытывая в моделях различные машины, имел случай сделать упрощение молотильной машины. Видя пользу ее введения в общее употребление, еще из Петровского каземата я просил известить мою сестру с тем, дабы она испросила позволение мне составить чертеж и описание этой машины и доставить к ней, чем надеялся доставить помощь моим родным и помощь людям вообще» [1].

В это время Торсон был уже переведен в Селенгинск. «Приготовляясь к механическим занятиям на новом месте, — писал он губернатору, — прежде, нежели обстоятельства могли бы доставить мне возможность составлять чертежи и описания и их отправлять к моей сестре, я желал отправить к ней общий взгляд на распространение и изобретение машин». Этот общий взгляд Константин Петрович изложил в статье, которую местная администрация не хотела отослать его сестре. Селенгинскому городничему было приказано вернуть статью «преступнику Торсону с объявлением, что предписанием графа Бенкендорфа не дозволяется государственным преступникам к кому-либо посылать свои сочинения, как не соответствующие положению преступников».

Торсон повел усиленную борьбу с этим запретом. «Если общее распоряжение, — писал он иркутскому гу-

[1] Ф. А. Кудрявцев. Декабрист К. П. Торсон в Забайкалье, сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 84.

Н. А. Бестужев рисует портрет брата Михаила (автопортрет)

Серг
нени
писы
путе
и с
ситу
каз
ным
как

Тор
ноч
на
же
хо
го

но
об
но
ма
пре
чер

жа
Де
вещ
нев
вет
тиг
веч
я х
сом
посл
очен
моло
завед

брюс
сева.

16 м

бернатору, — запрещающее доставлять какие-либо сочинения и к кому бы то ни было, не дозволяет, чтобы мое письмо с прилагаемою статьею отправить обыкновенным путем к моей сестре, то прошу препроводить мое письмо и статью к начальнику жандармов и прошу вас испросить его разрешение (подобно как прежде в Петровском каземате мне позволено было) доставлять к моим родным описание самих машин или их приложение так же, как эту статью и письмо».

Губернатор отказал в пересылке статьи. Он сообщил Торсону, что «не может ходатайствовать об исключительном дозволении на отправление таковых сочинений и что на новом месте жительства он, Торсон, стараться должен о прочном заведении и устройстве своего сельского хозяйства, от коего мог бы со временем получать выгодную для себя пользу».

Борьба была длительная и тяжелая. В архиве главного управления Восточной Сибири сохранились два объемистых дела: «О присылке к сестре государственного преступника Торсона чертежа по изобретенной им молотильной машине», «О дозволении государственному преступнику Торсону посылать к родственникам своим чертежи и описания на изобретаемые им машины» [1].

В конце концов статья Торсона была отправлена в жандармское управление для отсылки сестре Торсона. Дело от этого не подвинулось вперед. Такое положение вещей угнетало Константина Петровича. Он страдал от невозможности быть полезным крестьянам. Бестужев советовал ему не увлекаться постройкой машин. Это поглотит все его средства и расходы не окупятся. Торсон отвечает другу: «Ты, мой добрый Николай, говоришь, чтоб я хорошо обдумал, строить ли мне машину; что ты не сомневаешься в том, что я ее сделаю, что люди съедутся посмотреть да и только. С одной стороны, ты прав, я очень хорошо это знаю. Часто слышав ответ «делайте молотильную, хоть бы посмотреть», я буду осторожен в заведении мастерской, чтоб не устроить ее понапрасну.

[1] Б. Г. Кубалов. Архив декабристов, сб. «Сибирь и декабристы», ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубасова. Ирк., 1925, стр. 189 и сл.

Но относительно постройки молотильной, то меня убеждает, что, увидевши, с какою легкостью и чистотою она вымолачивает зерно, мелкие земледельцы сами пожелают избавить себя от труда работать. Когда у Беляевых увидели, что машина чисто вымолотила ячмень, то многие стали просить позволения в будущую осень привезти свой хлеб (они построили у себя весною). Беляевы не делали опыта заставить обмолотить цепом, как обыкновенно это делают, и потом обмолоченную солому пропустить сквозь машину, и этим показать, сколько машина доставит еще зерна, которое теряется от нечистой работы цепом»[1].

Научить местных земледельцев хорошим приемам работы Торсон считал необходимым. При первобытном способе, которым они пользуются, пропадает много труда и продукта.

Торсона перевели в Селенгинск в 1837 году. В следующем году приехали к нему мать и сестра. Это ободрило Константина Петровича, придало ему силы бороться за облегчение труда земледельца. Машина Торсона была сооружена, оправдала себя на работе. Но местное население не было подготовлено к пользованию ею, а царская администрация относилась к идее Торсона безучастно. Машина стояла в бездействии перед домом изобретателя. Константин Петрович снова впал в уныние. Трагедия Константина Петровича заключалась в том, что он слишком опередил свое время.

Связанные с этой историей волнения подорвали здоровье Торсона. Любившие его братья Бестужевы с окончанием срока их каторжных работ добились разрешения поселиться в Селенгинске. Их усилия помочь другу разбивались о действительность. Полицейское самовластье погубило талантливого ученого моряка, горячего патриота, чьи помыслы были направлены на благо отечества, чья жизнь была целиком посвящена родине.

6 декабря 1851 года К. П. Торсон умер в Селенгинске. Там же он и похоронен. Рядом с могилой Торсона похоронили спустя четыре года Н. А. Бестужева.

---

[1] К. П. Торсон. Письма к Н. А. Бестужеву, стр. 38 и сл.

Антону Петровичу Арбузову царь в день своего коронования заменил вечную каторгу двадцатилетней. После суда его отправили в крепость Роченсальм, в Финляндии. Там он просидел в форте «Слава» свыше года вместе с И. Д. Якушкиным, М. И. Муравьевым-Апостолом, А. А. Бестужевым-Марлинским и А. И. Тютчевым. О пребывании всех их в форте «Слава» рассказывает И. Д. Якушкин в своих Записках. Сообщения об Арбузове носят общий характер и не заключают в себе ничего о его взглядах и занятии.

Летом 1827 года заключенных запросили, не хотят ли они оставаться в крепости весь срок каторжных работ. Все отказались. В начале октября Арбузова с товарищами отправили из Роченсальма в Сибирь. На всех надели ножные оковы. В Шлиссельбурге пришлось остановиться на несколько часов ввиду крайней слабости Арбузова.

Близ Ладоги, в станционном доме, Арбузова встретил его старший брат отставной капитан-лейтенант Егор Петрович. «Трогательно было видеть взаимную их нежность при этом свидании», — пишет И. Д. Якушкин. Дальнейшее, однако, характеризует Е. П. Арбузова не так привлекательно. «Помещик Арбузов привез с собой пирожков, жареной дичи и несколько бутылок вина. После обеда он продолжал нежничать с братом; но нежность его не определилась ничем существенным, и я решился, взявши его в сторону, спросить у него, привез ли он денег брату; он мне отвечал, что не привез ничего, потому что у него не случилось денег; на это я ему решительно сказал, что если он в самом деле любит брата, то должен с нами поехать в Ладогу, занять там тысячи две и снабдить ими своего брата. Он стал меня уверять, что непременно догонит нас в Ладоге, но что прежде ему необходимо повидаться с женой и посмотреть, не найдется ли у них чего-нибудь дома. Все это вместе показалось мне отвратительно. Этот человек владел именем своего брата после того, что брат его был лишен верховным уголовным судом всех прав и состояния; он знал заблаговременно, что брат его будет отправлен в Сибирь, и выехал к нему на свидание с одними только

нежными обниманиями и послушной слезой. В Ладогу он не приехал, в продолжение десяти лет не писал брату и не посылал ему никакого вспомоществования, но потом стал писать нежные письма и присылать ему порядочное содержание» [1].

Якушкин пишет, что Е. П. Арбузов стал присылать брату помощь через десять лет после отправки его в Сибирь. Но в письме М. М. Спиридова к И. И. Пущину от 4 апреля 1841 года сообщается, что Арбузов «живет умеренно и воздержно. Брат его все обещает и по сю пору ничего не сделал».

Сидение в форте «Слава» отразилось на здоровье Арбузова так плохо, что в пути его приходилось вносить на станции на руках. Видевший его в Томске сенатор Б. А. Куракин писал Бенкендорфу, что Арбузов имел очень грустный вид. Декабрист А. Ф. Фролов рассказывает в Воспоминаниях, что Арбузов в Сибири сильно хворал.

В 1832 году срок каторги был уменьшен Арбузову до 15 лет, в 1835 году — до 13 лет. Еще до ареста Арбузов занимался различными техническими изобретениями. Он изобрел хороший способ закалки стали, принятый в производстве. В тюрьмах Арбузов не мог продолжать этих работ. В Чите и Петровске он проявил себя как хороший закройщик.

Каторжные работы Арбузова кончились в 1839 году. Он был поселен в селе Назаровском, Ачинского округа, Енисейской губернии. В упомянутом выше письме М. М. Спиридов сообщал И. И. Пущину, что Арбузов «завел маленькую пашню и несколько ульев и кое-как перебивается. Все единогласно говорят об нем с большою похвалою» [2].

В Назаровском Арбузов жил в большой дружбе с крестьянами. Умер он там в январе 1843 года и завещал все свое имущество крестьянам. Так как декабристы были лишены права распоряжаться своим достоянием,

---

[1] И. Д. Якушкин. Записки, изд. 7-е. М., 1926, стр. 112.

[2] Письма декабристов к И. И. Пущину. «Записки отдела рукописей Всесоюзной Библиотеки имени В. И. Ленина». Вып. 3-й Декабристы. М. 1939, стр. 37.

то Арбузов заявил в завещании, что перечисленным там крестьянам он возвращает взятое у них в долг.

Еще продолжал тяготеть над Д. И. Завалишиным смертный приговор верховного уголовного суда, как над ним разразилась новая беда. Ему грозило исключение из списка тех осужденных «к отсечению головы», которым царь в монаршем милосердии готовил замену казни вечной каторгой. «Вдруг получаю бумагу, — рассказывает Д. И. Завалишин, — где говорилось, что на меня сделаны новые показания, обвиняющие меня в государственной измене, и что если я не сознаюсь во всем немедленно и не раскрою всего, то неминуемо буду предан смертной казни. Показание состояло в том, что я был будто бы в сношениях с иностранными правительствами и получал от них огромные суммы для произведения смут в России».

Д. И. Завалишин потребовал очной ставки с доносчиком, «способным на такие лживые показания, которые прямо вели на эшафот». «И вот, — пишет он, — на очной ставке оказалось, что ложным доносчиком, который вел меня на виселицу, был облагодетельствованный мною мой младший брат Ипполит» [1].

Ипполит Завалишин родился в 1809 году. Во время суда над декабристами ему было 17 лет и он состоял юнкером артиллерийского училища. Старший брат рассказывает, что Ипполит «не только дурно учился, но и вовлекся в разные дурные дела. Дурные наклонности, развившиеся дома по смерти отца, не могли быть исправлены в училище». Когда Д. Завалишин вернулся в 1824 году из Америки, он нашел Ипполита «запутанным в одно из таких дурных дел, которое грозило ему позорным наказанием». Дмитрий уладил дело.

Младший брат продолжал вести себя дурно. Непомерное честолюбие, жажда выделиться, выдвинуться, хлестаковская мания величия, неразборчивость в средствах были свойственны Ипполиту.

В конце июня 1826 года он явился на Елагин остров, пробрался на царскую дачу, остановил Николая Павло-

[1] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 251.

вича во время прогулки и подал ему «всеподданнейшее донесение».

Император принял бумагу, велел посадить юнкера под «строжайший караул» и приказал произвести расследование. В «донесении» Ипполита Завалишина сообщалось: «Движимый усердием к особе и престолу вашего императорского величества и ныне имея случай открыть уже тайну, долго тлевшуюся под скопищем различных непредвиденных обстоятельств, спешу очистить сердце, горящее любовию к отечеству и царю справедливому, от ига, его доселе угнетавшего».

Заявляя, что брат его занимался шпионажем в пользу иностранных держав, Ипполит Завалишин называл четырех друзей брата и родственников, участников его преступления. Он просил царя «позволить ему съездить на время в Казань и в Симбирск, дабы, по связям родства, между ними существующими, узнать их намерения и тем доказать его величеству преданность и усердие» [1].

Через два дня И. Завалишин послал царю второе «донесение» с новым списком преступников-шпионов, которые в первом «донесении не означены». Пересылая доносы Ипполита, начальник учреждения, где И. Завалишин содержался под арестом, заявлял, что этот юнкер «нравственности дурной; имеет горячую голову, склонную ко всему дурному; он ветрен, самонадеян, вольнодумец, льстец, думает всякого разговорами своими обмануть. Во время нахождения его под арестом сказал: «Если бы государь император, читав мои бумаги, мог читать, что у меня в сердце, то он послал бы меня к чорту». Он считает, что он донесением своим государю императору сделал как государю, так и отечеству большую услугу, за то и ожидает быть флигель-адъютантом!» [2].

Была устроена очная ставка обоим братьям. Согласно протоколу ее юнкер Завалишин «отказался от некоторых показаний своих; сознался, что иные из них сделал гадательно, другие по наслышкам, прочие же подтвердил,

---

[1] В. П. Колесников. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. Ред. и вступит. статья П. Е. Щеголева. Спб., 1914, стр. VIII и сл.

[2] Там же, стр. XI и сл.

присовокупив, что сам он видел у брата своего мешки с английскими гинеями и немецкими талерами на сумму, как полагает, 10 т.; на вопрос же: какой штемпель на гинеях — отозвался незнанием».

Дмитрий Завалишин дал по всем пунктам доноса разъяснения, опровергнув выдумки брата. Он доказал, что «большую часть разговоров приписывает брат ему либо в тех местах, где он в то время вовсе не был, либо с теми лицами, коих он отроду не видывал. О деньгах же объяснил, что в числе их не было вовсе гиней, а находилось около 150 червонцев, 50 или 60 испанских пиастров и несколько голландских ефимков, коими все на фрегате получали жалованье, в том числе и он до 7 т., из которых и осталась у него означенная им сумма».

Вернувшись после очной ставки под арест, Ипполит Завалишин послал царю новое «всеподданнейшее письмо»: «Видя высокие чувства преданности и любви к отечеству отверженными, жертву, доселе неслыханную, ни во что поставленною, я, в жару негодования и различных чувств, сильно меня колеблющих, требовал от государя императора добровольной ссылки и разделения бремени страданий с братом моим» [1].

Царю надоели эти изъявления преданности. Он разжаловал юнкера Завалишина в рядовые и отослал на службу в Оренбургский гарнизон. Здесь Завалишин придумал другой способ отличиться и доказать свою преданность императору.

Император Николай I полагал, что, повесив пять главных руководителей движения, доведя до самоубийства других пять участников заговора, забив палками несколько десятков солдат, отправив на каторгу и в ссылку около ста членов тайных обществ, сослав на Кавказ — на передовую линию огня — несколько сотен офицеров и свыше двух тысяч солдат и матросов, — он полностью искоренит в России вольномыслие и стремление к свободе. Царь ошибся.

---

[1] В. П. Колесников. Записки..., стр. 146 и сл.

В продолжение своего 30-летнего царствования Николаю Павловичу приходилось бороться с наследием его «друзей по 14 декабря», как он называл членов Тайного общества. Сразу же после коронования начал он эту борьбу. Вел ее ожесточенно. Посылал мыслящих людей на смерть. Забивал солдат саженными палками толщиной в два пальца. Но не мог выбить из их сознания слов, которые они приписывали декабристу С. И. Муравьеву-Апостолу и передавали от одного поколения рекрутов к другому: «Что засеяно, то и вырастет, хотя бы и дождя не было».

Один за другим возникали в различных городах страны кружки молодежи. Их участники мечтали о свободе, думали о величии родины, хотели видеть народ счастливым. В Оренбурге возник такой кружок тотчас после восстания декабристов. В него входили аудитор гарнизонного батальона Кудряшов, прапорщики Колесников, Таптиков, Старков и Дружинин, хорунжий Ветошников, унтер-офицер Шестаков. Все они — молодые люди от 19 до 23 лет, только Таптикову было 33 года.

Ипполит Завалишин проведал про кружок Колесникова вскоре по прибытии в Оренбург и решил использовать его для своего возвышения. Кончилось это печально и для молодых оренбургских мечтателей и для самого Завалишина. Был создан процесс, разбиравшийся военным судом в Оренбурге. Затем дело перешло в Аудиторнатский департамент военного министерства и было доложено царю.

Суд установил, что Завалишин — «главный виновник сего общества, ибо он начально склонил к тому Колесникова и Дружинина, называл себя агентом Владимирского тайного общества, в котором председательствует тамошний гражданский губернатор граф Апраксин; уверял их и прочих, что прислан в Оренбург для учреждения комитета, что вся Россия согласна к бунту, что обществ тайных существует 12-ть и сам он возьмется взбунтовать нижних чинов; обманывал их, что ожидает в Черноречье агента с деньгами, кинжалами и ружьями; содержась на гауптвахте под караулом, распускал между солдатами неблагонамеренные слухи».

Других арестованных суд признал виновными в составлении тайного общества для «изменения монархического правления в России и применения лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа для истинного его благополучия». Все это оренбургский суд признал заслуживающим смертной казни. Завалишина, Колесникова, Таптикова, Дружинина и Старкова приговорили к четвертованию. Ветошникову и Шестакову оказали милость: решили повесить их. Корпусный командир генерал Эссен счел смертную казнь излишней. «Развращенного в нравственности» Завалишина он предлагал сослать в каторгу вечно. Других обвиняемых Эссен считал достаточным послать в каторгу на разные сроки. Трех унтер-офицеров генерал приказал разжаловать в рядовые и «наказать палками по сту лозанов».

Аудиториатский департамент согласился в общем с решением генерала Эссена и передал дело на усмотрение царя. Николай Павлович оставил Завалишину вечную каторгу, другим уменьшил сроки «до половины». В Сибирь все осужденные были отправлены вместе. Завалишина постигшее его наказание ничему не научило. В пути несчастные оренбургские прапорщики много терпели от его провокационных выходок. Из Тобольска Ипполит послал царю донос на генерала Эссена, который будто бы помешал ему раскрыть заговор. При этом он заявлял, что судебная комиссия «в бесстыдстве и низости» постаралась «замести следы преступления».

Заканчивается этот донос так: «Всевышнему угодно было избрать меня для раскрытия истины! Повергаюсь с благоговением пред святым его промыслом в надежде на правосудие и величие души ныне благословенно царствующего государя императора; ожидаю я, чтобы несчастный, пострадавший от несправедливости и злобы судей своих, воззван был из мрака темницы получить мзду земную во ожидании мзды небесной. Ипполит Завалишин каторжный» [1].

Участь старшего Завалишина была решена, когда выяснилась лживость доносов его младшего брата. Смерт-

---

[1] В. П. Колесников. Записки..., стр. 155.

ную казнь царь заменил Д. И. Завалишину вечной каторгой. В феврале 1827 года он был отправлен в Сибирь. Ипполит Завалишин отбывал каторжные работы в Нерчинских рудниках. Здесь за какие-то новые «каверзы» ему грозило тяжелое наказание. Но Дмитрий упросил начальство поместить Ипполита в читинскую тюрьму декабристов.

А. Ф. Фролов рассказывает в своих воспоминаниях, что члены Тайного общества были возмущены переводом Ипполита Завалишина в их каземат: «Он не выказывал ничем ни малейшего раскаяния, ни стыда, ни хоть сожаления о молодых людях, которых он погубил». Декабристы С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, Е. П. Оболенский, М. С. Лунин пожалели И. Завалишина, помогали ему, «выказывали ему участие в надежде привести его к сознанию его нравственного падения, но безуспешно» [1].

Выйдя в 1842 году на поселение, Ипполит Завалишин продолжал вести себя попрежнему.

В докладе жандармского ведомства Александру II после амнистии всем политическим преступникам николаевского царствования сообщалось об Ипполите Завалишине, что он за ябедничество и дерзкие поступки содержится в курганском остроге, что с самого перевода его в 1848 году из Восточной Сибири в Курган он занимался сочинением жалоб и доносов, проникнутых духом ябедничества и клеветы.

В Сибири И. Завалишин написал несколько книг. Изданы были его «Описание Сибири» в трех томах (1862—1865), «Эпопея тысячелетия России» и другие произведения его плодовитого, как пишет Фролов, но неискусного пера. Печатал он беллетристические очерки и другие вещи. Время смерти И. Завалишина не установлено, но в 70-х годах он был еще жив.

Из Нерчинских рудников Дмитрий Завалишин был переведен в читинскую тюрьму, затем в Петровский за-

[1] А. Ф. Фролов. Воспоминания по поводу статей Д. И. Завалишина. Ред. и вступит. статья С. Я. Гессена, сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. II. М., 1933, стр. 331 и сл.

вод, где он находился с другими товарищами по заключению до выхода на поселение.

Подлинное лицо Завалишина — в его горячей любви к родине. В его статьях и деловых записках выявлено хорошее знание нужд и особенностей Сибири, правильное понимание политической обстановки на Дальнем Востоке, умение выдвинуть на первый план самое важное в данный момент. Однако все это не могло принести родине той пользы, какую принесли ей записки других декабристов.

Не желая считаться с обстоятельствами, Завалишин затратил много энергии и писательского пыла на борьбу с известным сибирским генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым-Амурским. Между тем положительные стороны государственной деятельности Муравьева были значительны и принесли отечеству много пользы. Это позволяло современникам закрывать глаза на некоторые ошибки в его управлении. Стрелы Завалишина возвращались к нему самому, тяжело ранили его и уменьшали значение его разоблачительных статей.

Этим подрывался авторитет Завалишина как лучшего знатока Сибири и ее администрации. Озлобляясь с каждым годом и отдаляясь от прогрессивного общества, он вынужден был печататься исключительно в реакционных изданиях. М. Н. Катков охотно предоставлял столбцы своей газеты и страницы своего журнала под статьи Завалишина, исполненные желчи и клеветы. В них тонула фактическая сторона писания этого вдумчивого, много видавшего и размышлявшего неудачника.

По окончании срока каторжных работ Завалишин, по его собственному желанию, переведен был в 1839 году из Петровского завода на поселение в Читу. Там он остался жить после амнистии 1856 года, продолжая резко обличать высшую сибирскую администрацию. Муравьев-Амурский хотел еще в 1855 году выслать его из Сибири. Завалишин сумел отстоять себя и усилил нападки.

Одолел в этой борьбе Муравьев. По его представлению «государь император, признавая вредным пребывание в Сибири проживающего ныне в г. Чите прощенного

государственного преступника, дворянина Дмитрия Завалишина, высочайше соизволил повелеть: Завалишина выслать из Сибири, назначив ему место жительства в одной из внутренних губерний, где и учредить за действиями его бдительный полицейский надзор».

Повеление подписано царем 9 февраля 1863 года. Иркутский генерал-губернатор спешил выполнить его. Он настаивал на немедленной высылке Завалишина из Читы, «хотя бы в Пермь или Казань». А уже оттуда ему предоставлялось «переместиться согласно собственному своему желанию». Запросили казанского губернатора. Тот отказался принять строптивого декабриста. «Проживание в Казани Завалишина, — писал губернатор министру внутренних дел, — несмотря на надзор за ним полиции, может иметь крайне вредные последствия, особенно в настоящее время при беспрестанно возникающих беспорядках в университете».

Завалишину повеление царя было объявлено в середине мая. Он повел борьбу за право жить в Чите. Генерал-губернатор не стал ждать окончания переписки между высшими правительственными учреждениями по жалобе высылаемого. 14 августа Завалишин был вывезен из Читы в Казань. Оттуда он с разрешения министерства внутренних дел выехал в Москву. Полицейский надзор был снят с него в январе 1872 года.

Около 30 лет прожил Завалишин в Москве. Там он и умер 5 февраля 1892 года. До 90-летнего возраста он сохранил свои физические силы и умственные способности.

Начатый в советскую эпоху пересмотр литературного наследия Завалишина вскрывает фактическую ценность его произведений — опубликованных и остающихся в рукописях. До революции положительные стороны литературной деятельности Завалишина отмечались редко. Из таких оценок представляет большой интерес отзыв гениального русского критика-революционера Н. А. Добролюбова. В декабре 1859 года он писал в «Современнике»: «Завалишин в течение вот уже двух лет выбивается из сил, занимаясь разрушением наивных восторгов от Амура. Сведения, представленные г. Завалишиным, до сих пор не встретили серьезного, фактического опровержения,

хотя некоторые из его статей напечатаны уже очень давно».

Добролюбов допускает, что «во всех этих статьях могут быть своего рода ошибки и недосмотры, но из них оказывается несомненным одно: восторги, возбужденные Амуром, преждевременны и преувеличены». Великий критик подчеркивает вместе с Завалишиным, что естественные условия края хороши, но казенные панегиристы закрывают глаза на плохое использование их чиновниками, равнодушными к истинным пользам отечества и трудового народа.

Статьи Завалишина «очень растянуты, наполнены повторениями одних и тех же фактов, беспрестанными восклицаниями и обращениями, но факты, излагаемые в них, сами по себе очень любопытны и делаются вдвойне интересными по сравнению с тем, что писали» официальные публицисты. Добролюбов приводит большие выдержки из статей Завалишина для доказательства их фактического интереса, знания автором предмета, о котором пишет, остроумия его доводов и пр. Если даже Завалишин в некоторых случаях ошибается и преувеличивает, то все-таки в больших делах «гораздо лучше преувеличенная осторожность, нежели преувеличенная доверчивость» [1].

Известный русский ученый географ революционер П. А. Кропоткин путешествовал по Сибири в начале 60-х годов. В самый разгар борьбы Завалишина с высшей сибирской администрацией Кропоткин был в Чите. Он беспристрастно выяснял обстановку. Говорил о Завалишине с представителями местной власти, заслуги которых перед краем и положительные мероприятия отмечает в своем дневнике.

Вот что записано у Кропоткина под 28 октября 1862 года: «Сегодня утром я был у Завалишина — личность не из обыкновенных — есть много хороших начинаний, не глуп. Спор, который он вел по поводу Амура, напропалую ругая все управление Муравьева, очень за-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, ред. П. И. Лебедева-Полянского, т. IV. М., 1937, стр. 402 и сл.

мечателен. Немало писал он правды. Он страшно самолюбив. А потолковать с ним интересно — я незаметно провел до полутора часа».

Под 20 апреля 1863 года Кропоткин записал по поводу пошатнувшегося положения ближайших помощников Муравьева-Амурского: «Завалишин играет видную роль, только он уже ничего в покое не оставил, — ни злоупотреблений, ни домашней жизни». С возмущением отмечает Кропоткин в дневнике под 21 апреля высылку Завалишина из Читы [1].

Когда Л. Н. Толстой писал свой роман «Декабристы», он часто встречался и беседовал с проживавшими в Москве бывшими членами тайных обществ. Известно, что благодаря Толстому появились в печати Воспоминания А. П. Беляева. Хотел он также помочь опубликованию Записок Завалишина о декабристах. Автор отказался от этого, опасаясь цензурных искажений. В 1904 году Записки Завалишина были изданы отдельной книгой. Л. Н. Толстой говорил, что «считает их самыми важными из записок декабристов».

Завалишин имел двух братьев и трех сестер. Старший брат Николай Иринархович был определен в Морской корпус до войны 1812 года. В 1816 году он — мичман, в 1821 году — лейтенант. Служебный путь прошел незаметно. Возможно, что в этом сыграло роль участие брата в Тайном обществе. Н. И. Завалишин был уволен в отставку в 1839 году с чином капитана 2 ранга. О младшем Завалишине Ипполите говорилось выше.

При чтении приговора М. К. Кюхельбекер сказал:

— Мы знали, что делали, и знали, что из этого произойдет.

22 августа 1826 года срок каторжных работ Кюхельбекеру был снижен до пяти лет. Несколько месяцев после этого бывший лейтенант просидел в Кексгольмской крепости. Затем его отправили в Сибирь.

М. К. Кюхельбекер был скромный, очень выдержанный человек. Приобретенные в морской службе качества

[1] П. А. Кропоткин. Дневник. Центрархив. М.-П., 1923, стр. 61 и сл.

помогали ему переносить лишения, связанные с последствиями декабрьских событий 1825 года. В каждом положении он сохранял спокойствие, проявляя здравый смысл и умение использовать условия, созданные обстоятельствами.

В занятиях «каторжной академии» М. К. Кюхельбекер принимал участие сообщениями о своем кругосветном путешествии. В хозяйственной деятельности проявил себя талантливым огородником. Выращиваемые им овощи вызывали восхищение товарищей. Огородническая деятельность Кюхельбекера принесла большую пользу населению Сибири, учившемуся у морского офицера правильному ведению сельского хозяйства.

В 1831 году окончился срок каторжных работ Кюхельбекера. Для поселения ему назначили заштатный город Баргузин. Здесь он лечил население, из своих скромных средств приобретал для больных лекарства. Он был признанным советником бурят в житейских делах и пользовался большою любовью во всей округе. В Баргузине Кюхельбекер пробыл 28 лет. Память о нем сохраняется в местном населении до наших дней. Его имя окружено легендами, в которых запечатлен образ последовательного демократа и верного друга трудящихся. Сам Кюхельбекер писал Е. П. Оболенскому: «Чем мог, служил, словом и делом, бедному и богатому, без разбору» [1].

Выйдя на поселение, Кюхельбекер занялся земледелием. Он своими руками расчистил и обработал 11 десятин земли, кроме отведенных ему участков. До сих пор указывают в Баргузине Карлово поле, на котором работал Кюхельбекер [2].

Высшей сибирской администрации не нравилась популярность М. К. Кюхельбекера среди крестьян. Когда он хотел поступить на службу в компанию по разведению мериносовых овец, генерал-губернатор С. А. Лавинский

---

[1] М. К. Кюхельбекер. Письмо Е. П. Оболенскому, сб. «Декабристы. Неизданные материалы и статьи», ред. Б. Л. Модзалевского и др. М., 1925, стр. 163.

[2] Б. Г. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Ирк., 1925, стр. 81 и сл.

воспротивился этому. Он писал Бенкендорфу, что опасается вредного влияния Кюхельбекера на крестьян.

Генерал-губернатор Лавинский боялся, что влияние М. К. Кюхельбекера подорвет царскую и помещичью власть над трудовым населением. С большим основанием выражал Кюхельбекер в письмах к товарищам опасение за судьбу крестьян от управления царских ставленников. «Что будет с бедным населением, — писал он Завалишину, — которое и в самом деле поверило было, что справедливость может жить и на земле» [1].

Однако местная администрация нередко пользовалась знаниями и практической деловитостью М. Кюхельбекера. Так, иркутский губернатор И. Б. Цейдлер поручил ему обследование сельского хозяйства и быта населения. В ответе Кюхельбекера сказался моряк с его привычкой к точности — мере и весу. «Я старался, — писал он губернатору, — по возможности исполнить поручение. Здесь никто до сих пор не делал опытов над посевами, урожаем и пр., а все глазомерно, без весу и меры; рассказы жителей часто противоречат один другим. Опыты, мною в нынешнем году деланные, слишком ограничены. Притом один год ничего не доказывает».

Что касается быта населения, то в этом отношении ответ Кюхельбекера типичен для члена Тайного общества, имевшего целью благо трудовых масс. Он обращает «внимание начальника на бедственное положение сего места». Пишет о необходимости снабдить население картофелем. Сообщает также Кюхельбекер, что вынужден прекратить метеорологические наблюдения за отсутствием термометра [2].

Муравьев-Амурский также высоко ценил знания Кюхельбекера. Он вызывал ссыльного лейтенанта в Иркутск для выяснения встречавшихся в административной практике вопросов.

В ссылке Кюхельбекер старался служить отечеству своими специальными знаниями моряка. В 1837 году

---

[1] «Русская старина», т. XXXII, 1881 г., № 10, стр. 395.

[2] Сб. «Декабристы». Летописи Государственного Литературного музея, кн. III, ред. В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Чулкова. М., 1938, стр. 189 и сл.

Декабристы И. Д. Якушкин (слева), П. С. Бобрищев-Пушкин, М. К. Кюхельбекер (справа) в Сибири (с акварели)

правительству понадобилось произвести промер Байкала в связи с судоходством по этому громадному озеру. Михаил Карлович принял участие в экспедиции. Он произвел в зимних условиях промер Баргузинской губы в нескольких местах: в расстоянии полукилометра от берега на глубине в 15 сажен; в 5 километрах — на 20-саженной и в 10 километрах — на 25-саженной глубине [1].

Как большинство моряков-декабристов, М. К. Кюхельбекер интересовался различными областями культуры всех народов нашей обширной страны. В письмах к брату писателю В. К. Кюхельбекеру он сообщал подробности о местоположении Баргузина, о климате и населении области, приводил наиболее любопытные местные слова, указывал, какие из них следовало бы ввести в общерусский язык. Переписывался он также с известным историком Сибири П. А. Словцовым в связи с работами последнего.

Брат-поэт поддерживал связь с Михаилом, посвятил ему несколько стихотворений. В 1835 году В. К. Кюхельбекера освободили из Свеаборгской крепости и обратили на поселение в Баргузин. Братья прожили вместе до 1839 года, когда В. Кюхельбекер был переведен в Акшинскую крепость.

М. К. Кюхельбекер был очень добрый, отзывчивый человек.

Н. В. Басаргин рассказывает о нем: «Он отличался неимоверною добротою и оригинальностью характера. Служив отлично в морской службе, он пользовался репутацией дельного и деятельного офицера» [2].

Все, писавшие о Кюхельбекере, отмечают другую — важную черту его характера: всю свою жизнь он был верен прогрессивным убеждениям молодости. Проявлялось это в различных обстоятельствах.

Один случай интересен для характеристики М. Кюхельбекера как политического деятеля. Характерен он

---

[1] А. Сгибнев. Байкал и его судоходство. «Морской сборник», т. 107, 1870, № 4, стр. 17—21.

[2] Н. В. Басаргин. Записки, ред. П. Е. Щеголева, Петроград, 1917, стр. 167 и сл.

также для мировоззрения Кюхельбекера-моряка, научная подготовка которого основана на естествознании. Приписанный от рождения к лютеранской церкви, М. Кюхельбекер подлежал духовному попечению пастора. После объявления декабристам приговора пастор явился к М. Кюхельбекеру с предложением выполнить формальные обрядности. Это-де поможет осужденному переносить в пути и на каторге все ожидающие его невзгоды. Кюхельбекер принял пастора учтиво, почтительно, но спокойно сказал ему:

— Не чувствую в этом необходимости. Еду в Сибирь по решению правительства, как бывало отправлялся в поход. Не зная за собою никакого греха, думаю, что могу ехать и без этого.

Другой случай характеризует исключительную доброту М. Кюхельбекера и его глубокий демократизм. Связан он также с религиозными формальностями. Дочь квартирной хозяйки Кюхельбекера в Баргузине Токаревой забеременела. Соблазнитель отказался жениться на девушке. Мать хотела прогнать ее из дому. В тогдашних условиях это грозило несчастной молодой матери всеобщим отвержением. Выход из этого положения она видела в самоубийстве.

М. Кюхельбекер спас девушку, заявив матери, что будет крестным отцом ребенка. Спустя некоторое время он сам сблизился со своей кумой и обвенчался с ней. Местные духовные власти возбудили дело о расторжении брака «крестьянина из государственных преступников Кюхельбекера с девкой Анной, незаконнорожденного младенца которой он принимал от купели». Это рассматривалось как преступление, так как крестный отец ребенка считался близким родственником матери последнего и не должен был жениться на ней.

Маленькое частное дело двух скромных людей стало предметом долгого обсуждения в высших правительственных учреждениях. Синод постановил расторгнуть брак и разлучить супругов. Между тем у них было уже двое детей. Когда Кюхельбекеру объявили решение Синода, он написал на официальной бумаге: «Если меня разлучают с женою и детьми, то прошу написать меня в солдаты и

послать под первую пулю, ибо мне жизнь не в жизнь». Бенкендорф счел эти выражения «неуместными» и перевел Кюхельбекера из Баргузина в другое место — «ближе к надзору начальства, усилив таковой».

Вскоре Кюхельбекер добился возвращения в Баргузин и продолжал совместную жизнь с женой. У них было несколько дочерей, судьба которых также долго занимала правительство, старавшееся ограничить их человеческие права. После смерти Кюхельбекера генерал Одинец, женатый на его племяннице, захотел усыновить детей декабриста. Дело доходило до царя, который удовлетворил просьбу генерала с тем, чтобы девочки не имели прав на его родовое имение.

После амнистии 1856 года М. К. Кюхельбекер остался в Сибири. Средств на переезд с семьей в Россию у него не было, а обращаться к правительству за денежной помощью он не хотел. Умер он в Баргузине в 1859 году.

А. И. Герцен напечатал в «Колоколе» некролог Кюхельбекера, в котором говорится об его прекрасных качествах. Декабрист Н. Р. Цебриков писал по этому поводу Е. П. Оболенскому: «Некролог в «Колоколе» очень справедлив. Я его (Кюхельбекера) знал и прежде (до 1826 года) с таким возвышенным и благородным характером. Про него можно сказать с одним древним философом, что лучшего зрелища не может представиться богам, как когда честный человек находится в борьбе с несчастием!» [1].

После снижения в августе срока каторжных работ до 8 лет братья Беляевы были в начале 1827 года отправлены в Сибирь. Покорившись безропотно своей участи, они попрежнему считали, что крепостное право и поли

---

[1] «Русская старина», 1903, № 7, стр. 67 и сл.; ср. Ф. А. Кудрявцев. Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927, стр. 18 и сл.; Н. А. Мурзанов. К биографии М. К. Кюхельбекера. «Былое», 1907, № 3, стр. 303 и сл.; Н. А. Гастфрейнд. Бракоразводное дело Мих. Кюхельбекера, «Всемирный вестник», 1903, № 4, стр. 239 и сл.; П. И. Першин-Каракасарский. Воспоминания о декабристах, «Исторический вестник», 1908, № 11, стр. 566 и сл.

цейский произвол мешают правильному развитию России. Но примирившись с монархическим строем, они терпеливо ждали от самих помещиков отмены крепостного права и от самих полицейских — уничтожения произвола.

В Читу Беляевы прибыли, когда большая тюрьма еще не была закончена постройкой. В этой работе участвовали сами декабристы. «Мы копали канавы для фундамента,— пишет А. Беляев, — а как земля еще была мерзлая, то прорубали лед кирками. Нас водили на конец селения зарывать овраг. Около этого оврага росло несколько роскошных бальзамических тополей, под тенью которых мы отдыхали. Тут обыкновенно читали, беседовали, играли в шахматы, и, возвращаясь домой к обеду, обыкновенно пели и по большей части Марсельезу»[1].

В тюрьме Беляевы, подобно большинству декабристов, занимались ремеслами, но больших успехов в этом не достигли. Лучше шли у них занятия науками в «каторжной академии». Братья изучили английский язык и для практики взялись за перевод 12-томной истории падения Римской империи Гиббона. В течение года они закончили этот труд. Затем перевели два романа Фенимора Купера. «Все это и до сих пор в рукописях хранится у меня, — с горечью отмечал Беляев спустя много десятилетий, — потому что все это уже потом было переведено и издано; мы же не имели средств, ни возможности для напечатания». Переводами Беляевы занимались и по выходе из тюрьмы.

На поселение Беляевы были выпущены в 1832 году. Жили в Минусинске, Енисейской губернии. Здесь они устроили мукомольную мельницу. Занимались сельским хозяйством: арендовали землю, развели стадо рогатого скота, вырабатывали масло, ловили рыбу. Все предприятия не обеспечивали Беляевым их скромных жизненных потребностей. По чрезвычайной доброте они отдавали нуждающимся все, что имели. Им предлагали выгодную в материальном отношении службу в предприятиях местных промышленников, но правительство запретило им эту деятельность.

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания декабриста, 1882, стр. 213.

Лучше шло у Беляевых дело обучения детей. Они устроили в Минусинске школу, куда присылали своих детей местные мещане и крестьяне ближайших к городу сел. Братья сами преподавали русский язык, арифметику, географию, историю.

В конце 1839 года Беляевым было по просьбе князя Долгорукова разрешено поступить рядовыми в Кавказскую армию. Здесь они встретились с некоторыми другими декабристами и вместе с ними участвовали в сражениях.

Произведенные в 1844 году за храбрость в офицеры, Беляевы через два года вышли в отставку и вернулись в Россию.

Младший брат Петр Петрович вернулся к профессии моряка: управлял волжским пароходством «Кавказ и Меркурий». Умер в 1864 году.

Старший брат Александр управлял в России имениями. Под старость он написал Воспоминания. Л. Н. Толстой прочитал их в рукописи, сделал на полях много отметок, указал автору, где и как, по его мнению, следует расширить текст. Толстой принимал участие в опубликовании этих Воспоминаний [1]. Умер А. П. Беляев в 1887 году в Москве.

Родной дядя мичмана В. А. Дивова был сенатором. Царь Николай I не сомневался в его преданности. П. Г. Дивов был назначен членом суда над декабристами не для проверки его образа мыслей. Он и сам рассматривал это назначение как возможность отличиться. И постарался. Сенатор Дивов хотел, чтобы не только император знал о его безусловной приверженности феодально-крепостническому государственному строю. Даже отдаленному потомству он счел необходимым поведать, что в сердце его нет ни капли сочувствия к несчастному сыну брата Абрама.

---

[1] А. Беляев. Воспоминания, стр. 4; М. А. Цявловский. Письма декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому. Сб. «Тайные общества в России в начале XIX ст.». М., 1926, стр. 199 и сл.

В интимном дневнике сенатора Дивова наряду с подробным рассказом о событиях 1826 года записано: «Мой племянник Василий оказался виновнее, нежели думали вначале». Но сенатор писал дневник не только для потомства. Избранные страницы дневника читались ближайшим друзьям в надежде, что их содержание будет передано куда надо. Надежды сенатора оправдались. Присоединение к приговору, обрекавшему его племянника Василия смертной казни отсечением головы, дало свои результаты. В тот самый день, когда император милостиво заменил «младенцу» Дивову отсечение головы вечной каторгой, был подписан указ о выдаче сенатору Дивову большой денежной награды. Вместе с тем он получил повышение по службе. В этот сложный политический момент царь доверил сенатору Дивову управление министерством иностранных дел.

Перед отправлением моряков-декабристов в Кронштадт для исполнения над ними приговора произошла такая сцена. «Еще прежде, нежели нас заключили в плавучую тюрьму, — рассказывает А. П. Беляев в своих Воспоминаниях, — к нам подошел Дивов, бросился нам на шею и со слезами на глазах сказал:

— Братья Беляевы, простите ли вы мне, ведь это я погубил вас всех!

— Не будем вспоминать того, что было, — сказали мы, — и останемся друзьями, какими мы были».

Братья Беляевы простили. Но царь не помиловал, несмотря на большую пользу, какую извлекло следствие из признаний Дивова. Заменив юному государственному преступнику в день своего коронования вечную каторгу 20-летней, Николай Павлович повелел отправить его в Шлиссельбургскую крепость. Этим усилением наказания император не ограничился. В октябре 1827 года Дивов, по «секретному высочайшему повелению отправлен в Бобруйск в крепостные арестанты без означения срока; в июле 1829 года повелено содержать его в работе вечных арестантов Бобруйской крепости особо от других и на работу употреблять особо же» [1].

[1] Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит..., Восстание декабристов, т. VIII, стр. 313.

Этой жестокой мерой юный Дивов был обречен на тяжелое одиночество, сломившее даже закаленного в жизненных испытаниях 34-летнего полковника Г. С. Батенькова. Несчастный мичман был лишен общения с высокообразованными старшими товарищами, имевшими в читинский и петровский периоды благотворное влияние на умственное и нравственное развитие тех участников движения, которые были недостаточно подготовлены школой и домашним воспитанием.

В 1832 году вечная каторга была заменена Дивову 15-летней. В начале 1840 года он был отправлен рядовым на Кавказский театр войны. Здоровье Дивова было надломлено. Недолго пришлось ему носить солдатскую шинель. В феврале 1841 года Н. И. Лорер писал декабристу М. М. Нарышкину: «Из Анапы приехал в Керчь больной Дивов в лихорадке. Он при мне стал поправляться» [1].

А когда Дивов поправился, его снова отправили на фронт. Рассказывая в своих Воспоминаниях о боях на Кавказе, в которых он участвовал вместе с братом, А. П. Беляев пишет: «В одном из этих движений погиб наш бедный и вполне несчастный Дивов. Мы шли в цепи около какой-то реки. Чеченцы наседали на арриергард и цепи. Он шел позади нас и вдруг быстро подходит к нам и говорит, что он ранен и, как ему казалось, около ступни; несмотря на то, он еще шел некоторое время, но потом ослабел и был отведен на перевязочный пункт, где оказалось, что пуля прошла около колена и раздробила кость. После экспедиции перевезли его на линию в Червленский походный лазарет. Рана оказалась опасною и, протомившись еще около 2-х месяцев, он умер. Письма его к нам, уже слабой рукой писанные, хранятся у меня как памятник нашей дружбы, его страданий и несчастий. Поистине замечательна была судьба этого человека: юный, прекрасный собой, умный, образованный, он только начинал жизнь, жадно упивался

---

[1] Н. И. Лорер. Записки декабриста, ред. М. В. Нечкиной. М., 1931, стр. 373.

ее наслаждениями, как внезапно порыв бури в одно мгновение разбивает ее обольщения и его самого!» [1].

9 февраля 1842 года смерть избавила В. А. Дивова от всех несчастий.

Радостное событие в личной жизни императора Николая — его коронование — принесло лейтенанту Н. А. Чижову сомнительное облегчение: ссылка на поселение «вечно» была ограничена 20 годами. Тотчас после объявления приговора он был отправлен в Олекминск, Якутской области. 120 лет назад это было место страданий и безнадежной, безвыходной обреченности. Самый путь туда был исполнен тревог и опасностей. На требование представлять царю ежемесячные сведения о декабристах начальник Якутской области сообщил, что это «крайне будет отяготительно для обывателей области и сопряжено с необыкновенными затруднениями. По дальности сих мест от Якутска, по обширности пустых и вовсе незаселенных мест сообщение происходит большею частию на одних и тех же лошадях, оленях или собаках, расстоянием от 200 до 500 верст. Лошади и олени должны отрывать подножный корм из-под снега, а едущий останавливаться среди разгребенного снега в нарочито разбиваемых шалашах, для собак же возится особый корм. Такое сообщение означенных мест с Якутском производится нарочито по делам службы токмо два раза в год, употребляя на проезд от полуторых до двух с половиною месяцев в один конец». Поэтому областной начальник просит разрешения доносить государю о государственных преступниках дважды в год или «столько раз, сколько удобность в сообщении с местами жительства их позволяет» [2].

Спустя десять лет после прибытия декабристов в Якутскую область этот край впервые посетил представитель высшей правительственной власти генерал-губернатор С. Б. Броневский. «Ужасный вояж в студеную Якутскую страну, — писал Броневский коменданту нер-

---

[1] А. П. Беляев. Воспоминания, стр. 436 и сл.

[2] Б. Г. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Ирк., 1925, стр. 39.

чинских рудников Лепарскому, — я кончил в один месяц и десять дней. Бока мои докладывают об этом; но я уверен, что это будет иметь некоторую пользу для дальнего и совершенно забытого края и если не я, то мои преемники успеют что-нибудь хорошее сделать, удостоверясь... что Якутск не за горами» [1].

Из приведенных заявлений можно понять, какие лишения испытывали в Якутской области ссыльные декабристы. Прибыв на место своего поселения, Н. А. Чижов увидел, что недолго ему жить в заброшенном крае. «Олекминск — место пустое и безлюдное, — писал он иркутскому губернатору И. Б. Цейдлеру. — Самое прожитие в нем сопряжено со множеством неудобств и затруднений». Тяжелую жизнь облегчали радушный прием и участливое отношение к декабристам со стороны местного населения. Среди чиновников и немногих купцов были культурные люди. Они ценили общество декабристов, выписывали по их указаниям газеты и журналы, дорожили беседами с ними.

Н. А. Чижов знакомил их с русской литературой. В кружке этих передовых людей Якутии любили слушать чтение Чижовым его стихотворений. Он был поэт, лишенный права печатать свои произведения. В архиве Третьего отделения сохранилась тетрадь стихотворений поэта-моряка.

В печати известны только три стихотворных произведения Н. А. Чижова: лирическое стихотворение «Журавли», поэмы «Воздушная дева» и «Нуча». Поэт завидует журавлям, не ведающим «осенней непогоды, ни хлада зимнего оков».

Земного раб, окованный страстями,
Подъяв слезящие глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
И унестись под небеса.

Обе известные в печати поэмы Чижова заимствованы из якутских народных преданий и являются интересным вкладом в литературу народов нашей страны.

---

[1] Б. Г. Кубалов. Декабристы в... Сибири, стр. 39.

Тема поэмы «Воздушная дева» принадлежит к числу бродячих мировых сюжетов: похищение девушки небожителями. «В истории сибирской темы, — пишет М. К. Азадовский, — она представляется интересным и значительным явлением как одно из самых ранних произведений, посвященное отображению в поэзии якутских преданий». Но, конечно, в жалобах воздушной девы отражена и тоска самого поэта, изнывавшего в ссылке. Подобно воздушной деве, ему оставалось одно лишь утешение — думать, что «в час, когда темнеет день», его родным и близким слышен в ночной тишине его голос,

Как ропот отдаленных вод,
Как вздох пустыни, как полет
Полночной птицы, иль духов
Стенанье в глубине лесов.

В поэме «Нуча» («Русский») говорится о пришельце, который не признавал местных духов-покровителей и за это наказан ими смертью. Всадник торопится к своему дому, к родному огоньку. «Во мгле на брегу» он распознает,

Будто в солнечный день,
Нучи скорбную тень.
Хищный враг на горах
Расклевал его прах.

Поэма «Нуча» была напечатана в № 8 журнала «Московский телеграф» за 1832 год за полной подписью автора с указанием места его пребывания. Последнее обстоятельство вызвало бурю в Третьем отделении, откуда она распространилась на много тысяч верст — через Иркутск вплоть до Олекминска [1].

Генерал Бенкендорф нарядил следствие, которое причинило автору много неприятностей. «К крайнему моему огорчению, — писал об этом Н. А. Чижов иркутскому губернатору, — узнал я из допросов, что сочиненные мною стихи «Нуча» напечатаны в «Московском телеграфе»

[1] Сб. «Декабристы». Материалы для характеристики, ред. П. М. Головачева. М., 1907, стр. 2 и сл.; М. К. Азадовский. Якутская поэма декабриста Чижова, отд. отт., стр. 121 и сл.; Б. Г. Кубалов. Архив декабристов, сб. «Сибирь и декабристы». Ирк., 1925, стр. 186 и сл.

с подписью имени моего. Я писал их в прошедших 1827 или в 1828 году единственно для пробы, можно ли из якутских преданий и поверий извлечь что-нибудь для поэзии. Я никогда не имел намерения посылать их в печать, еще менее того выставлять имя свое на вид публики. В теперешнем положении моем такое безрассудство никогда не приходило мне в голову. Около пяти лет стихи лежали между моими бумагами, почти забытые мною самим, как вдруг неожиданно я должен был дать в них отчет перед крестом и евангелием. Стихи сии были известны моим товарищам, разделявшим со мною ссылку, но давали ли они кому-нибудь списывать их, этого я **не знаю».**

Следствие не обнаружило виновников отправки этих стихов в Москву. Издатель «Телеграфа» Н. А. Полевой на запрос Бенкендорфа ответил, что «помянутое стихотворение, сколько он может припомнить, получено им по почте из Иркутска от неизвестной ему особы» [1].

После неприятностей из-за «Нучи» Чижов просил перевести его в Якутск. В январе 1833 года получено было разрешение поселить его в Александровском винокуренном заводе, Иркутской губернии. Но в том же году по ходатайству матери ему позволили поступить в военную службу рядовым. Зачисленный в 14-й Сибирский линейный батальон, Чижов был в 1840 году произведен в офицеры. Через три года он вышел в отставку и получил разрешение жить в Орловской и других губерниях. Здесь он управлял имениями княгини Горчаковой. Умер Н. А. Чижов в 1848 году, находясь до смерти под секретным надзором.

Разжалованный царем в матросы, вместо положенного судом поселения, Б. А. Бодиско в день коронации был назначен рядовым на Кавказ «до отличной выслуги». Предвосхищая приказ императора, начальство отправило туда Б. А. Бодиско за месяц до коронации. На Кавказе он встретился с товарищами по процессу декабристов,

---

[1] Б. Г. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Ирк., 1925, стр. 65; см. еще стр. 38, 48, 64 и сл., 69, 86 и др.

оставившими о нем в своих воспоминаниях хорошие отзывы. Любопытная характеристика Б. А. Бодиско имеется в «Памятных записках» мичмана Петра Бестужева. Приведу ее полностью как документ, интересный также для характеристики литературного дарования четвертого декабриста из талантливой семьи Бестужевых.

«Молодой человек с умом, с хорошими познаниями, доброй души, правил строгих до педантизма. Никогда не дает он полную волю сердцу, не предается ни радости, ни горести, ни удовольствиям, ежели холодной рассудок находит тут что-нибудь предосудительное, противное приличиям, — унижает его солидность. Характер твердый, но мрачный и угрюмый — отличительная черта всех моряков. Чужды ему шумные и веселые общества; хорошую книгу, ученый разговор предпочтет он простодушной беседе приятелей. Все рассчитано, на все система. Это прекрасно в домашней жизни, но в гражданском быту, в кругу товарищей, в понятиях о вещах должны быть иногда отступления... Прочна приязнь его, но трудно ее выиграть — он взвесит и разочтет до малейшего обстоятельства, пересудит и испытает 100 раз и согласно советам рассудка, вовсе без ведома сердца, наградит доверенностию. Смерть преждевременно похитила у нас сего благородного товарища» [1].

С этой характеристикой любопытно сопоставить несколько строк о ее авторе в Воспоминаниях Михаила Бестужева: «Брат Петр был нрава кроткого, флегматического и любивший до страсти чтение серьезных сочинений; постоянно молчаливый, был красноречив, когда удавалось его расшевелить, и тогда он говорил сжато, красно и логично» [2].

Декабристов-офицеров и солдат — посылали на Кавказ, как официально заявлялось, для того, чтобы они могли «загладить свою вину». В не подлежавшей оглашению переписке высших начальников армии говорилось более откровенно о цели отправления членов Тайного общества на фронт. Так, командовавший войсками на

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 406.
[2] Там же, стр. 130.

Кавказе генерал И. Ф. Паскевич писал в июле 1828 года начальнику главного штаба генералу И. И. Дибичу для сообщения императору: «Вообще разжалованных во всех сражениях употреблял я в первых рядах или в стрелках и всегда там, где представлялось наиболее опасности. Из них один убит и 7 ранено. Все они вели себя отлично, храбро, в назначаемые им места шли совершенно с доброю волею и с желанием заслужить вину свою кровью. Сверх того о тех, кои рекомендуются в прилагаемом списке, запрашивал я особо полковых командиров на счет их нравственности, и они отозвались, что совершенно ручаются за их поведение. Хотя таковые заслуги разжалованных по делу о злоумышленных обществах и одобряемое поведение обращают на них внимание начальства, но я полагаю, что производство их в офицеры можно отложить до окончания настоящей войны, разве в продолжение оной окажут примеры отваги и храбрости»[1].

Пример отваги и храбрости выказал в числе других бывший лейтенант Гвардейского экипажа Б. А. Бодиско. За «отличную выслугу» он был в апреле 1828 года произведен в унтер-офицеры, а через месяц был убит в сражении. О нем и говорится в приведенном выше донесении Паскевича. Приказ царя был выполнен с исчерпывающей точностью.

10-летние каторжные работы, определенные судом мичману М. А. Бодиско, были заменены царем в июле 1826 года крепостными работами без указания срока. 22 августа Николай Павлович определил этот срок — пять лет. Но еще за месяц до царского указа Бодиско был отправлен в Бобруйск.

Сносное существование в крепости при коменданте, относившемся честно к своим обязанностям, ухудшилось с переменой начальства. Новый комендант лучше своего предшественника понимал истинные желания царя.

«Все льготы были отменены, — передает в своих Воспоминаниях дочь М. А. Бодиско, — ухудшилась и уменьшилась до последнего предела пища. Обращение также стало более грубым и унизительным. Работы стали более

[1] Е. Г. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. «Русская старина», 1903, № 6, стр. 486.

тяжелыми и приняли вредный для здоровья характер. Глубокой осенью заставили вычищать ил из крепостных рвов, стоя в ледяной воде, иногда по пояс. Работали в кандалах целыми днями. Многие поплатились за это разными болезнями. У М. А. так ухудшились раны на ногах, образовавшиеся от ношения кандалов, что пришлось снять с него кандалы, а самого положить на несколько месяцев в лазарет. От последствий этой болезни он никогда вполне не избавился, ноги навсегда остались слабыми и разбитыми. Случалось потом, что на войне, во время переходов и во время сражений, ноги у него вдруг подкашивались, он падал и без посторонней помощи встать не мог. Дома с ним иногда случались внезапные падения, и он вынужден был ходить с палкой, хотя не хромал» [1].

По окончании срока крепостных работ — в 1831 году — М. А. Бодиско был определен рядовым в армию. Шесть лет пришлось ему выслуживать первый офицерский чин. В 1838 году он получил отставку. Ему был запрещен въезд в столицы, над ним был учрежден секретный надзор, но в 1844 году ему разрешили поступить на службу в родной Тульской губернии. Там он и умер в 1867 году.

Разжалованный в солдаты и отправленный в дальний гарнизон для выслуги, Петр Бестужев был в порядке коронационной милости переведен из Кизляра в Ширванский пехотный полк. С этим полком он участвовал в боях на Кавказе. Еще в Петропавловской крепости у П. А. Бестужева проявились признаки психического расстройства. Это было следствием применения к нему одного из тех средств «заставить» декабристов говорить, которыми генерал А. И. Чернышев грозил А. П. Беляеву. В тот раз болезнь не получила развития.

Находясь согласно приказу генерала Паскевича «всегда там, где представлялось наиболее опасности», П. А. Бестужев участвовал в штурме крепости Ахалцых и был ранен пулею в руку навылет и контужен в голову. Его отослали в тыловую часть, командир которой оказался

[1] В. С. Арсеньев и Н. М. Картавцев. Декабристы-туляки. Тула, 1926, стр. 23.

«бурбоном» — тупым, бессердечным фронтовиком. «В кавказские жары, — пишет М. А. Бестужев, — в полной амуниции, под ружьем в раненой руке, он его в три месяца доконал». Петр вновь заболел психически.

Александр Бестужев находился тогда на Кавказе, отбывая наказание тоже в качестве рядового. Он безуспешно просил разрешения взять брата к себе в Дербент. «Я разлучен с братом Петром, который в полном смысле слова мученик, — писал А. Бестужев Н. А. Полевому. — Сто верст между нами, и мы врозь: так близко и так неизмеримо далеко. Незаслуженные обиды от мерзавцев врезали в его сердце глубокую мизантропию, в ум глубокую меланхолию. Он горячо принимал все, принимая двуногих животных за людей. Он изранен, изувечен, и никакого покоя, никаких средств к улучшению его жизни, ни одного дружеского лица около... Это ужасно!»

Наконец, П. Бестужева отпустили из полка к старшему брату, но было уже поздно. Болезнь усиливалась быстро. Через два месяца А. Бестужев вынужден был хлопотать об отправлении больного к матери. И эту просьбу удовлетворили с большим опозданием.

Любовный уход матери и сестер не мог остановить развития болезни, принявшей буйный характер. «Первые дни по приезде с Кавказа Петр был тих, — рассказывает Елена Бестужева, — но потом стал больше и больше забываться. В самых нежных о нем заботах и попечениях он видел какой-то страшный умысел на его жизнь, в каждом отправляемом письме — донос на него, в кушанье, в питье — отраву. Приходя в себя, судорожно потирая лоб, злополучный страдалец скорбел о своем несчастии, с горькими слезами говорил о каком-то любопытстве своем, жестоко наказанном, о братьях, о милом прошлом. Наступала ночь. В доме успокаивались. Вдруг раздавался страшный стук, ломка мебели, битье стекол, зеркал, посуды. То больной, вскочивши с кровати, в новом припадке, ожидая посланной будто бы за ним команды, начинал заставлять двери и окна мебелью, совать куда ни попало зеркала, бросать и ломать мелкие вещи» [1].

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 384 и сл.

Больной видел в каждом мужчине — коменданта крепости Бурная, от которого вытерпел много бесчеловечных гонений. Успокоить его удавалось только сестрам, но и то не надолго. Припадки возобновлялись с большею силой. «Долго терпели сестры и мать, — рассказывает Елена Бестужева, — долго не решались отдать в дом умалишенных страдальца-брата; но однажды он чуть не поджег дом, чтоб истребить небывалые подозрительные бумаги, и тогда они стали хлопотать об устройстве его в больнице».

Эти хлопоты долго оставались напрасными. На докладе Бенкендорфа о разрешении поместить Петра Бестужева в больницу для умалишенных по петергофской дороге Николай Павлович написал: «В просьбе отказать, так как это заведение очень близко от столицы».

Семь лет мучил несчастный страдалец мать и сестер. Только в 1840 году им удалось поместить его в больницу. Это было 3 августа, а 22 августа контора больницы сообщила жандармскому начальству, что Петр Бестужев умер.

В дополнение к приведенной выше выдержке из Записок П. А. Бестужева приведу еще несколько строк. Они ярко характеризуют автора, его мировоззрение, его литературное дарование. «Люблю часто бродить по долам и горам, восхищаться и беседовать с природою. Самые утешительные мысли занимают тогда душу мою, располагают ее к сладким мечтам, к тихим воспоминаниям».

В отрывке под заголовком «Рассудок» П. А. Бестужев пишет: «Это орудие в тебе самом. Извлеки из души занозу лени и бездействия, рассматривай самого себя, умей быть полезным во всех обстоятельствах, рассуждая, пиши — и ты будешь доволен собою. Пчела и из горьких растений извлекает мед душистый — подражай ей, и в спокойствии совести, в веселом расположении духа, в радости после доброго дела — ты найдешь награду и утеху».

Под заголовком «Мысли» читаем: «Человек с твердым характером не застанет врасплох несчастие; не столь малодушный, чтобы страшиться его, не столь ветреной, чтоб презирать, — он всегда готов состязаться с ним. Будущность свою рисует всегда в худшем свете. Ежели она дурна — он не ошибся, ежели хороша — чистой выигрыш на его стороне. Чтоб никогда не обманываться, он никогда

Петровский завод—место заключения декабристов (рис. Н. А. Бестужева, 1834 г.)
Справа- сидит Н. А. Бестужев, за ним—часовой

не
ул

Че
во

к б
из
от
ны
ко
пр
мо
сво
пр
дех
ро

ня
ра
цо
ня
сн
св
во
пр

Ма
в з
гру
но
ско
чу
вра

вар
жи
400

18

не надеется — и вот тайна: терпеливо и презрительно улыбаться всякому горю, всякому капризу судьбы.

Зависть есть одна из фурий, грызущих сердца людей. Человека завистливого можно сравнить с сохнущим деревом, средину коего точит червь сокрытой» [1].

Еще несколько строк — из письма П. А. Бестужева к братьям Николаю и Михаилу от 17 апреля 1829 года из Ахалцыха. Они интересны и сами по себе и тем, что относятся к тому времени, когда закончены были «Памятные записки». «С радостью обессиленного утопающего, которому друг человечества протягивает руку спасения, принял я милостивое позволение писать к вам; поведать мой быт; передать далеким страдальцам повесть чувств своих; из глубины Малой Азии откликнуться на привет пришельцов мрачной Сибири и, может быть (лестная надежда), узнать от самих подробности однообразной жизни родных Гипербореев.

Брат Николай! Я обращаюсь к прошедшему: ты заменял мне отца, рано похищенного неумолимою смертию; ты развил мои способности; образовал ум и вкус; был образцом на терновом пути правоты и добродетели и ежели иногда, строгий к моим шалостям, казался холодным, то сие предубеждение, вместе с опытностью и познанием света, исчезло ныне, и твое имя, твой образ, чистой и возвышенной, глубоко врезаны в сердце, безусловно тебе преданное.

Около двух лет постоянно шумят надо мною знамена Марса с прикованною к ним победою. Много испытал я в это время и сладкого и горького: кровавым потом и грудью заслужил первые галуны — радугу после потопа; но не исполнилась еще чаша испытаний. Ограниченный, скованный в тесном кругу военной деятельности, повлачусь я к источникам Ефрата, да целебные воды его возвратят силы, оденут в ризы потерянные.

Гнездо разбойников, порто-франко всех грабленных товаров и увлеченных пленников, крепость Ахалцых, где живу я теперь и при покорении коей потеряли мы до 400 челов., недавно осаждена была в свою очередь тур-

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 415.

ками. 20 000 нагрянуло их. Нас было 1200 ч. 12-ть дней провели мы без сна; 12-ть дней нельзя было высунуть ногу за зубцы стен. Два раза отразили приступ, потеряли 105 чел. убитых и раненых, наконец, заблестели штыки сикурса (помощь), и многочисленная орда предалась бегству» [1].

Перед нами прошли в беглых очерках три брата Бестужевых. Все были образованными моряками, горячо любили родной флот, беззаветно преданы были отечеству, мечтали о его славе и величии. Люди больших дарований, страстно любившие родину, они смело пошли на штурм феодального крепостничества, которое раздавило их.

Неоднократно упоминалось здесь имя четвертого представителя семьи Бестужевых — декабриста Александра Александровича. В очерке о декабристах-моряках о нем говорилось мимоходом, так как он служил в гвардейской кавалерии. Заменив ему в июле 1826 года «отсечение головы» 20-летней каторгой, царь сократил этот срок в августе до 15 лет и велел отослать его в крепость Роченсальм. Затем Бестужев был освобожден от каторжных работ и отправлен в Якутскую область на поселение. Здесь он тоже пробыл недолго. В 1829 году его перевели рядовым в Кавказскую армию. Участвуя во многих сражениях, он проявлял отвагу и храбрость.

В 1836 году Александр Бестужев получил долгожданный первый офицерский чин. Другим декабристам давали в таких случаях отставку. Бестужева не отпускали с передовой линии огня. 40-летний прапорщик был к этому времени самым знаменитым писателем. Романы и повести Марлинского (все знали, что это псевдоним декабриста Бестужева) печатались в самых распространенных журналах, выдерживали одно издание за другим, доставили автору всероссийскую славу, а семье его хорошее материальное обеспечение.

Прославленный, любимый товарищами Александр Бестужев много терпел от некоторых грубых начальников, видевших в нем только опального офицера с незначитель-

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 378 и сл.

ным чином армейского прапорщика. Он старался добыть свободу ценой крови и сам шел всегда туда, где «представлялось наиболее опасности». Так поступил он и во время сражения 7 июня 1837 года при занятии мыса Адлер. Здесь он со своим небольшим отрядом попал в засаду и был зарублен насмерть.

Павел Бестужев был на Кавказе произведен за отличие в поручики, получил орден за изобретенный им прицел к артиллерийскому орудию. Аппарат был принят во всей армии под названием «бестужевского прицела». Этим изобретением интересовался Николай Бестужев, поощрявший брата к дальнейшим работам. В 1835 году Павел Бестужев вышел в отставку и поехал в Петербург. «Великий князь, — рассказывает Михаил Бестужев, — почувствовал, вероятно, некое угрызение совести и предложил брату должность старшего адъютанта при главном управлении военноучебных заведений».

Павел Бестужев задумал еще некоторые усовершенствования по морской артиллерии. Его усилия провести их в жизнь разбились о чиновничье равнодушие. Он оставил свои затеи. Это очень беспокоило Николая Бестужева, который писал брату в 1841 году: «Жаль, что ты оставил артиллерию; у меня есть выдумка, которая могла бы принести пользу и ружью и орудиям, усилив полет ядра или пули, не изменяя качеств пороха и переменяя только направление затравки. Опыт этому, по совету моему, сделан был над винтовкою и показал, что это ружье, несшее пулю на 60 сажен, теперь несет ее на 90. Но как мне запрещено обращаться с огнестрельным оружием (хотя здесь нет дома, нет юрты, где бы ни было двух или трех ружей), а ты перестал думать о затравках, прицелах, диоптрах и тому подобном, то я бросаю эту идею в вечность бездонной Леты» [1].

Вскоре Павел Бестужев вышел вторично в отставку и женился. Жил он в имении жены во Владимирской губернии, поддерживал знакомство с офицерами ближайшей артиллерийской части, широко раздавал им книги

---

[1] М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири, ред. М. К. Азадовского и др., вып. I. Ирк., 1929, стр. 100.

из своей богатой библиотеки. В тогдашней плохой обстановке кавказской походной жизни Павел Бестужев нажил тяжелую болезнь, от которой много страдал и умер в 1846 году.

Посланный на Кавказ рядовым, лейтенант Н. П. Окулов участвовал в сражениях, проявил «в самых опаснейших местах» отвагу и храбрость. Долго заставляли Окулова отслуживать свою вину. Лишь в 1836 году ему дали первый офицерский чин, и только через два года после этого он сумел освободиться от службы-наказания.

На Кавказе Окулов встречался с Петром Бестужевым, который оставил в своих «Памятных записках» интересную характеристику его: «Старый товарищ мой на море, в шалостях, в горе и радости. Любезный человек! Добр, как нельзя более, честнейших правил, на все готовый для друга. Чувствительный ко всему обидному его или близких ему гордости. С ним не раскаивался бы я провести всю жизнь, уверенный, что никакое обстоятельство в свете не могло б переменить его участие и расположение. Ум его образован столько, чтобы не краснеть в хорошем обществе. Характер живой, но мнительный — во всем подозревает он неискренность; думает, что его обманывают в дружбе, в приязни, и, может стать, редко ошибается» [1].

После отставки Окулов проживал в деревне у родных, в Ярославской губернии.

Лейтенант Ф. Г. Вишневский тоже отслуживал свою вину декабриста в кавказских боях. Участвовал в штурме Карса, Ахалцыха, Сардар-Абада, проявляя храбрость, за что получил знак отличия военного ордена. Ему посчастливилось вернуться на короткий срок во флот. По ходатайству матери, Вишневского произвели в 1832 году в мичмана.

Прослужив полгода в 15-м флотском экипаже, Вишневский вышел в отставку «для определения к статским делам». Служил на Уральских горных заводах. В

---

[1] Бестужевы. Воспоминания, стр. 407.

1842 году Вишневский поселился в Москве, где и умер в 1865 году. П. А. Бестужев в своей обширной, в общем отрицательной, характеристике Вишневского пишет о его «глубоком и гибком уме», о «сострадательном и добром сердце», недоступном «однако к нежным чувствам». «В беспрестанном ропоте на свою судьбу познается черта слабости, недостойная стоика».

Епафродит Мусин-Пушкин был послан на Кавказ рядовым. За отличное участие в боях произведен в унтер-офицеры, но полностью заслужить прощение за свое участие в Тайном обществе не успел. Напротив, едва ли не единственный из моряков-декабристов, Мусин-Пушкин был в 1831 году привлечен к следствию «за распространение вольных мыслей» [1]. 14 июля того же года Мусин-Пушкин умер — до окончания следствия.

Мичмана Феопемпта Лутковского спасло от тяжелого наказания заявление нескольких товарищей о том, что он занят не «свободными мыслями, а пустыми разговорами», что «свободный образ мыслей не свойственен ему». Переведенный на службу в Черноморский флот в звании лейтенанта, Лутковский доказал, что он вовсе не «пустой» человек, а очень дельный, талантливый и образованный морской офицер.

В известной степени «вольный образ мыслей» был свойственен большинству русских моряков, вплоть до высших командиров. Во всяком случае многие из них сочувственно относились к присланным под надзор опальным мичманам и лейтенантам. Адмиралы тоже назначали провинившихся офицеров в боевые походы. Но делали это не по рецепту генерала Паскевича, а исключительно для того, чтобы молодежь могла проявить свои знания и способности.

В ежемесячных донесениях адмиралов и другого начальства царю о поведении присланных под их надзор декабристов подчеркивается ревностное отношение осуж-

---

[1] А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. Деятели революционного движения в России, ред. Б. П. Козьмина и др., т. I. М., 1927, стр. 121.

денных моряков к своим служебным обязанностям. В каждом докладе адмиралов видно стремление доказать царю, что передовая офицерская молодежь при соответственном руководстве может принести флоту большую пользу.

Главный командир Черноморского флота адмирал А. С. Грейг сообщал Николаю I, что лейтенант Лутковский прибыл на службу и явился к нему. При этом Лутковский «чистосердечно признался, что понимает свой перевод в Черноморский флот как наказание за совершенные им проступки. В объяснение последних Лутковский сказал, что главной причиной своего наказания он считает знакомство свое с лейтенантом Завалишиным». Однако утверждает, что они вместе с Завалишиным хотели заниматься изучением испанского языка и словесности. Лутковский никогда не предполагал в Завалишине никаких умыслов и дурных поступков, видя, что начальство хорошо относится к этому офицеру и награждает его. «Лутковский своим поведением и усердным исполнением службы не дает никаких причин и поводов подозревать его» [1].

Знания и способности Лутковского были оценены адмиралом Грейгом, который вскоре назначил его своим флаг-офицером. В войне 1828 года Ф. С. Лутковский отличился как распорядительный боевой командир. За участие «при вырезках турецкого судна близ Суджук-Кале и турецких судов из-под крепости Анапы» награжден орденом Владимира 4 степени с бантом.

Затем Лутковский отличился при взятии Анапы и блокаде Варны. В этих сражениях он участвовал в составе офицеров корабля «Париж», на котором находился император Николай. Царь внимательно присматривался к лейтенанту, имя которого значилось в «Алфавите» государственных преступников, и запомнил его.

Еще несколько лет прослужил Лутковский на Черном море, командуя судами различного класса. Плавая в Черном и Средиземном морях, Лутковский составил и напечатал научное описание посещенных им черноморских

---

[1] И. В. Егоров. Моряки-декабристы. Л., 1925, стр. 76.

портов, а также города Александрии в морском отношении и флотов турецкого и египетского. В 1833 году Лутковский был произведен за отличие в капитан-лейтенанты и награжден орденом Георгия 4 класса. Тогда же ученый моряк был переведен в Балтийский флот.

Впоследствии он был назначен вице-директором инспекторского департамента морского министерства. Умер в 1852 году в чине контр-адмирала.

Под личный надзор адмирала А. С. Грейга был направлен вместе с Лутковским превращенный из отставных капитан-лейтенантов в лейтенанта В. П. Романов. Главный командир относился к В. П. Романову благожелательно. При содействии адмирала он получил возможность применить свои знания и научные стремления к описанию заливов Сухумского и Редут-кале.

В 1828 году Романов командовал отрядом судов в сражении у Анапы и Варны. Был ранен пулей в голову и контужен в руку. За это сражение произведен в капитан-лейтенанты, получил военный орден и золотую саблю за храбрость. Оправившись от раны, Романов в следующем году снова участвовал в боях. В сражении у румелийских берегов отряд под его командованием овладел укреплением Чинганес-кале.

После тяжелой болезни — последствия раны и контузии — Романова освободили от службы в строю. В 1834 году он получил бессрочный отпуск и поселился в деревне. Продолжая здесь свои литературно-научные занятия, Романов вел большую культурно-просветительную работу среди крестьян. При содействии боевого моряка на крестьянских полях была поднята урожайность введением рационального удобрения. Крестьянские дома обсаживались деревьями и окружались садами. Он научил крестьян разводить картофель.

В 1842 году В. П. Романов вернулся на службу во флот и через несколько месяцев вышел снова в отставку с чином капитана 2 ранга «для определения к статским делам». Последние заключались в распространении среди крестьян правильных сведений о земледелии и в обслу-

живании их бытовых нужд. «Деятельность его была замечательна, — сообщалось в некрологе Романова. — До самой кончины не переставал он заниматься общественными вопросами. Всю жизнь искал не легких занятий, а усиленного труда» [1].

С началом Восточной войны В. П. Романов вернулся во флот. Командуя гребной флотилией, успешно вел военные действия в Финляндских шхерах. В 1855 году по личной просьбе он был переведен в Севастополь. Участвовал в героической обороне города-героя, был контужен в ногу. За отличие произведен в 1856 году в капитаны 1 ранга. Оставаясь на службе в Черноморском флоте, продолжал научную деятельность и произвел опись реки Днестр.

В 1861 году В. П. Романов произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы. Отмена крепостного права открыла ему широкое поле деятельности в качестве мирового посредника. Он пользовался большим доверием крестьян, интересы которых энергично защищал от посягательств крепостников. Вместе с тем он принимал участие в деятельности ученого комитета морского министерства и во многих ученых обществах. Печатал статьи в специальных изданиях. Умер 11 октября 1864 года.

Мичман А. М. Иванчин-Писарев был переведен «для исправления образа мыслей» в Архангельск под бдительный надзор начальства. В 1827—1831 годах он участвовал в производстве на бриге «Паломник» промеров в Белом море. Начальство сообщало для ежемесячного доклада царю, что Иванчин-Писарев «поведения хорошего, нравственности доброй, командуя ротой, рачителен к оной». Вследствие этого он был по окончании промеров освобожден от надзора и переведен в Балтийское море.

В 1833 году Иванчина-Писарева даже отпустили в заграничное плавание: на пароходе «Геркулес» он ходил

---

[1] «Одесский вестник», 1864, № 235 от 24 октября; ср. «Русский инвалид», 1864, № 245 от 5—17 ноября.

от Кронштадта до Данцига, Копенгагена и Стокгольма. Еще в 1828 году Иванчин-Писарев был произведен в лейтенанты, а в 1837 году уволен от службы капитан-лейтенантом для определения к статским делам. Умер в 1847 году в с. Чеплыгине, Бронницкого уезда, Московской губернии.

Лейтенант В. А. Шпейер был выдержан под арестом шесть месяцев в Свеаборгской крепости. Затем служил в Балтийском флоте и в Архангельске. Было предписано не давать Шпейеру отпуска и тщательно следить за ним. В 1829 году лейтенант просил дать ему отпуск в Петербург для свидания с больным отцом. Главный морской штаб сообщил начальству, что «ввиду сильной прикосновенности Шпейера к происшествию 14 декабря 1825 года его просьба подлежит уважению только в крайнем случае, при соблюдении достаточных предосторожностей и прежде всего назначении за ним секретного наблюдения» [1].

В 1831 году Шпейер переведен в Черноморский флот. Через три года вернулся в Балтийское море с чином капитан-лейтенанта. В 1843 году — капитан 2 ранга, спустя 3 года — капитан 1 ранга. Награжден орденом за 25-летнюю службу. Командовал кораблями. В 1854 году уволен в отставку контр-адмиралом. Умер в 1869 году в Петербурге.

Мичман В. М. Тыртов был переведен в июле 1826 года в Каспийскую ластовую роту. За его поведением тщательно следил сам император. «Случилось так, что о Тыртове некоторое время не поступало никаких сведений. Было сделано строгое напоминание, что вот, дескать, о Тыртове ничего не доносят, а было приказано доносить неукоснительно». Тыртов просил об определении его в отдельный Кавказский корпус. В этом было отказано. По приказанию царя Тыртов был назначен в Черноморский 2-й экипаж. Адмиралу Грейгу сообщено было о необходимости иметь за ним «неусыпный надзор» [2].

---

[1] И. В. Егоров. Моряки-декабристы. Л., 1925, стр. 78.
[2] Там же, стр. 72.

Грейг сообщил в Петербург, что Тыртов особенно отличился в сражении под Варной. За это он был произведен в лейтенанты. Через 4 года Тыртова уволили от принудительной поднадзорной службы и разрешили жить в имении матери во Владимирской губернии.

Возвращенный по приказанию императора на службу в Гвардейский экипаж, лейтенант Д. Н. Лермантов 2-й принял в 1828 году участие в военных действиях на Черном море. В следующем году вернулся в Петербург. Долго присматривался император к его поведению. Лишь в 1834 году Д. Н. Лермантов был произведен в капитан-лейтенанты. Через два года назначен членом кораблестроительного департамента и постепенно повышался в чинах. В 1853 году — при отставке — произведен из капитанов 1 ранга в генерал-майоры. В следующем году умер.

Служба М. Н. Лермантова 1-го шла успешнее. За участие в различных сражениях он получал награды. В 1832 году назначен вице-директором инспекторского департамента главного морского штаба. В 1837 году — контр-адмирал. Был главным командиром Свеаборгского порта и военным губернатором города. В 1860 году уволен в отставку с чином адмирала.

Н. А. Бестужев интересовался деятельностью М. Н. Лермантова после декабрьских событий. Любопытное замечание находим в письме Бестужева к брату Павлу от 4 июля 1838 года из Петровского: «Недавно прочли мы Сказку о купеческом сыне Калашникове. Это превосходная маленькая поэма. Вот так должно передавать народность и ее историю!» Прося брата сообщить, кто автор этой поэмы, Н. А. Бестужев пишет: «Еще просим тебя сказать: кто и какой Лермонтов написал «Бородинский бой»? Неужели это наш товарищ, сладкий, миндальный Михаил Николаевич?»

Повидимому, М. Н. Лермантов еще до 1826 года проявлял некоторое стремление писать. Что касается названных в письме Н. А. Бестужева произведений М. Ю. Лермонтова, то стихотворение «Бородино» было напечатано в журнале «Современник» за 1837 год[1] за

[1] Том VI, № 2, стр. 207—211.

подписью «М. Лермантов», а «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» напечатана в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» за 1838 г.[1] за подписью «—в». Полностью имя автора не могло тогда появляться в печати, так как он был в ссылке на Кавказе за стихотворение на смерть Пушкина («Смерть поэта»), обвинявшее придворных клеветников в гибели гениального поэта.

Написанная М. Н. Лермантовым в 1860 году история Гвардейского экипажа была представлена императору Александру II, который обратил внимание на рассказ об участии экипажа в декабрьских событиях 1825 года. После смерти М. Н. Лермантова (в 1866 году) рукопись была передана в ученый отдел морского ведомства. Некоторые выдержки из нее приведены выше.

А. Р. Цебриков участвовал в боевых операциях 1828 года на Черном море. В 1834 году он произведен в капитан-лейтенанты, в 1853 году — в контр-адмиралы. Участвовал в войне 1853—1855 годов, командуя гребной флотилией на Черном море. Взаимодействуя с сухопутными войсками, охранял их передвижение огнем своих канонерских лодок. В 1860 году уволен в отставку вице-адмиралом. Биограф декабриста Н. Р. Цебрикова сообщает на основании архивных материалов, что А. Р. Цебриков и генерал-лейтенант К. Р. Цебриков «не нашли нужным подать руку помощи брату, когда он после долгих скитаний за Кавказом сбросил, наконец, солдатскую шинель»[2].

А. П. Литке продолжал службу в Гвардейском экипаже, но последствия событий 14 декабря тяжело отразились на нем. Рассказывая о своем отправлении в кругосветное путешествие 1826—1829 годов, Ф. П. Литке пишет про брата: «Я хотел взять его с собой, но Моллер

[1] № 18, стр. 344—347.
[2] С. Я. Гессен. Н. Р. Цебриков и его мемуары, сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.», т. I. М., 1931, стр. 249.

отказал мне под предлогом, что Гвардейский экипаж под подозрением у государя. Пойди он со мной, то, вероятно, избег бы тех жестоких испытаний, какие его ожидали впоследствии и избег бы самого мучительного конца». В чем заключались эти мучения, не выяснено. Неизвестен также год смерти А. П. Литке, который был в 1836 году уволен со службы с чином капитан-лейтенанта «для определения к штатским делам».

Д. А. Щепин Ростовский получил в день коронования Николая Павловича второе снижение наказания: вечная каторга заменена 20-летней. За две недели до этой «милости» его заключили в крепость Свартгольм (Финляндия). Здесь он пробыл год и отправлен в Сибирь. Последовательными снижениями в 1832 и 1835 годах срок каторжных работ сократился до 13 лет.

В 1839 году Щепин-Ростовский вышел на поселение в дер. Тасеевское, Енисейской губернии. Здесь он был единственным поселенцем из декабристов. По ходатайству матери его перевели в 1842 году в гор. Курган, Тобольской губернии, близ границы Оренбургской и Пермской губерний. В Кургане Щепин-Ростовский прожил 15 лет — до самой амнистии. Разновременно там находились в ссылке вместе с Щепиным несколько других участников Тайного общества.

Почти все декабристы занимались на поселении каким-нибудь видом хозяйственной деятельности. Местная полиция отмечала это в сообщениях, доставлявшихся императору. Про Щепина-Ростовского ежегодно докладывалось, что он «ничем особенным не занимается», а средства к жизни он получает от матери. Только в ведомостях за 1850 год говорится, что он «занимается чтением книг».

Наряду с этим полицейские чины жаловались губернатору на вспыльчивый, несдержанный характер Щепина-Ростовского. Личные столкновения с ним полиция объясняла в своих доносах как борьбу с вредным образом его мыслей. Обвинения Щепина в «неприличных отзывах о правительстве» доходили до царя. Приказано было установить за Щепиным особо строгий надзор. Но дело

ограничилось некоторыми мерами, стеснявшими его свободу, и тяжелых последствий не имело. Тобольский губернатор проверил жалобы полицейских и установил их пристрастное отношение к декабристу [1].

Последние годы ссылки Щепин-Ростовский болел. В 1856 году он выехал на родину. По амнистии ему были возвращены права дворянства без княжеского титула. Умер он в 1859 году в Ярославской губернии.

В. И. Штейнгель был после объявления приговора заключен в Свартгольмскую крепость. По коронационному манифесту ему предстояло отбыть 15 лет каторги. Осенью 1827 года он прибыл в Сибирь. После двух сокращений каторги он был в 1835 году поселен в деревне Елань, Иркутской губернии. Через год он просил перевести его в гор. Ишим, Тобольской губернии, «или другой какой-либо город ближе к России, собственно для утешения невинного, но не менее страждущего семейства». Царь разрешил, написав на докладе Бенкендорфа: «Давно уже простил в душе как Штейнгеля, так и прочих государственных преступников» [2].

В марте 1840 года Штейнгелю, по его просьбе — «для сближения с семейством», разрешили переехать в Тобольск. На поселении Штейнгель возобновил литературную деятельность. Он составил обширное, в 7 печатных листов, «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии», напечатанное в 1843 году во 2-й части «Журнала министерства внутренних дел». Вместо подписи автора под статьей значится: «Сообщено Н. Черняковским, ишимским купцом». Печатал он также за подписью «Тридечный», напоминающей его первоначальную профессию моряка, исторические очерки в петербургском журнале «Маяк».

Тобольский губернатор М. В. Ладыженский относил-

---

[1] А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. Спб., 1905, стр. 190 и сл.

[2] Там же, стр. 175 и сл.

ся к Штейнгелю с большим уважением. Высоко ценя административный опыт и литературное дарование ссыльного декабриста, губернатор привлек его к делам управления. «Когда в 1842 году, — рассказывает по документам архива Западной Сибири А. И. Дмитриев-Мамонов,— начались волнения крестьян в смежных уездах Пермской губернии (так называемые картофельные бунты), вызвавшие беспокойства и брожение умов, Ладыженский просил Штейнгеля написать воззвание к народу. Воззвание это имело успокоительный успех, но генерал-губернатору кн. Горчакову не понравилось участие Штейнгеля в делах управления губернией».

Князь П. Д. Горчаков предложил губернатору «немедленно перевести» Штейнгеля на жительство в Тару. Сообщая об этом Бенкендорфу, генерал-губернатор пояснял, что причиной перевода послужили «неоднократно доходившие слухи о допущении тобольским гражданским губернатором Ладыженским, тайным образом, Штейнгеля к составлению служебных бумаг, от чего Штейнгель не чужд влияния на дела управления». В уведомлении министру внутренних дел князь Горчаков более подробно излагал основания, побудившие его сделать распоряжение о немедленном удалении Штейнгеля из Тобольска: «С 1840 г., по переводе в Тобольск и по назначении Ладыженского, Штейнгель был принят в доме Ладыженской, супруга которого еще с детства знакома была с Штейнгелем. Впоследствии сношения эти обратились в полную доверенность, и Штейнгель стал, приватно, по важнейшим делам службы писать бумаги, подавать советы. Такое влияние Штейнгеля на Ладыженского возрастало постепенно, и общая молва обратила мое внимание на сие участие в местном управлении лица, лишенного всех прав состояния за преступления политические».

Губернатор даже «учредил какую-то особенную собственную канцелярию, дабы с большим удобством и большею тайною допускать Штейнгеля к рассмотрению и направлению производящихся по губернии дел. Из этой канцелярии под фирмою губернатора выходят иногда пространные резолюции и проекты».

Этим заявлением было положено начало гонениям на Штейнгеля. Старый декабрист не сдавался и вступил в долгую, упорную борьбу с высшей сибирской властью. В сентябре 1843 года Штейнгель по приказанию царя был переведен в Тару. Оттуда он послал Бенкендорфу жалобу на «жестокость, несправедливость и самовластие» генерал-губернатора. Свою высылку он называл «бесчеловечием, безнравственностью, просто убийством».

Вступивший после Бенкендофра в управление жандармским ведомством А. Ф. Орлов сообщил генерал-губернатору, что не возражает против удовлетворения просьбы Штейнгеля о переводе его в Тюмень. Горчаков возражал: «Во-первых, из всей Сибири Тюмень есть ближайший город к России, и он лежит на большой дороге, куда вообще водворять государственных преступников воспрещено, да и подобное перемещение было бы особенною милостию, которую никто из сих господ, далеко превосходящих нравственностью Штейнгеля, не пользуется. Во-вторых, это снисхождение послужило бы примером бессилия местной власти над всеми государственными преступниками и, наконец, в-третьих, по случаю утверждения в сем городе ярмарки господин Штейнгель приобрел бы возможность свободного сообщения со всею Россиею и обширное поле к козням»[1].

Штейнгель настойчиво добивался перевода и по своему желанию поселился в Тобольске. Несмотря на борьбу Штейнгеля с генерал-губернатором, тобольская администрация относилась к сосланному государственному преступнику без предвзятости. Все шесть губернаторов, начальствовавшие при нем, сообщали в Петербург, что он «ведет жизнь весьма скромную, занимается чтением книг».

После амнистии Штейнгель вернулся в Россию. Здесь он развил большую литературную деятельность. Печатал в «Морском сборнике» за подписью «Тридечный» статьи по истории русского флота, о воспитании командного

---

[1] А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири, стр. 181 и сл.

состава флота, о Российско-американской компании. В других периодических изданиях печатал отрывки из своих воспоминаний. Умер в 1862 году в Петербурге.

Смерть Штейнгеля вызвала секретную переписку жандармского ведомства с другими о писателях и общественных деятелях, явно выражавших на его похоронах сочувствие покойному как декабристу.

Отделались от людей, но не отделаются от их идей.

Декабрист *М. С. Лунин*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русское общество относилось к декабристам сочувственно за их самоотверженное выступление против феодального крепостничества. Тех, кто погиб на каторге и поселении, на передовой линии огня Кавказского фронта, почитали как героев, пожертвовавших жизнью в борьбе с насилием и гнетом. Вернувшихся на родину окружили вниманием и любовью за верность идеалам молодости после долгих и тяжелых испытаний.

Много страданий перенес с декабря 1825 года до возвращения на родину в 1856 году представитель одной из самых знатных русских фамилий, близких к царскому двору и стоявших у власти, храбрый участник отечественной войны, генерал, князь С. Г. Волконский. Немало унижений выпало на его долю после амнистии до снятия с него в 1863 году полицейского надзора. Но даже в 75-летнем возрасте, рассказывая о своем участии в Тайном обществе, Волконский говорил, что это было вступлением в новую жизнь. «Я вступил в нее, — писал он,— с гордым чувством убеждения и долга гражданина и с твердым намерением исполнять во что бы то ни стало мой долг исключительно из любви к отечеству. Избран-

ный мною путь привел меня в верховный уголовный суд, в Сибирь, в каторжную работу и к тридцатилетней жизни в ссылке. И тем не менее ни от одного слова своего и сейчас не откажусь»[1].

М. С. Лунин — единственный из декабристов, продолжавший в сибирской ссылке смелую борьбу с полицейским самовластьем. Его политические статьи и письма в многочисленных копиях распространялись по России в мрачное время жандармской реакции Николая I. Они будили общественную мысль, были ярким примером гражданского мужества. Пересылая свои письма-памфлеты сестре через жандармское управление, Лунин дразнил медведя в его берлоге. «Уничтожение рабства, — писал он, — восстановляя порядок и стройность в учреждениях, послужит к сокрушению врагов действительнее, чем сожжение городов, опустошение областей и суровость климата. Но деятельность господствующей партии поглощается одними полумерами и внешними изменениями. Она старается сделать правительство самодержавнее, чем оно есть. Власть, на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее — не что иное, как постоянное отступление под прикрытием корпуса жандармов перед духом Тайного общества, который охватывает ее со всех сторон.

Отделались от людей, но не отделаются от их идей. Желания нового поколения стремятся к сибирским пустыням, где славные изгнанники светят во мраке, которым стараются их затмить. Их жизнь в заточении постоянно свидетельствует об истине их начал. Их слово так сильно, что запрещают выражать его даже в простых письмах к родным. У них отняли все: звание, имущество, здоровье, отечество, свободу. Но не могли отнять у них любовь народную. Она обнаруживается благоговением, которым окружают их огорченные семейства; религиозным чувством, которое питают к женам, разделяющим заточение мужей своих; ревностью, с которой собирают письмена, где обнаруживается животворяющий дух изгнанников. На время могут затмить ум русских, но ни-

---

[1] С. Г. Волконский (декабрист). Записки. Спб., 1901, стр. 402.

когда их народное чувство. Не слабостью монголов и не происками князей освободилась Россия. Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов. Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание» [1].

Мысли Волконского и Лунина разделяло большинство участников движения, в том числе Н. А. Бестужев и другие моряки-декабристы. Их сердечные помыслы и задушевные стремления выразил М. С. Лунин в предисловии к своим Письмам из Сибири: «Цель писем моих состояла в том, чтобы обозначить органические вопросы быта общественного, которые разрешать необходимо, но которые держат под спудом и устраняют, занимая умы делами второстепенными и мелочными подробностями.

Заключенный в казематах, не переставал я размышлять о выгодах родины. Думы мои всегда клонились к пользам тех, которые не познали моих намерений. Последнее желание мое в пустынях сибирских, чтобы мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в умах соотечественников» [2].

Из 18 офицеров-моряков, осужденных по делу 14 декабря 1825 года, погибли на Кавказе три человека: В. А. Дивов, Б. А. Бодиско, Е. С. Мусин-Пушкин. Умерли в Сибири, на поселении, четыре человека: А. П. Арбузов, Н. А. Бестужев, К. П. Торсон, М. К. Кюхельбекер. Умерли в России возвращенные на родину до общей амнистии два человека: Н. А. Чижов и П. А. Бестужев. Нет сведений об одном — Н. П. Окулове. Умерли в европейской России после амнистии 1856 года восемь человек: Д. И. Завалишин, Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. Бестужев, В. И. Штейнгель, А. П. и П. П. Беляевы, М. А. Бодиско, Ф. Г. Вишневский. К ним надо прибавить несколько морских офицеров

[1] М. С. Лунин. Сочинение и письма. Ред. С. Я. Штрайха. Труды Пушкинского Дома Академии Наук. П., 1923, стр. 50, 66 и др.

[2] Там же, стр. 29; ср. М. С. Лунин. Общественное движение в России. Письма из Сибири, ред. С. Я. Штрайха. М.-Л., 1926; С. Я. Гессен и М. С. Коган. Декабрист М. С. Лунин и его время. Л., 1925.

из числа наказанных в административном порядке или «оставленных без внимания» и умерших после 1856 года. Все эти участники общественного движения двадцатых годов XIX в. могли видеть, как их идеи об уничтожении феодально-крепостнического строя распространялись в стране, привлекая внимание революционеров-демократов.

В статье «Памяти Герцена», опубликованной в связи со 100-летием его рождения (1912 год), В. И. Ленин писал о трех поколениях, действовавших в русском революционно-освободительном движении. «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского... Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах»[1].

Следующий натиск бури относится к концу февраля 1917 года. «Быстрый переход войск на сторону рабочих решил судьбу царского самодержавия» [2].

Настоящая буря — движение самих масс — разразилась в октябре 1917 года. «На протяжении восьми месяцев от февраля до октября 1917 года партия большевиков выполняет труднейшую задачу: она завоевывает большинство в рабочем классе, в Советах, она привлекает на сторону социалистической революции миллионы крестьян» [3].

«...Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества...» [4].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 468—469.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, 1938, стр. 169.
[3] Там же, стр. 213.
[4] Там же, стр. 214.

Декабристы принадлежали к первому из трех поколений, действовавших в русской революции. Они были далеки от народных масс. Ограничены были их программные требования. Но декабристы положили начало революционному движению за освобождение родины от полицейского деспотизма и помещичьего самовластья. Народы нашей страны чтут в них людей, проявивших решимость принести в жертву все, даже самую жизнь, ради пламенной любви к отечеству. А среди этих людей моряки занимают видное и почетное место.

I. МАТРОСЫ-ДЕКАБРИСТЫ [1]

Список рядовых моряков — участников восстания 14 декабря 1825 года — откроем именем того матроса, чья биография характерна для многих сотен рядовых моряков-революционеров последующих поколений. В дальнейшем список матросов-декабристов составлен в алфавитном порядке их фамилий.

Матрос 2-й статьи 2-й роты Гвардейского экипажа Иоганн Алексеевич Анатуин — бывалый моряк. Поступив на службу во флот в 1809 году, он был через десять лет переведен в Гвардейский экипаж. Приезжая в летний отпуск на родину, в Эстляндию, Анатуин вел в деревне агитацию среди крестьян. Убеждал их бороться с помещиками — немецкими баронами, грабившими презираемое ими трудовое население края.

В 1825 году полиция обратила внимание на деятельность Анатуина. Возникло дело, которое могло окончиться печально для матроса. Но в следствии принял участие офицер Гвардейского экипажа, старавшийся оградить свое начальство от обвинения в слабом надзоре за подчиненными: дело кончилось для Анатуина более или менее благополучно.

14 декабря Анатуин весь день простоял на площади в рядах Гвардейского экипажа. Царской картечью он был ранен в грудь

---

[1] Список составлен по следующим источникам: С. Я. Гессен. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930; И. В. Егоров. Моряки-декабристы. Л., 1925; А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. Деятели революционного движения в России, био-библиографический словарь, ред. Б. П. Козьмина и др., т. I. М., 1927; С. Лукашевич. Материалы по истории русского флота, «Морской сборник», 1920, № 6—7, стр. 34 и сл.; Список раненым нижним чинам 14 декабря со стороны противной, «Былое», 1907, № 3, стр. 194 и сл.; Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. в книге А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 года». М.-Л., 1926, стр. 179 и др.

на вылет с повреждением правого легкого. Подобранный тут же в бессознательном состоянии, Анатуин всю ночь пролежал в штабе Гвардейского корпуса. На другой день его доставили в лазарет Финляндского полка, где он умер — по одним сведениям — 26 декабря; в другом списке жертв 14 декабря Анатуин значится как Юган Алатынин, раненный картечью в грудь на вылет и умерший 28 декабря.

Аверкиев Осип Яковлевич — квартирмейстер 1-й роты[1], участвовал в восстании на Сенатской площади. Смертельно ранен. Умер в Финляндском госпитале 23 декабря.

Агарков Викентий Андреевич — матрос 2-й статьи 5-й роты. Срока службы 1818 года. 11 декабря был на площади в рядах восставших. До середины января 1826 года содержался в Петропавловской крепости, затем переведен в Кексгольмскую крепость в Финляндии. 27 февраля отправлен на Кавказский театр войны.

Аксенов Прокофий Аксенович — квартирмейстер 5-й роты. Срока службы 1806 года. В Гвардейский экипаж переведен в 1820 году. Был с батальоном на площади. Пропал без вести.

Александров Андрей Александрович — матрос 2-й статьи 8-й роты. В гвардию переведен в 1825 году. Содержался в Петропавловской и Кексгольмской крепостях. Отправлен на Кавказ 27 февраля 1826 года.

Андреев Федор — флейтщик 8-й роты. Это был музыкант-подросток, зачисленный на службу в экипаж в 1820 году. Убит 14 декабря на Сенатской площади первым залпом картечи. Гибель Андреева отмечена великим князем Михаилом Павловичем в его «Воспоминаниях о событиях 14 декабря 1825 года». Рассказывая, как он велел стрелять в восставших, царский брат пишет: «Командное слово раздалось. Картечь на таком близком расстоянии произвела ужасное опустошение, и в числе самых первых жертв пало несчастное дитя, флейтщик морского экипажа»[2].

Анисимов Миней — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службу вступил в 1817 году, через 5 лет переведен в Гвардейский экипаж. Посаженный после разгрома восстания в Петропавловскую крепость, он был 27 декабря исключен из списков Гвардейского экипажа и отправлен в январе в Кексгольмскую крепость. Через месяц Анисимов выступил в составе сводного полка на Кавказ — на первую линию огня.

Антонов Никита (или Николай) Михайлович — матрос 2-й статьи 2-й роты. Срока службы 1820 года, в гвардии с 1825 года. Был на площади в рядах батальона. Исключен из списков как пропавший без вести.

Архипов Петр Архипович — матрос 1-й статьи 2-й роты. Служил с 1806 года, в гвардии с 1814 года. На площади убит залпом из картечи.

---

[1] Матросы, при фамилии которых нет названия части, служили в Гвардейском экипаже.

[2] Сб. Междуцарствие 1825 года..., ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1936, стр. 61.

Афанасьев Савелий Федорович — младший унтер-офицер артиллерийской команды Гвардейского экипажа. В службу вступил в 1815 году. Был на площади. По сообщению штаба гвардейского корпуса командиру экипажа пропал без вести.

Баусов Константин — столярный юнга 3-го отделения. Был на площади. С огнестрельной раной доставлен в лазарет нового полкового двора на Галерной улице. В списках лазарета значится Гаусевым. Оттуда под своей фамилией отправлен в морской госпиталь. В списке последнего, сообщенном начальнику морского штаба, против фамилии Баусова отметка: «Благонадежен к выздоровлению». Это означало, что его можно включить в отряд, назначенный к отправлению на Кавказ, — в первую линию огня.

Богданов Осип Васильевич — матрос 2-й статьи, 7-й роты. Срока службы 1813 года. Был на площади в рядах батальона. 27 декабря исключен из списков как пропавший без вести.

Валов Лавр Петрович — матрос 2-й статьи 6-й роты. В службе с 1814 года. Ранен 14 декабря на площади и доставлен в госпиталь. Оттуда переведен 1 марта 1826 года в Петропавловскую крепость, а 24 апреля отправлен на Кавказ.

Васильев Иван Васильевич — матрос 2-й статьи 3-й роты. В службе с 1816 года. Конечно, дата относится к переводу в Гвардейский экипаж. Васильев имел медаль в память 1812 года, которая, вероятно была пожалована ему за участие в отечественной войне. 14 декабря был на Сенатской площади. Исключен из списков экипажа 27 декабря как пропавший без вести.

Величков Павел Борисович — матрос 2-й статьи 8-й роты. Срока службы 1813 года. За участие в восстании 14 декабря заключен в Петропавловскую крепость. В январе переведен в Кексгольмскую крепость, а 27 февраля отправлен на Кавказ на передовую линию огня.

Волков Родион Лаврентьевич — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службе с 1821 года, в Гвардейском экипаже с 1825 года. Был на площади в рядах батальона. Раненный и контуженный в правое плечо, доставлен в артиллерийский госпиталь. Оттуда прислан 18 января 1826 года в Петропавловскую крепость. В конце февраля отправлен на Кавказ.

Волков Федор Петрович — матрос 2-й статьи 8-й роты. Срока службы 1820 года. В гвардию переведен в 1825 году. За участие в восстании 14 декабря заключен в крепость. 27 февраля послан на Кавказский театр войны.

Гладкий Владимир Дмитриевич — матрос 2-й статьи 6-й роты. В службе с 1818 года, в гвардии с 1822 года. Был на площади 14 декабря. Заключен в Петропавловскую крепость, в январе переведен в Кексгольм. В конце февраля отправлен на Кавказ.

Глотов Павел Ануфриевич — матрос 1-й статьи 5-й роты. В службу вступил в 1811 году, в Гвардейском экипаже с 1820 года. Был на площади. Исключен из списков как пропавший без вести.

Голубков Владимир Михайлович — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службе с 1816 года. 14 декабря был на площади. Показан в списках пропавшим без вести.

Григорьев Василий Григорьевич — матрос 2-й статьи 2-й роты. Срока службы 1816 года. Был на площади в рядах восставших. Пропал без вести.

Дмитриев Леонтий Дмитриевич — матрос 2-й статьи 8-й роты. В службе с 1817 года. За участие в восстании 14 декабря выдержан свыше двух месяцев в Петропавловской и Кексгольмской крепостях. Отправлен на Кавказский театр войны.

Дуров Трифон Семенович — матрос 1-й статьи 3-й роты. Срока службы 1812 года. Был в рядах восставшего экипажа. Сидел в крепостях. Отправлен в феврале 1826 года на Кавказ.

Екимов Иван Екимович — матрос 2-й статьи 1-й роты. В одном из списков значится как Якимов Иван Якимович. В службе с 1814 года. На площади был ранен и отправлен в госпиталь. К 1 марта 1826 года оправился настолько, что его заключили в Петропавловскую крепость. 24 апреля послан на Кавказ — заслуживать вину в рядах, где представлялось наиболее опасности.

Елизаров Федор Елизарович — матрос 2-й статьи 1-й роты. В службе с 1811 года. За участие в восстании 14 декабря 1825 года отправлен на Кавказский театр войны.

Ерыгин Петр Егорович — матрос 2-й статьи 2-й роты. В службе находился с 1821 года, в Гвардейском экипаже с 1825 года. На площади был 14 декабря в рядах батальона. Ранен картечью в левое плечо и контужен в голову. Доставлен в артиллерийский госпиталь. Контора последнего донесла 15 декабря командиру Гвардейского экипажа, что на Ерыгине были сапоги, зимние шаровары, рубаха и подштанники. 23 марта 1826 года Ерыгин заключен в Петропавловскую крепость, а 24 апреля отправлен на Кавказ — на передовую линию огня.

Железня(и)ков Гавриил Тимофеевич — матрос 1-й статьи 1-й роты. В службе с 1813 года, в гвардии с 1823 года. «По происшествию 14 декабря» исключен из списков Гвардейского экипажа. Высидел больше двух месяцев в крепостях, в конце февраля 1826 года отправлен на Кавказский театр войны.

Зайцев Иван Дмитриевич — матрос 2-й статьи 1-й роты. В службе с 1811 года. На Сенатской площади ранен 14 декабря картечью в правое плечо. В артиллерийском госпитале пробыл до 12 апреля. Был доставлен туда, как сообщала контора командиру экипажа, в летних шароварах. После 12-дневного заключения в Петропавловской крепости отправлен на Кавказ.

Зайцев Сидор Гаврилович — канонир 1-й статьи артиллерийской команды Гвардейского экипажа. Вступил в службу в 1816 году. На площади был 14 декабря в рядах батальона. Тяжело ранен картечью в грудь и в правую руку. Доставлен в госпиталь Финляндского полка, где пришлось отрезать руку. Из госпиталя выпущен 23 мая инвалидом. Несмотря на это, заключен в Петропавловскую крепость. Спустя 3 месяца отправлен в инвалидную команду Оренбургского корпуса.

Захаров Тимофей Захарович — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службу вступил в 1821 году, в гвардию переведен в 1825 году. На площади ранен картечью в щеку. При этом у него повреж-

дена нижняя челюсть. Доставлен в лазарет Финляндского полка, где пробыл до 8 марта (по одному списку — до 1 января). По выздоровлении отправлен в Петропавловскую крепость. Через полтора месяца отослан на Кавказский театр войны.

Зеленин Егор Васильевич — матрос 1-й статьи 6-й роты. Срока службы 1813 года, в гвардии с 1824 года. За участие в восстании 14 декабря выдержан в Петропавловской и Кексгольмской крепостях два с половиной месяца. Затем отправлен на Кавказ — заслуживать на передовой линии огня свою вину.

Иванов Василий Иванович — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службу вступил в 1817 году, через 5 лет переведен в Гвардейский экипаж. Исключен из списков батальона 27 декабря. Сведений об отправлении его на Кавказ нет. Но, вероятно, не избежал общей участи всех матросов, прикосновенных к «происшествию 14 декабря», не убитых на площади и не пропавших без вести.

Иванов Лавр Петрович — матрос 6-й роты. Срока службы 1814 года. За участие в восстании 14 декабря посажен в крепость. В конце февраля 1826 года отправлен на Кавказ.

Иванов Логин Иванович — средний унтер-офицер артиллерийской команды Гвардейского экипажа. Срока службы 1806 года. За участие в восстании 14 декабря исключен из списков батальона. По выдержании свыше двух месяцев в крепостях отправлен для искупления вины на Кавказ.

Иванов Макар Иванович — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службе был с 1821 года, в гвардии с 1825 года. Был с батальоном на площади. Затем в крепости и на передовой линии огня Кавказского театра войны.

Иванов Николай Иванович — канонир 2-й статьи артиллерийской команды Гвардейского экипажа. Срока службы 1814 года. На площади был в рядах батальона. Ранен картечью в грудь и дважды в руку на вылет. Доставлен в Финляндский госпиталь. По одним сведениям умер 17 января 1826 года, по другим — переведен из госпиталя 22 января в Петропавловскую крепость и 27 февраля отправлен на Кавказ.

Калмыков Василий Иванович — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службе с 1817 года. За участие в восстании посажен в крепость и послан на Кавказ — в наиболее опасные места.

Каменской Степан Ефимович — бомбардир артиллерийской команды. В службу вступил в 1813 году. В бомбардиры произведен 10 ноября 1825 г. Был на площади весь день 14 декабря. Пропал без вести.

Капустин Василий Леонтьевич — канонир 1-й статьи артиллерийской команды. Служил во флоте с 1812 года, в Гвардейском экипаже с 1825 года. Был 14 декабря в строю экипажа на площади. За это выдержан в крепостях и послан на передовые линии Кавказского боевого фронта.

Касьянин Семен — унтер-офицер. Был на площади с батальоном. По разгроме восстания скрылся и шесть дней числился пропавшим без вести. В ночь на 20 декабря был взят капитан-лейтенантом М. Н. Лермантовым из казармы гвардейского Семе-

новского полка, где находился у приятелей-солдат. Ружья при нем не оказалось. Из «дела» Гвардейского экипажа о «происшествии 14 декабря» не видно, какая участь постигла Касьянина. Можно полагать — не легче ссылки на Кавказский театр войны, в «наиболее опасные» места.

Кириллов Василий Кириллович — матрос 2-й статьи 2-й роты. Службу начал в 1818 году и через 4 года переведен в гвардию. На площади 14 декабря ранен картечью ниже правого колена. Доставлен в артиллерийский госпиталь. По сообщению конторы последнего на Кириллове было всего одежды: рубаха, подштанники и сапоги. Его раздели те полицейские, которые подбирали раненых на площади. Их мародерские действия отметил в официальной записке чиновник жандармского ведомства М. М. Попов (см. стр. 49). Пребывание Кириллова на морозе без верхней одежды осложнило его рану. Он умер в госпитале 30 декабря.

Клементьев Иван Григорьевич — матрос 2-й статьи 7-й роты. Срока службы 1814 года. За участие в восстании 14 декабря содержался в крепости. 27 февраля отправлен на Кавказ.

Кононов Осип Кононович — матрос 2-й статьи 2-й роты. В службу вступил в 1821 году, в гвардии с 1825 года. На площади был 14 декабря в рядах экипажа. Ранен картечью в ляжку на вылет. При доставлении в Финляндский госпиталь на Кононове были кивер, мундир с шароварами, сумка с перевязью, рубаха, одна рукавица и другие вещи. В госпитале пролежал до 23 мая 1826 года (по другим сведениям до 3 января). Затем сидел в заключении в Петропавловской крепости. Как «неспособный» к окончательному излечению отправлен в инвалидную команду Оренбургского корпуса. В некоторых документах фамилия Кононова выписана неправильно: Колалов, Каналов, Конанов.

Королев Федор Иванович — матрос 2-й статьи 2-й роты. Срока службы 1816 года, в гвардии с 1818 года. Находился 14 декабря на площади в строю экипажа. Был ранен. Несмотря на это, заключен в крепость. В конце февраля 1826 года отправлен на Кавказ, где ему предстояло долечиваться на передовой линии огня.

Кошкарев Афанасий Иванович — квартирмейстер 8-й роты (назначен на эту должность 27 октября 1825 г.). В службу вступил в 1813 году. За участие в восстании 14 декабря посажен в крепость. 26 февраля отправлен на Кавказ. В некоторых списках значится как Кошкашенов.

Крылов Макар Ермилович — канонир 2-й статьи артиллерийской команды. В службе с 1820 года, в гвардии с 1825 года. Был на площади в рядах батальона. Контужен в левый висок картечью. Доставлен в лазарет Финляндского полка. По выздоровлении (22 декабря) заключен в крепость, а в конце февраля 1826 года отправлен на опаснейшие места Кавказского фронта.

Крюков Марк Иванович — матрос 2-й статьи 4-й роты. В службу вступил в 1816 году. Был ранен 14 декабря, находясь на площади, в кисть левой руки. Доставлен в крепость, а оттуда 16 декабря — в сухопутный госпиталь. На нем были мундир и другие предметы одежды. 6 мая Крюков признан здоровым и за-

ключен в Петропавловскую крепость. Дальнейшая его судьба не выяснена.

Кукин Ларион Петрович — матрос 2-й статьи 4-й роты. В службе с 1819 года, в гвардии с 1825 года. 14 декабря был в рядах экипажа на Сенатской площади. Высидел два с половиной месяца в крепостях и отослан на Кавказский театр войны.

Кулаков Василий Алексеевич — канонир 2-й статьи артиллерийской команды. В службе с 1815 года. На площади 14 декабря ранен в левую руку, которую пришлось отнять по доставлении Кулакова в Финляндский госпиталь. В некоторых списках назван Куликовым. Дальнейшая судьба не выяснена.

Курочкин Аввакум Леонтьевич — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службу вступил в 1812 году, в гвардию переведен в 1821 году. Был на площади в рядах восставшего батальона. Заключен в крепость и 27 февраля 1826 года послан на Кавказ — заслуживать вину на передовой линии огня.

Лаврентьев Иван Филиппович — матрос 2-й статьи 2-й роты. Убит на Сенатской площади 14 декабря.

Леонтьев Федор Леонтьевич — матрос 2-й статьи 4-й роты. В службу вступил в 1816 году. Исключен из списков Гвардейского экипажа за участие в восстании 14 декабря. После содержания в Петропавловской и других коепостях отправлен на Кавказский театр войны.

Майоров Андрей Егорович — матрос 2-й статьи 6-й роты. В службу вступил в 1819 году, через три года переведен в гвардию. Был 14 декабря на Сенатской площади в рядах своего батальона. Сидел в крепости и послан на Кавказский фронт.

Максимов Андрей Максимович — матрос 1-й статьи 4-й роты. В службе с 1806 года, в гвардии — с 1814 года. За участие в восстании заключен в крепость и в конце февраля 1826 года послан на Кавказ.

Малафеев Николай Малафеевич — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службе с 1816 года. Был на площади в рядах экипажа. В официальных источниках разноречие: по одним — убит на площади, по другим — сидел в крепостях и 27 февраля отправлен на Кавказ.

Мелентьев Иван Филиппович — матрос 1-й статьи 2-й роты. В службу вступил в 1815 году, через 3 года переведен в гвардию. Был на площади при своей роте. По одним сведениям убит во время восстания, по другим — заключен в крепость без указания дальнейшей судьбы.

Мечев Федор Терентьевич — матрос 2-й статьи 8-й роты. В службе с 1813 года. За участие в восстании 14 декабря отправлен на Кавказ после двухмесячного заключения в крепость.

Михайлов Захар — матрос ластовой роты Гвардейского экипажа. Содержался в крепости до 9 января 1826 года. Освобожден по личному повелению царя. Отношение Михайлова к событиям 14 декабря и судьба его после освобождения из крепости не выяснены.

Молодцев Петр Борисович — матрос 2-й статьи 5-й роты. Вступил в службу в 1820 году. Был 14 декабря на площади

в рядах экипажа. После двухмесячного заключения в крепостях отправлен на Кавказ.

Морозов Анцыфор Яковлевич — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службе с 1817 года. 14 декабря был на площади при своей роте. Исключен из списков экипажа 27 декабря как пропавший без вести.

Никитин Дмитрий — писарь 4-го ластового экипажа. Доставлен в морской госпиталь «с огнестрельной проходной раной в левое плечо». В рапорте адмиралтейской госпитальной конторы начальнику морского штаба от 16 декабря сообщается, что Никитин «благонадежен к выздоровлению». Дальнейшее не выяснено.

Никитин Моисей Никитич — матрос 2-й статьи 4-й роты. В службе с 1806 года. Был на площади в рядах экипажа. Заключен в Петропавловскую крепость, в январе переведен в финляндские крепости. 27 февраля 1826 года отправлен на передовую линию огня Кавказского фронта.

Новиков Василий Максимович — матрос 2-й статьи 3-й роты. Срока службы 1816 года. За участие в восстании 14 декабря заключен в крепость. В конце февраля отправлен на Кавказ — в самые опасные места.

Овечкин Никифор Федорович — бомбардир артиллерийской команды Гвардейского экипажа. В службе с 1813 года. После восстания 14 декабря включен в список пропавших без вести.

Орлов Николай Иванович — матрос 2-й статьи 1-й роты. Срока службы 1817 года. Был в рядах экипажа на площади. Сидел в крепостях. 27 февраля 1826 года отправлен на Кавказ.

Осокин Дмитрий Иванович — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службе с 1814 года. Был 14 декабря на площади. Заключен в крепость. Послан на Кавказ.

Пегов Федор Константинович — матрос 2-й статьи 2-й роты. Поступил на службу в 1816 году. На Сенатской площади 14 декабря ранен картечью в живот на вылет. Доставлен матросом экипажа в Финляндский госпиталь, откуда выбыл 3 января 1826 года. Дальнейшая судьба не выяснена.

Петров Федосей Петрович — цырюльник 4-й роты Гвардейского экипажа. В службе с 1821 года, в гвардии с 1825 года. За участие в восстании 14 декабря заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен в Кексгольмскую крепость. В феврале 1826 года отправлен на Кавказ — на передовую линию огня.

Петряшев Андрей Савинович — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службу вступил в 1818 году, в гвардию переведен в 1824 году. 14 декабря был на площади со своей ротой. Заключен в крепость и в феврале 1826 года отправлен на Кавказский фронт.

Поносенков Иван Афанасьевич — матрос 2-й статьи 8-й роты. В службе с 1816 года. За участие в восстании заключен в крепость и отправлен в феврале 1826 года на Кавказ — в самые опасные места. В некоторых списках значится Поносеновым.

Реутов Николай Никитич — матрос 2-й статьи 8-й роты. В службе с 1814 года, в гвардии с 1825 года. Был 14 декабря на Сенатской площади в рядах своего батальона. После заключения в крепостях отправлен на Кавказский театр войны.

Румянцев Петр Григорьевич — матрос 2-й статьи 3-й роты. В службе с 1817 года. За участие в восстании в рядах экипажа посажен в крепость. В феврале 1826 года послан на Кавказ — отслуживать на передовой линии огня свою вину.

Соколов Кирьяк Васильевич — музыкант 5-й роты по одному списку, по другому — матрос 1-й статьи той же роты. В службе с 1819 года. Был 14 декабря в строю на площади. Ранен картечью в грудь на вылет. Отправлен в лазарет Финляндского полка. Умер 28 декабря.

Соколов Трифон Степанович — матрос 2-й статьи 8-й роты. В службе с 1817 года, в гвардии с 1825 года. Был на площади 14 декабря. Заключен в крепость. В феврале послан на Кавказский фронт.

Соколов Федор Павлович — квартирмейстер 3-й роты. В службе с 1814 года, в гвардии с 1821 года. Был 14 декабря на площади в рядах восставшего экипажа. По выдержании в крепостях отправлен на Кавказ в феврале 1826 года.

Сотов Родион — рядовой 5-й роты Гвардейского экипажа. Прислан в артиллерийский госпиталь с билетом экипажа «для излечения болезни» вместе с Ив. Зайцевым, Вас. Кирилловым и другими участниками восстания 14 декабря. По сообщению конторы госпиталя командиру экипажа на больном были панталоны, рубаха, кивер и другие предметы обмундирования. Других сведений о Сотове нет.

Степанов Федор Степанович — матрос 2-й статьи 3-й роты. В службе с 1821 года, в гвардии с 1825 года. Был на площади в рядах экипажа. Посажен в крепость. Отправлен в феврале 1826 года на Кавказский фронт.

Стефансон Пауль Стефанович — матрос 2-й статьи 2-й роты. В службу вступил в 1810 году, через 4 года переведен в гвардию. Был 14 декабря с экипажем на площади. Исключен 27 декабря из списков как пропавший без вести.

Суровой Федор Семенович — матрос 2-й статьи 1-й роты. В службе от 1812 года. 14 декабря контужен на Сенатской площади в правую щеку. Доставлен в Финляндский лазарет, а оттуда 22 декабря — в Петропавловскую крепость. Сидел в Кексгольмской крепости. В конце февраля 1826 года отправлен на Кавказский фронт.

Тиханов (Тихонов) Яков Егорович — боцманмат 1-й роты. В службу вступил в 1805 году. Имел медаль в память 1812 года и знак железного креста за отличие в отечественной войне. За участие в восстании после заключения в крепости отправлен на Кавказ.

Трунов Никифор Еремеевич — матрос 1-й статьи 5-й роты. Срока службы 1810 года. С 1812 года в Гвардейском экипаже, с которым участвовал в отечественной войне. Был 14 декабря в рядах своей роты на Сенатской площади. Ранен картечью в верхнюю челюсть и доставлен в лазарет Финляндского полка. 22 декабря выписан оттуда и 26 декабря заключен в Петропавловскую крепость. В январе переведен в Кексгольмскую крепость. В фев-

рале отправлен на передовую линию огня Кавказского театра войны.

Тулапин Петр Степанович — матрос 2-й статьи 2-й роты. Срока службы 1812 года. 14 декабря был на Сенатской площади со своей ротой. «Прострелен картечью в грудь на вылет» и доставлен в лазарет Финляндского полка. Умер там же по одним сведениям 22 декабря, по другим — 24 декабря.

Федоров Иван Федорович — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службе с 1819 года, в гвардии с 1825 года. Был 14 декабря на площади. По одним сведениям убит картечью, по другим — показан рядовым 6-й роты и после заключения в крепости отправлен на Кавказ в феврале 1826 года.

Федоров Никита — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службе с 1820 года. За участие в восстании 14 декабря заключен в Петропавловскую крепость. Заболел там и переведен в госпиталь. 8 марта 1826 года возвращен в крепость, в конце апреля отправлен на Кавказ.

Федосеев Иван был парусником 3-го класса петербургского адмиралтейства. Как сообщается в докладе директора кораблестроения царю, Федосеев «по собственным надобностям отпросился в первом часу дня, чтобы отправиться на рынок». Возвращаясь с рынка и проходя в 4-м часу дня по Исаакиевской площади, был ранен в плечо и в ляшку. Отправлен в госпиталь, умер утром 15 декабря.

Харашилов (Хорошилов) Василий — унтер-офицер Гвардейского экипажа. По сообщению «Алфавита членам злоумышленных тайных обществ» был 14 декабря на Сенатской площади в рядах восставших. «По прибытии на площадь вел. князя Михаила Павловича, Хорошилов, вняв убеждениям его высочества, хотел оставить батальон». Но мичман Шпейер, «удерживая его, из боязни или предосторожности говорил ему, что его убьют»[1]. Доводы мичмана показались Хорошилову серьезнее убеждений великого князя. Он остался на площади, а после разгрома восстания скрывался в казармах Семеновского полка. Здесь он был арестован 19 декабря капитан-лейтенантом М. Н. Лермантовым. При нем была вся его амуниция. Дальнейшая судьба Хорошилова неизвестна.

Хватов Иван Федорович — матрос 2-й статьи 6-й роты. В службе с 1816 года. Был на площади в рядах экипажа. При разгроме восстания у Хватова была «подавлена грудь лошадьми». Его доставили в артиллерийский госпиталь. По выздоровлении, 14 января, заключен в Петропавловскую крепость. Затем переведен в Кексгольмскую крепость, а в феврале отправлен на Кавказский театр войны.

---

[1] Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17 декабря 1825 г. следственною комиссией. Восстания декабристов, т. VIII. Л., 1925, стр. 216.

Хмельков Федор — матрос 1-го (по другим сведениям 4-го) ластового экипажа. Был на площади 14 декабря среди восставших. Получил огнестрельную рану выше правой голени. Доставлен в лазарет нового полкового двора на Галерной улице, а оттуда в морской госпиталь. В рапорте госпитальной конторы начальнику морского штаба Хмельков показан «благонадежным к выздоровлению». Дальнейшая судьба его не выяснена.

Чашин (Чащин) Иван Никитич — матрос 2-й статьи 8-й роты. Срока службы 1820 года, в гвардии с 1825 года. За участие в восстании 14 декабря заключен в Петропавловскую крепость. В конце февраля 1826 года отправлен на Кавказ.

Чернявин (Ченявин) Лука Симонович — матрос 1-й статьи 6-й роты. В службе с 1811 года. Имел медаль в память отечественной войны 1812 года. Был на Сенатской площади в рядах восставшего экипажа. После заключения в Петропавловской и других крепостях послан в феврале на Кавказский фронт отслужить свою вину в первых, наиболее опасных рядах.

Черняков Иван Герасимович — бомбардир (с 7 мая 1825 г.) артиллерийской команды Гвардейского экипажа. В службе с 1814 года. Во время восстания находился в составе батальона на Сенатской площади. Исключен 27 декабря из списков как пропавший без вести.

Шабанов Иван Григорьевич — матрос 2-й статьи 2-й роты. Срока службы 1814 года. По спискам пропал без вести после восстания 14 декабря, когда находился в рядах экипажа на Сенатской площади.

Шеблешов (Щеблетов) Иван Федорович — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службе с 1817 года. Был на площади среди восставших, заключен в крепость. В феврале 1826 года отправлен на Кавказский фронт.

Шелыганов Иван Андреевич — матрос 2-й статьи 4-й роты. Вступил в службу в 1814 году. Вышел с батальоном на Сенатскую площадь во время восстания 14 декабря. Заключен в крепость и послан заслуживать вину на Кавказском театре войны.

Шепырев Андрей Михайлович — матрос 2-й статьи 5-й роты. В службе состоял с 1816 года. За участие в восстании отправлен после заключения в крепости на передовую линию огня Кавказского фронта.

Шишманов Николай Корнеевич (по другим спискам Шишмалев и Шитманов) — матрос 2-й статьи 1-й роты. В службе с 1816 года. Вышел на Сенатскую площадь 14 декабря в составе Гвардейского экипажа. При разгроме восстания получил контузию в пах. Доставлен 16 декабря в военно-сухопутный госпиталь. На нем были мундир и другие предметы одежды. После 21 декабря заключен в Петропавловскую крепость. В конце февраля 1826 года послан на Кавказ — отслуживать свою вину в рядах, где «представлялось наиболее опасности».

Шминев Николай — рядовой гвардейского экипажа. Был 14 декабря в рядах своей части на Сенатской площади. Во время разгрома восстания ранен. Доставлен в военный госпиталь.

7 января заключен в Петропавловскую крепость. В феврале отправлен на Кавказский театр войны.

Шукаев Андрей Кириллович — матрос 2-й статьи 7-й роты. В службу зачислен в 1816 году. За участие в восстании 14 декабря выдержан в крепостях и послан на передовую линию огня Кавказского фронта.

Щеголев Трифон Васильевич — матрос 2-й статьи 7-й роты. Служил с 1813 года. Был на Сенатской площади среди восставших. После заключения в Петропавловской и финляндских крепостях отправлен в Кавказский корпус.

Юрьев Петр Юрьевич — матрос 2-й статьи 7-й роты. Срока службы 1821 года, в Гвардейском экипаже с 1825 года. За участие в восстании 14 декабря послан на Кавказский фронт.

Яковлев Иван Яковлевич — матрос 2-й статьи 2-й роты. В службе с 1819 года, в гвардии с 1821 года. Был 14 декабря на площади в рядах своей роты. В списках 27 декабря числится пропавшим без вести.

II. К БИОГРАФИИ К. П. ТОРСОНА (см. стр. 80)

По рапорту командира «Амфитриды» капитана 2 ранга Тулубьева морскому министру дело обстояло так: «Сего месяца 9-го числа с вверенного мне фрегата поутру в 6-ть часов послан был в Либау на катере мичман Торсон на почту с несколькими анкерками за водой, которой, по приезде до гавани, увидел 2-х солдат издалека; стал спрашивать, нет ли неприятеля в Либау, а на другой стороне увидел бегущих человек до 100 солдат, то он в то же время сел на катер и стал отваливать от берегу, поставя фок; солдаты же начали по катеру палить с пулями и ранили его, Торсона, слегка в ногу, убили одного матроса и деньщика; мичман же Торсон, хотя быв ранен, однако взял сам руль и людям велел лечь под банки; солдаты, не переставая палить вдогонку, ранили под банками еще пять человек матроз. О чем вашему высокопревосходительству честь имею донести, рекомендуя помянутого мичмана» [1].

В вахтенном журнале «Амфитриды» (фрегат, с корветом «Помона» и бригом «Меркурий» лавировал под Либавой) записано: «С полуночи 9-го июля: В начале часа (6-го) взяли грот и фок на гитовы, тогда поворотили на оверштаг, на левый галс и положили грот-марсель на стеньгу. В $^1/_2$ часа (половина 6-го утра) спустили на воду 10 весельный катер, который и послан с мичманом Торсоном в Либау за пресною водою. Тогда наполнили грот-марсель... В $^1/_2$ часа (8-го) поворотили мы через фордевинд на левый галс и поворотили сель на стеньгу для поджидания посланного в Либау катера...

В $^1/_2$ часа (9-го) посланный от нас катер с помянутым мичманом и служителями из города Либау к фрегату возвратился без воды, и мичман, раненый в ногу, а равно и матроз 6 человек в разные места раненые ж, да убитых 2, коих подняв и катер на фрегат, мало спустя, бригу «Меркурию» и корвету «Помона» сигналом от нас дано знать, чтобы не иметь з берегом никакого сообщения и не посылать гребных судов...

В 12 1/2 час. дня волею божиею 1 умершего и 2-х человек убитых в Либау, по долгу христианскому отпев, бросили за борт» (последние слова исправлены: «опустили в море»).

31-го. июля мичман Торсон получил именной высочайший рескрипт: «Господину флоту мичману Торсону. Во изъявление внимания моего к неустрашимости, оказанной вами 9-го сего июля, когда, будучи посланы на катере в Либау нашли там неприятеля и не смотря на полученную от него рану употребили все меры к спасению каманды вашей, всемилостивейше жалую вас кавалером ордена св. Анны 3-го класса. коего знак при сем препровождается» [1].

Это была первая по времени награда по флоту за Отечественную войну (Из книги Н. Д. Каллистова «Русский флот и двенадцатый год. Роль и участие флота в Отечественной войне, в связи с циклом Наполеоновских войн России. По архивным материалам. С 2 рис., 4 портретами и 2 схемами. Спб., 1912, стр. 141 и сл.).

---

[1] Архив Морского министерства. Дело № 461. Разные сведения о неприятельских войсках и действиях против них канонерских лодок.

К/3082.

III. БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. Соч., т. XIX.

Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. Соч., т. XVII.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Соч., т. XVIII.

Ленин В. И. Памяти Герцена. Соч., т. XV.

Сталин И. В. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М., Партиздат, 1934.

Азадовский М. К. Н. А. Бестужев о бурятском хозяйстве. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927.

Азадовский М. К. Николай Бестужев — этнограф. Ирк., 1925.

Азадовский М. К. Стери в восприятиях декабристов. Сб. «Бунт декабристов». Л., 1925.

Азадовский М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. Сб. «Сибирь и декабристы». Ирк., 1925.

Азадовский М. К. Якутская поэма декабриста Чижова, отд. оттиск без года и места печати.

Алексеев М. П. Писатели-моряки. Н. А. Бестужев. «Моряк» № 152 и 164. Од., 1922.

Аренс Е. И. Гвардейские моряки под Кульмом. Страница из истории Гвардейского экипажа. Спб., 1913.

Арсеньев В. С. и Картавцев Н. М. Декабристы-туляки. Тула, 1926.

Барановская М. Ю. Художник-декабрист Н. А. Бестужев. «Труды государственного исторического музея», Вып. XV. М., 1941.

Бассаргин Н. В., декабрист. Записки. Ред. Н. Б. Щеголева. Петр., 1917.

Бассаргин Н. В., декабрист. Неизданная рукопись. Ред. Е. Е. Якушкина. «Каторга и ссылка» № 5. М., 1925.

Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 18, 19 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах Востоке и Мирном под начальством капитана Беллинсгаузена — командира шлюпа Восток; шлюпом Мирным начальствовал лейтенант Лазарев, ч. I и II. Спб., 1831.

Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1830. Спб., 1882.

Бестужев А. А. Памятная книжка 1824 года. Ред. Н. В. Измайлова. Сб. «Памяти декабристов», вып. I. Академия наук СССР. Л., 1926.

Бестужев М. А. Дневник путешествия нашего из Читы 1830. Сб. «Атеней», кн. III. Л., 1926.

Бестужев Н. А. Выписка из журнала плавания фрегата «Проворный» в 1824 году. «Записки, издаваемые государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности», ч. VIII. Спб. 1825.

Бестужев Н. А. Опыт истории российского флота. «Труды Вольного общества любителей Российской словесности», ч. XX, кн. I и II. Спб., 1822.

Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка. Спб., 1860.

Бестужев Н. А. Сражение при Ганго-Уде. «Труды Вольного общества любителей Российской словесности», ч. XXIV, кн. III. Спб., 1823.

Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., 1933.

Бестужевы. Воспоминания. Ред. М. К. Азадовского и др. М., 1931.

Бестужевы М. и Н. Письма из Сибири. Ред. М. К. Азадовского и др. Вып. I. Ирк., 1929.

Боровков А. Д. Свод показаний членов злоумышленных обществ о внутреннем состоянии государства. Сб. «Декабристы. Отрывки из источников». М.-Л., 1926.

Бродский Н. Л. Декабристы в художественной литературе. «Каторга и ссылка» № 8 (21). М., 1925.

Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. «Русская старина» № 6. Спб., 1903.

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота, ч. I и II. Спб., 1895. То же, изд. Военмориздата. М.-Л., 1939.

Виноградский И. А. Действия Морского гвардейского экипажа в войну 1813 г. «Морской сборник» № 4—6. Спб. 1903.

Виноградский И. А. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 г. «Морской сборник» № 4 и 5. Спб., 1899.

Волконская М. Н. Записки. Ред. М. С. Волконского. Спб., 1906.

Волконский С. Г., декабрист. Записки. Ред. М. С. Волконского. Спб., 1901.

Восстание декабристов. Материалы, т. I—IV. М.-Л., 1925—1927.

Вяземский П. А. Избранные стихотворения. Ред. В. С. Нечаевой. М.-Л., 1935.

Габаев Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка. В кн., А. Е. Пресняков — «14 декабря 1825 года». М.-Л., 1926.

Гастфрейнд Н. А. Бракоразводное дело Мих. Кюхельбекера. „Всемирный вестник" № 4 Спб. 1903.

Гастфрейнд Н. А. Декабристы во флоте. Спб., 1903.

Герцен А. И. Былое и думы. Ред. Ф. А. Левина, И. С. Новича и С. Я. Штрайха. Изд. Гослитиздата, т. II. М.-Л., 1937.

Герцен А. И. Русский заговор 1825 года. Соч., т. IX. Ред. М. К. Лемке. Петр., 1919.

Гессен С. Я. Декабрист Н. Р. Цебриков и его мемуары. Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.», т. I. М., 1931.

Гессен С. Я. Источники 10-й главы «Евгения Онегина». Сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932.

Гессен С. Я. Солдатские волнения в начале XIX в. М., 1929.

Гессен С. Я. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930.

Гессен С. Я. и Коган М. С. Декабрист Лунин и его время. «Труды Пушкинского дома Академии наук». Л., 1925.

Головнин В. М. Сочинения и переводы, т. IV. Спб., 1864.

Горбачевский И. И. Записки и письма. Ред. Б. Е. Сыроечковского. М., 1925.

Государственные преступления в России в XIX в. Ред. В. Я. Богучарского. Т. I. Спб., 1906.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930.

Гусев Н. Н. «Послание в Сибирь», неизвестные варианты стих. А. С. Пушкина. «Литературная газета», 10 июня. М., 1939.

Декабристы. «Записки отдела рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина», вып. III, М., 1939.

Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Ред. Е. Е. Якушкина. М., 1926.

Дмитриев-Мамонтов А. И. Декабристы в Западной Сибири. Спб., 1905.

Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. Ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. IV. М.-Л., 1937.

Довнар-Запольский М. В. Декабрьская революция 1925 г. «Голос минувшего» № 7—8. М., 1917.

Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. М., 1907.

Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. М., 1906.

Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

Дружинин Н. М. Масонские знаки П. П. Пестеля Сб. «Музей революции СССР», вып. II. М., 1929.

Евгеньев-Максимов В. Е. Поэма «Русские женщины»

(Н. А. Некрасова) в отзывах современников. «Красная нива». М., 1928.

Егоров И. В. Моряки-декабристы. Л., 1925.

Завалишин Д. И. Записки декабриста. Спб., 1906.

Завалишин Д. И. Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг. под командой М. П. Лазарева. «Древняя и новая Россия» № 5—7 и 9—11. Спб., 1877.

Измайлов Н. В. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. Сб. «Памяти декабристов», вып. I. Академия наук СССР. Л., 1926.

Иконников В. С. Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени. Спб., 1905.

Казин Н. П. Рапорт о плавании фрегата «Проворный». «Записки, издаваемые государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности», ч. VIII. Спб., 1825.

Каллистов Н. Д. Флот в царствование Александра I. Сб. «История русской армии и флота», т. IX. М., 1913.

Каратыгин П. А. Записки. Ред. Б. В. Казанского. т. I и II. М.-Л., 1929.

Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. Ред. и вступительная статья П. Е. Щеголева. Спб., 1914.

Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева, т. I., кн. I. М., 1889.

Коробка Н. И. Польские общества 20-х годов и декабристы. Сб. «О минувшем». Спб., 1909.

Кошелев А. И. Записки (1812—1883 г.). Берл., 1884.

Кропоткин П. А. Дневник. Центрархив. М.-Л., 1923.

Кротков А. С. Морской кадетский корпус. Спб., 1901.

Кубалов Б. Г. Архив декабристов. Сб. «Сибирь и декабристы». Ред. М. К. Азадовского, И. Е. Золотарева и Б. Г. Кубалова. Ирк., 1925.

Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Ирк., 1925.

Кудрявцев Ф. А. Декабрист К. П. Торсон в Забайкалье. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927.

Кудрявцев Ф. А. Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927.

Кюхельбекер В. К. Дневник. Ред. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929.

Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Ред. Ю. Н. Тынянова. Л., 1939.

Кюхельбекер М. К. Письма. Сб. «Декабристы». Летописи Государственного литературного музея. Ред. В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Чулкова. Кн. III. М., 1938.

Кюхельбекер М. К. Письма к Е. П. Оболенскому. Сб. «Декабристы. Неизданные материалы и статьи». Ред. Б. Л. Модзалевского и др. М., 1925.

Литке Ф. П. Автобиография. «Записки Академии наук», т. 57. Спб., 1888.

Лорер Н. И. Записки декабриста. Ред. М. В. Нечкиной. М., 1931.

Лукашевич С. Материалы по истории русского флота. «Морской сборник» № 6—7, Петр., 1920.

Лунин М. С., декабрист. Общественное движение в России. Письма из Сибири. Ред. С. Я. Штрайха. М.-Л., 1926.

Лунин М. С., декабрист. Сочинения и письма из Сибири. Ред. С. Я. Штрайха. «Труды Пушкинского дома Академии наук». Петр., 1923.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. Ред. Б. Е. Сыроечковского. М.-Л., 1926.

Мейлах Б. С. Пушкин в литературных объединениях декабристов. «Красная новь» № 1, М., 1936.

Мейлах Б. С. Пушкин и литературная борьба декабристов. «Литературный современник» № 10. Л., 1936.

Модзалевский Б. Л. Вл. Павл. Романов. «Русский биографический словарь». Петр., 1918.

Модзалевский Б. Л. и Сиверс А. А. Алфавит членам злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденной 17 декабря 1825 г. следственной комиссией. Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. Л., 1925.

Муравьев А. М., декабрист. Записки. Перевод и редакция С. Я. Штрайха. Петр. 1922. То же, перевод и редакция П. А. Садикова в сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.». т I. М, 1931.

Муравьев М. В. Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты. Сб. «Тайные общества в России в начале XIX в.». М., 1926.

Мурзанов Н. А. К биографии М. К. Кюхельбекера. «Былое» № 3. Спб., 1907.

Неизвестный. Заметки о декабристах и о русских мореках прежнего времени. «Пушкинский сборник», вып. IV. М., 1905.

Некролог В. П. Романова. «Одесский вестник» № 235 от 24 октября 1864 г. То же, «Русский инвалид» № 245 от 5 ноября. Спб., 1864.

Нечкина М. В. Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского. Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I. М.-Л., 1939.

Нечкина М. В. Грибоедов и его эпоха. «Большевик» № 3—4, М., 1945.

Нечкина М. В. Ленин о декабристах. «Фронт науки и техники» № 5—6. М., 1935.

Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М.-Л., 1927.

Нечкина М. В. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. «Каторга и ссылка» № 4. М., 1930.

Нечкина М. В. Пушкин и декабристы. «Вестник Академии наук СССР» № 2—3. М.-Л., 1937.

Нечкина М. В. Семинарий по декабризму. М., 1925.

Нечкина М. В. Следственное дело о Грибоедозе. М.-Л., 1945.
Общий морской список, ч. III—VIII. Спб. 1890—1894.
Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений и писем. Ред. И. А. Кубасова и Д. Д. Благого. М.-Л., 1934.
Окунь С. Б. Российско-американская компания. Ред. и предисловия акад. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1939.
Остафьевский архив князей Вяземских. Ред. В. И. Саитова. Т. III и IV. Спб., 1899.
Павлов-Сильвановский Н. П. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов/Дон, 1907.
Пассек Т. П. Из дальних лет, т. II. Спб., 1906.
Першин-Караксарский П. И. Воспоминания о декабристах. «Исторический вестник» № 11, Спб., 1908.
Пестель П. И. Русская правда. Наказ временному Правлению. Ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1906.
Пиксанов Н. К. Дворянская реакция на декабризм. Сб. «Звенья», вып. II. М.-Л., 1933.
Пиксанов Н. К. Пушкинская студия. Петр., 1922.
Попов М. М. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года. Сб. «О минувшем». Спб., 1909.
Попов М. М. Число жертв 14 декабря 1825 г. «Былое» № 3. Спб., 1907.
Пушкин А. С. Сочинения. Ред. М. А. Цявловского, С. М. Бонди и др. Т. VI. М.-Л., 1936.
Пушкин Б. С. Арест декабристов. Сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932.
Пущин И. И. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Ред. С. Я. Штрайха. М., 1925. То же, изд. 1927 г.
Пущин И. И. Записки о Пушкине. Ред. С. Я. Штрайха. М., 1934. То же, изд. 1936 г.
Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I, изд. 5-е. Петр., 1918.
Розен А. Е. Записки декабриста. Ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1907.
Романов В. В. Сестра декабриста. «Русский вестник» № 10. М., 1893.
Романов В. П. Мысли о путешествии, которое можно предпринять от реки Медной по сухому пути до Ледовитого океана и до Гудсонова залива. «Северный архив», ч. XVII, № 18. Спб., 1925.
Романов В. П. О колюжах или колошах вообще. «Северный архив», ч. XVII, № 17, Спб., 1825.
Романов В. П. Отрывки из походных записок в Испанию 1818 г. «Отечественные записки», ч. II., Спб., 1820.
Романов В. П. Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудсонова залива. «Московский телеграф», ч. V, № 18, 1825.
Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. Сборник материалов. Ред. А. И. Андреева. М.-Л., 1944.

Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. Ред. А. Г. Цейтлина. М.-Л., 1934.

Сгибнев А. Байкал и его судоходство. «Морской сборник», т. 107, № 4. Спб., 1870.

Семевский В. И. Восстание Семеновского полка в 1820. «Былое» № 1—3. Спб., 1907.

Семевский В. И. Декабристы-масоны. «Минувшие годы» № 2—3 и 5—6. Спб., 1908.

Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909.

Семевский М. И. Ник. Ал. Бестужев. 1791—1855. «Заря» № 6. Спб., 1869.

Сенявин Д. Н., адмирал. Записки. Ред. и предисловие Н. В. Новикова. В кн: В. Гончаров — «Адмирал Сенявин». Военмориздат. М.-Л., 1945.

Симонов И. М. Астрономические и физические наблюдения, деланные во время путешествия его около света на шлюпе Востоке, ч. I., Спб., 1828.

Симонов И. М. Слово о успехах плавания шлюпов Востока и Мирного около света и особенно в Южном Ледовитом море в 1819, 20 и 21 гг., произнесенное в торжественном собрании Казанского университета. Казань, 1822.

Списки раненым нижним чинам со стороны противной. «Былое» № 3. Спб., 1907.

Стратен В. и Трифильев Е. До материалов про декабристов. Сб. «Рух декабристов на Украини». Харьков, 1926.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 г. М., 1943 г.

Толстой Ф. П. Записки «Русская старина» № 2. Спб., 1878.

Торсон К. П. Письма к Н. А. Бестужеву. Сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927.

Трубецкой С. П. Записки. Спб., 1906.

Тургенев Н. И. Дневники 1811—1816 гг. «Архив Тургеневых», вып. III. Спб., 1913.

Тургенев Н. И. Россия и русские, ч. I. М., 1907. Его же. Записки изгнанника. Спб., 1907. Его же. Воспоминания изгнанника. Спб., 1915.

Фонвизин М. А., декабрист. Обозрение проявлений политической жизни в России. Вступительная статья В. И. Семевского. Сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905.

Фролов А. Ф. Воспоминания по поводу статей Д. И. Завалишина. Ред. и вступительная статья С. Я. Гессена Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.», т. II. М., 1933.

Щебриков Н. Р. Письма декабристу Е. П. Оболенскому. «Русская старина» № 7. Спб., 1903.

Ченцов Н. М. Восстание декабристов. Библиография. Ред. Н. К. Пиксанова. М.-Л., 1929.

Чернов С. Н. Из истории солдатских настроений в начале 20-х гг. Сб. «Бунт декабристов». Л., 1925.

Чижов Н. А., декабрист. Журавли, стих. Сб. «Декабристы. Материалы для характеристики.». Ред. П. М. Головачева. М., 1907.

Чижов, Н. А., декабрист. «Нуча», поэма. «Московский телеграф» № 8, 1832.

Чижов Н. А. О Новой Земле. «Сын отечества» ч. 83, № 4, стр. 157-174. Спб., 1823.

Чернов С. Н. Имущественное положение декабристов. «Красный архив» № 2 (XV). М., 1926.

Чулков Н. П. «Москва и декабристы и их время», т. II. М., 1932.

Шереметева В. П. Дневник 1825—1826 гг. М., 1916.

Шестаков М. Моряки-декабристы. «Партийно-политическая работа в ВМФ» № 20. М., 1940.

Шилов А. А. и Кашаухова. Деятели революционного движения в России. Ред. Б. П. Козьмина и др. т. I. М., 1927.

Штейнгель В. И. Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский завод 1830 г. Сб. «Декабристы», «Труды Пушкинского дома». М., 1925.

Штейнгель В. И. Записки. Ред. П. Е. Щеголева, с биографическим очерком В. И. Семевского. Сб. «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905.

Штрайх С. Я. Брожение в армии при Александре I. Петр., 1922.

Штрайх С. Я. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Петр., 1922.

Штрайх С. Я. Декабристы на каторге и в ссылке (Письма жен декабристов из Сибири). Сб. «Декабристы на каторге и в ссылке». М., 1925.

Щеголев П. Е. Декабристы. М.-Л., 1926.

Щепкина Е. Н. Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов. Сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932.

Щепкина Е. Н. Помещичье хозяйство декабристов. «Былое» № 3 (31). Л., 1925.

Юнге Е. Ф. Воспоминания. М., 1914.

Якушкин И. Д. 14 декабря. Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 гг.», т. I. М., 1931.

Яковлев А. Семеновское дело. Сб. «Декабристы». Изд. «Прибой». Л., 1926.

Якушкин И. Д. Записки. Ред. Е. Е. Якушкина. Изд. 7-е. М., 1926.

Ке/3082.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

К. Ф. Рылеев *(с акварели)* 16
П. И. Пестель 32
Схематический план С.-Петербурга 1825 года *(из очерка Г. С. Габаева)* 37
Схема расположения войск 14 декабря 1825 года *(из очерка Г. С. Габаева)* 43
Выступление Гвардейского экипажа на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. *(с картины худ. Цветкова. Центр. В.-М. музей)* 48
Сенатская площадь 14 декабря 1825 г. *(рис. Кольмана)* . . . 64
Н. А. Бестужев 80
Д. И. Завалишин 96
М. К. Кюхельбекер *(с портрета работы Н. А. Бестужева)* 112
А. П. Беляев *(с портрета работы Н. А. Бестужева)* . . 128
П. П. Беляев *(с портрета работы Н. А. Бестужева)* . . 160
М. А. Бестужев *(с портрета работы Н. А. Бестужева)* . . 176
Д. А. Щепин-Ростовский *(с портсета работы Н. А. Бестужева)* 192
В. И. Штейнгель *(с литографии Эстеррейха)* 208
Читинский острог 221
Камера декабристов в Читинском остроге *(1829 г. рис. декабриста Н. П. Репина)* 224
Н. А. Бестужев рисует портрет брата Михаила *(автопортрет)* 240
Декабристы И. Д. Якушкин (слева), П. С. Бобрищев-Пушкин, М. К. Кюхельбекер (справа) *(с акварели)* 256
Петровский завод — место заключения декабристов *(рис. Н. А. Бестужева, 1834 г.)* Справа – сидит Н. А. Бестужев, за ним—часовой 272

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Тайные общества декабристов . . . 7

Моряки-декабристы 56

После 14 декабря 209

Заключение 289

Приложения:

I. Матросы-декабристы 297

II. К биографии К. П. Торсона . . . 307

III. Библиография 309

Список иллюстраций 317

Редактор *Н. Мазунин.*
Техн. редактор *З. Чернова.*
Корректор *А. Набатова.*

Подписано к печати 8-III 1946 г.
ГМ-00138. П. л. 22. Уч.-изд. л. 17,57.
Уч.-изд. № В 1 п. л. 33.280 зн.
Заказ № 609.

9-я типография Воениздата МВС СССР

Цена 12 руб.